

Л. П. ДРОБИНСКАЯ

ПОЛЕВАЯ ПОЧТА
1942
55 615

Пишите
мне
на медсанбач

ЛЕНИЗДАТ

Л. П. ДРОБИНСКАЯ

Письме
мне
на медсанбат

ЛЕНИЗДАТ · 1990

63.3(2)722.78

Д75

Редактор *Л. П. Бугрова*

Д $\frac{1305010000-031}{M171(03)-90}$ 69—90

ISBN 5-289-00757-1

© Л. П. Дробинская, 1990

ГЛАВА I
НА ПОДСТУПАХ
К ЛЕНИНГРАДУ

Начало ратного пути

Светлым летним вечером сорок первого, получив предписание в действующую армию, я отправлялась на фронт. Поезд отошел от перрона Финляндского вокзала во время воздушной тревоги. Вой сирен слился с паровозными гудками. Вместе с платформой уплывали назад мама и моя подруга врач Анна Бартенева. Промелькнули Кушелевка, Ручьи, Токсово, а затем и ярко окрашенные, заново срубленные парадные поселки Карельского перешейка за бывшей государственной границей.

Под стук вагонных колес я вспомнила, как утром мой учитель профессор Георгий Артемьевич Зедгенидзе, прощаясь, тихо сказал:

— Возвращайтесь скорее. Надо же вам кончать аспирантуру.

Мне никогда больше не довелось работать под руководством Зедгенидзе, крупного ученого нашей страны, во время войны главного рентгенолога флота. Но благодарная память сохранила навыки, преподанные им, высокую требовательность, прежде всего к себе. Его бушующая энергия заражала всех, с кем соприкасался этот удивительный человек. Мы боялись ослушаться нашего учителя, смотреть в его гневные, сверкающие глаза.

Я посмела ослушаться его, только когда, расставшись с аспирантурой, уходила на фронт.

Колеса замедляли ход. Поезд медленно подходил к Кексгольму.

Военный комендант по карте показал путь в 19-й корпус. К вечеру попутной машиной я добралась в район Хиттолова, нашла командный пункт и получила направ-

ление в 115-ю дивизию, которой командовал генерал-майор В. Ф. Кольков.

— Вам надо ехать в район Кирву. Медсанбат стоит в лесу, — сказал начсанкор С. М. Гофман.

Днем санитарной машиной я выехала в свою дивизию. Тонкая фанерная стрелка привела меня к серым палаткам медсанбата, стоявшим между деревьями. Узнав, что в финскую кампанию я занималась не только военной рентгенологией, но и работала в протившоковой палате, комбат предложил мне прежде всего помочь командиру операционно-перевязочного взвода организовать протившоковую службу.

Старшего хирурга медсанбата Алексея Степановича Шнырева я знала раньше. Мазь Шнырева и теперь пользуется известностью как хорошее противовоспалительное средство.

Алексея Степановича я нашла за палатками медсанбата, на берегу небольшого озера. В зеркальной воде лениво купались тонкие веточки ив. Шнырев, свесив в озеро ноги в закатанных диагональных брюках, сосредоточенно смотрел на поплавок.

Он кивнул мне и, приложив палец к губам, показал на двух большущих окуней, лежавших на траве...

Через час, сосредоточенный и серьезный, Шнырев в приемном отделении осматривал раненых, устанавливал очередность операций и бранил в сердцах какое-то медицинское начальство.

У операционного стола этот несколько грубоватый человек преображался. Хороший врач с большим жизненным опытом, много лет работавший в больнице имени Нечаева в Ленинграде, он свободно разбирался в сложных ранениях военного времени, работал уверенно, четко. Вместе с помощниками — молодым хирургом Михаилом Пахманом и хирургом-стоматологом Михаилом Джорджания — он уже успел сделать в первые недели войны сотни различных операций.

Протившоковую палатку и донорский отряд мы организовали довольно быстро. Донорами стали почти все сестры, сандружинницы и часть врачей. Редкий день проходил без того, чтобы кто-нибудь из нас не отдавал свою кровь раненым.

В медсанбате много оперировали. Всех, кто мог вскоре вернуться в строй, оставляли для долечивания, остальных отправляли в полевые госпитали, находившиеся от нас в десяти-пятнадцать километрах. Конвейер войны действовал безотказно...

В медсанбат 115-й дивизии прибыл из Кексгольма большой хирургический отряд, имевший свой санитарный транспорт, значительный и постоянно пополняемый запас медицинского имущества. Ядро отряда составили преподаватели военно-фельдшерского училища имени Щорса. Командиром отряда был кадровый военврач второго ранга М. А. Могучий, умевший в любых условиях с ходу подключать свой отряд к делу и вместе со всеми работать у операционного стола. В составе отряда были Б. Н. Аксенов, Ф. М. Беленицкая, Н. Л. Волпян, Б. Копелювич, Л. Л. Либов, Г. М. Фрадкин. Почти все они суровой зимой тридцать девятого года работали в различных медсанбатах на Карельском перешейке и были отличными знатоками военно-полевой хирургии, мужественными и отзывчивыми людьми.

У Надежды Волпян, статной высокой женщины средних лет, профессия самая мирная — акушер-гинеколог роддома имени Снегирева. Теперь она, как и в финскую кампанию, занималась военно-полевой хирургией, надолго ставшей ее основной специальностью.

Военные раны очень сложные, никакими учебниками полностью не предусмотренные. Пули и осколки порою проникают очень глубоко, повреждают одновременно многие органы и ткани. Разобраться бывает непросто. Всем помогал старший хирург отряда Григорий Михайлович Фрадкин, ученик широко известного в Ленинграде главного врача больницы «В память 25 Октября» профессора Ивана Ивановича Виноградова.

Шестнадцать дней в тесном содружестве с нами проработал автохирургический отряд, пока не приехал начсанкор и не приказал ему срочно выехать в 168-ю дивизию, в район Сортавала.

16 июля отряд свернул палатки и погрузил их в машины. В кузовах на ящиках устроились врачи. Командир М. А. Могучий вручил каждому начальнику машины маршрут — по лесным и проселочным дорогам к далекой Ладоге.

Медсанбатовцы тепло простились с друзьями, поблагодарили их за большую работу по оказанию помощи раненым, пожелали счастливого пути.

...На каких дорогах войны мы снова встретимся?

Во второй половине августа обстановка на Карельском перешейке резко осложнилась. Наши части, сдерживая наступление противника, с боями отходили за реку Вуок-

су. Все раненые были эвакуированы. С часу на час ожидался приказ о передислокации медсанбата.

На исходе ночи мы покинули поросший лес в районе Кирву, стараясь держаться в стороне от больших дорог. Взошло солнце. Высокое небо с редкими перистыми облачками предвещало погожий день. Мы долго шли, приминая слишком рано опавшие листья, подкрепившись ягодами.

После полудня показался разбитый, освоенный небольшой городок Антреа. На покалеченных путях железнодорожной станции лежали изуродованные, опрокинутые колесами вверх вагоны, разбитые цистерны. Из реки Вуоксы торчали металлические конструкции изурованного железнодорожного моста. В зеленой воде отражался, покачиваясь верхушками, густой хвойный лес. По холмистым берегам реки была вражеская артиллерия.

Мы ненадолго остановились в лесу, поставили операционную палатку. Вскоре последовал приказ двигаться дальше. Но не успели мы свернуть палатку, как из леса выехала двуколка. На ней лежал раненый капитан. Он был без сознания. Голову покрывала намочная от крови повязка. Раненого внесли в палатку, положили на стол. На темени капитана зияла большая рана, из нее текла струйка темной крови.

— Надо немедленно оперировать, — сказал Шнырев, — иначе погибнет.

— Ну что ж, оставайтесь, — разрешил комбат. — Только помните: обстановка очень тревожная. Не задерживайтесь. — И он показал на карте место сбора.

Медсанбат ушел за реку. В лесу у Вуоксы остались Шнырев, врач Пахман и операционная сестра Мария Девяткина. Надо было торопиться. Враг совсем близко.

Шнырев расширил рану, удалил поврежденные мягкие ткани, остановил кровотечение. Осторожно захватил пинцетом сплюснутую пулю, лежавшую на оболочке мозга. Удалил сгустки крови. Капитан застонал. Сознание к нему медленно возвращалось.

— Мы сделали все, что могли, — сказал Шнырев. Он быстро и ловко наложил на голову капитана большую повязку. — Держись, друг, все будет хорошо. Теперь доведешь до госпиталя. Если понимаешь, то открой глаза, — попросил он с надеждой.

Веки раненого дрогнули и медленно приподнялись. На врача глянули покрасневшие влажные глаза. Это длилось мгновение. Потом веки снова сомкнулись.

Капитана вынесли из палатки, положили на двукол-

ку, и санитар повел лошадь по шаткому понтонному мосту на другой берег реки.

— Теперь скорее отсюда. Промедление смерти подобно! — сказал Шнырев.

...Уже не видно было ни машин, ни отходивших за Буоксу частей. Громыкала канонада. Только успели врачи и сестра перебежать на другой берег, как снаряд попал в один из понтонов. Через несколько часов Шнырев и его помощники присоединились к медсанбату.

В двадцатых числах августа мы миновали горящий Выборг. Город жестоко обстреливала вражеская артиллерия. На рыночной площади, у ателье верхней одежды, покачивались размалеванные манекены, а теплый ветер гнал дым пожарниц и уносил в залив обрывки бумаги и пепел.

Тридцатого августа неподалеку от поселка Левашово мне вручили предписание явиться в санитарное управление фронта.

— Вы служите вторую войну, — сказал мне начальник отдела кадров и боевой подготовки санитарного отдела фронта военврач первого ранга Л. И. Образцов. — Работали в медсанбатах, в автохирургическом отряде, в полевом госпитале. Имеете немалый опыт. Вы назначаетесь начальником отделения кадров и боевой подготовки санитарного отдела новой, Пятьдесят пятой армии. Что? Никогда не работали в такой должности? Не пугайтесь. Я ведь тоже раньше не имел о ней понятия.

Ошеломленная новым назначением, я спрятала направление в планшетку и вышла на улицу. Тут ко мне подскочил военврач второго ранга.

— Александр Александрович Новиков! — лихо приложив руку к пилотке, представился он. — Начальник первого отделения санотдела Пятьдесят пятой армии. По-едемте вместе. Мне тоже в Пушкин.

— А что такое первое отделение? — не без смущения спросила я.

— О, это, пожалуй, основное отделение в санотделе. Организация лечения и эвакуации раненых с передовой в медсанбаты и госпитали армии и фронта, — не без гордости ответил Новиков, расправляя складки на новенькой гимнастерке.

«Кадровый, наверное», — подумала я, с уважением поглядывая на начальника первого отделения. Вот и первый сослуживец. Вспомнился медсанбат 115-й дивизии,

наш отход на исходе августовской ночи, мокрые от соленого пота, выжженные солнцем гимнастерки на плечах моих товарищей. Новиков, видимо, этого не испытал.

Мы медленно шли набережной Фонтанки к Витебскому вокзалу. Нас обогнал отряд сандружинниц Красного Креста. За спиной у каждой девушки висели санитарная сумка и вещевой мешок. Правофланговая что-то сказала подругам, и над Фонтанкой-рекой вспыхнула и поплыла боевая песня.

Стук колес напомнил о первом дне войны. Я его встретила в Москве, в густонаселенной квартире, в переулке, убегавшем с холма к Трубной площади. Потрясенные женщины квартиры № 5 провожали своих мужей и сыновей в действующую армию.

Накануне в субботу у меня были встречи и переговоры в Наркомате здравоохранения. Они касались дел мирных — аспирантских.

— Экспериментальную часть диссертации проведете в Москве у профессора Анохина, — сказал мне несколькими днями раньше в Ленинграде мой шеф профессор Георгий Артемьевич Зедгенидзе.

В двенадцать часов 22 июня война подвела черту под всеми прежними мечтами. Аспирантура, научная работа, все, что недавно занимало мои мысли, отошло куда-то далеко, заслонилось грозным настоящим. Скорей домой! И — в армию. Надеть хранимую в шкафу гимнастерку. Нужно только приобрести кое-какие мелочи военного обихода, чтобы не тратить завтра попусту времени.

В магазине военторга сутолока. Прилавки осаждают гражданские и военные. Купив черный берет, несколько небольших рубиновых звездочек, прямоугольники — «шпаль» на гимнастерку и шинель, я с трудом пробилась к выходу. Теперь я полностью экипирована.

Ленинградский вокзал затемнен. Один за другим уходят воинские эшелоны. Наш поезд забит до отказа. За окном вагона стоят профессора Ленинградского мединститута М. Д. Тушинский и А. П. Цигельник, участники совещания в Наркомате здравоохранения. У них нет надежды достать билеты. Через открытое окно протягиваю свой билет с плацкартой. Появляется в вагоне вначале один профессор, за ним, по тому же билету, переданно-му через окно, протискивается второй.

Через минуту переполненный скорый поезд уходит к северу, к белым ночам Ленинграда.

На следующий день я вручила горвоенкому полковнику Ф. Ф. Расторгуеву рапорт с просьбой призвать меня в армию.

...Наш поезд, идущий только до Павловска, медленно пабирал скорость. Как тогда, на Финляндском вокзале полтора месяца назад, он отходил в час воздушной тревоги.

— Меня вызывал замначсанфронта Павел Иванович Арефьев, — прервал молчание Новиков, — предложил на выбор: оставаться начальником учебной части курсов усовершенствования медсостава или идти в действующую армию. Конечно, я попросился на фронт.

Поезд подошел к платформе Купчино и остановился. За низкими станционными строениями на унылой гладкой равнине вросли в землю небольшие почерневшие деревянные дома. Кое-где виднелись низкорослые одинокие деревца. Поезд долго стоял: впереди ремонтировали путь. Мы так и не дождались, пока его починят, вышли из вагона, пошли полями к дороге и на попутной машине приехали в Пушкин.

Формируемся

Формирование 55-й армии проходило в областной партшколе, размещавшейся в бывшем дворце Палей, недалеко от Александровского парка. Сюда прибывали в те дни боевые командиры различных родов войск. Через Пушкин на фронт шли пополнение и боевая техника сражавшимся полкам. К городу Пушкину выходили поредевшие части, тут формировались и санитарные поезда. К тенистым аллеям Александровского парка вели стрелки с красным крестом. По ним ориентировались санитарные двуколки и машины с ранеными.

В конце августа Гатчина, Красное Село, Пушкин, Павловск, Колпино стали прифронтовыми городами. Гражданское население поспешно уходило в Ленинград.

23 августа 1941 года Северный фронт был разделен на Карельский и Ленинградский. Ставка одобрила предложение Военного совета Ленинградского фронта о создании двух новых армий. В состав 42-й армии вошли части, сражавшиеся на красногвардейском (гатчинском) и красносельском направлениях, Слуцко-Колпинский участок фронта отошел к 55-й армии. Обе эти армии волею судьбы стали блокадными, ленинградскими.

*Начальник санитарной службы
55-й армии полковник медицин-
ской службы С. М. Гофман.*

Командовал 55-й армией генерал-майор танковых войск И. Г. Лазарев. Он прибыл с Нарвского участка фронта. Под его руководством войска Нарвской оперативной группы в исключительно сложных условиях совместно с моряками Чудской флотилии оказали упорное сопротивление рвущимся к Ленинграду вражеским войскам группы «Север» и нанесли им большой урон.

Войска 55-й армии надежно прикрыли подступы к Ленинграду. На каждом рубеже шли тяжелые бои.

Наш санитарный отдел, как все отделы штаба армии, был на бивуачном положении. Народ подбирался энергичный, живой.

Начальником санитарного отдела назначили С. М. Гофмана, бывшего начсана 19-го стрелкового корпуса. Одновременно с ним прибыл и военком отдела старший политрук С. Я. Кораблев. В первые месяцы войны он был в оперативной группе штаба главнокомандующего войсками северо-западного направления.

Кораблев с головой окунулся в новое для него дело. В тревожные сентябрьские дни сорок первого он разыскивал медсанбаты, полковые санчасти, разговаривал с ранеными, врачами, сестрами. Иногда случалось, что Кораблев по ошибке попадал в медсанбаты соседней 42-й армии.

— Кто их разберет,— как бы оправдывался в таких

*Комиссар санитарного отдела 55-й
армии батальонный комиссар
С. Я. Кораблев.*

случаях комиссар, — какой здесь свой, какой чужой. Все наши.

Чаще они выезжали вместе — начсанарм и комиссар. Их связывали большая дружба и полное взаимопонимание.

— Задача санитарного отдела должна быть всем предельно ясна, — говорил нам на первой лётучке начсанарм С. М. Гофман, вернувшись ночью из штаба армии. — Враг упорно рвется к Ленинграду. Наши войска оказывают всевозрастающее сопротивление. Бои идут кровопролитные. Ни один раненый не должен остаться на территории, временно захваченной противником. На Пушкин отходят вместе с войсками медсанбаты, медсанроты, медсанчасти. Ищите их в районе Александровского парка, освобождайте от раненых. Не ждите, пока они вас здесь разыщут. Очень важно изучить и обобщить первый опыт по оказанию помощи раненым...

Мое знакомство с боевыми медсанбатами началось на следующий день. Недалеко от Лицея из санитарной машины вышел смуглый загорелый южанин в выгоревшей гимнастерке с одной шталой в петлице. Как оказалось, это был начсан 90-й дивизии Г. И. Басте. Он искал санитарный отдел 55-й армии. Его медсанбат и полковые медсанчасти много поработали и израсходовали весь перевязочный материал, издержалось и кое-какое медицинское и хозяйственное имущество.

Басте вручил Гофману густо исписанный лист бумаги. Вышел из комнаты довольный: через несколько дней заявка будет полностью удовлетворена.

— Поезжайте с Басте, познакомьтесь с людьми. Дивизия воюет, у них потери. Надо пополнить медсанчасти полков фельдшерами, сестрами из резерва, — сказал мне начсанарм.

Мы выехали из Пушкина через Шушары. Неширокое шоссе петляло мимо хозяйственных построек, деревянных домов, еще мало тронутых войной. На обочинах дорог зияли свежие воронки от бомб и снарядов. Недалеко от Средней Рогатки увидели группу беженцев. Они шли в Ленинград, везли на тачках и в детских колясках то немногое из прежней довоенной жизни, что смогли захватить с собой.

...Внезапно упала, раскинув руки, старая женщина. Побросав вещи, люди разбежались.

— Воздух, — закричал из кузова Басте.

Шофер притормозил машину. Мы сбежали с дороги в неглубокую канаву, на дне ее была вода. С неба доносилось надрывное гудение моторов. Стучали пулеметы.

— Смотрите, — глухо сказал Басте, и его смуглая рука, сжимавшая нагаи, побелела. — Один наш ястребок борется с тремя фашистскими стервятниками.

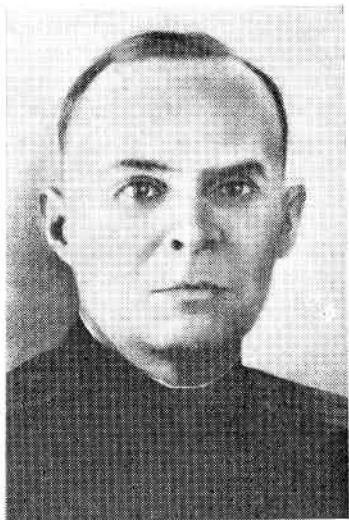
Через несколько секунд красноезвездный ястребок, оставляя за собой черный шлейф, пронесся по темневшему небу.

Выполнив приказ Гофмана, я вернулась в Пушкин.

Через несколько дней санитарный отдел армии окончательно сформировался. Начальником санитарно-эпидемиологического отделения был назначен кандидат медицинских наук, большой знаток гигиены военврач третьего ранга Владимир Эдуардович Стамер. Он взялся за работу с разгону, без промедления. Его светло-голубые глаза угрожающе темнели, а интонация голоса не предвещала ничего хорошего, когда он встречал в частях грубое нарушение санэпидрежима и благодушных работников санзводов. Время от времени Стамер наведывался в санитарный отдел фронта к своему начальству — известному эпидемиологу дивврачу Д. С. Скрынникову и профессору-инфекционисту бригаврачу С. В. Висковскому. Стамер учился у них организации санэпидслужбы в войсках, чтобы потом наставлять других, как с наименьшими потерями уберечь войска от эпидемий в условиях войны и начавшейся блокады.

С чувством глубокого уважения вспоминаю нашего

*Главный эпидемиолог 55-й армии
полковник медицинской службы
Н. Н. Романенко.*

первого армейского инфекциониста военврача второго ранга Леонида Ивановича Егорова. Широкоплечий, всегда тщательно выбритый, в больших сапогах или внушительных размеров валенках, он производил сильное впечатление, когда, иронически улыбаясь, тихо распекал провинившегося... В нем с первого взгляда чувствовался кадровый военный.

На фронтах гражданской войны военфельдшер Егоров впервые принял присягу на верность молодому Советскому государству, и в рядах армии прослужил несколько десятков лет.

— Задаст вам перцу Егоров,— говорил начальник отдела, хорошо помнивший Егорова с курсантских лет на посту помощника комиссара Военно-медицинской академии.

Леонид Иванович Егоров недолго пробыл в нашей армии и был отозван санитарным отделом фронта. Его сменил призванный из запаса кандидат медицинских наук военврач третьего ранга Николай Николаевич Романенко. До войны он заведовал лабораторией гриппа в Институте имени Пастера. Своим спокойствием, выдержкой он уравнивал экспансивного Стамера, твердо руководил важным участком нашей санитарной работы.

Последним прибыл армейский хирург. Им стал бывший корпусной врач Копорской оперативной группы кандидат медицинских наук военврач третьего ранга

И. М. Айзман, награжденный в финскую кампанию орденом Ленина. Жизнерадостный, общительный Айзман быстро вошел в наш коллектив. Как показала жизнь, оптимистический склад характера сыграл решающую роль в его дальнейшей судьбе.

Фронт неумолимо приближался к Пушкину. Раненые поступали из района Лисино-корпус, Федоровского, Вырицы, Антропшина, Слуцка. По дорогам мчались машины, ползли санитарные двуколки. Над городом висело густое пыльное облако. Было по-летнему жарко. В лучах солнца, высоко над городом, завязывались яростные воздушные бои. Когда «мессершмиттам» удавалось прорваться, они без зазрения совести обстреливали транспорт, обозначенный крупными эмблемами Красного Креста.

Медицинские указатели вели к тенистым аллеям Александровского парка, к Китайской деревне с ее домиками-пагодами, к потемневшему от времени зданию Арсенала, к искусственной горе Парнас, к Кофейному домику. Здесь принимали раненых, производили сложнейшие операции.

Медсанбат 90-й дивизии развернул хирургическое отделение и небольшой стационар в помещении бывшего костно-суставного санатория. 90-я дивизия раньше воевала на лужской позиции, а сейчас вела боевые действия в районе Вырицы — Антропшина, пробиваясь навстречу выходящим из окружения частям 41-го корпуса.

По заданию начсанарма вместе с начальником первого отделения Новиковым я выехала в Антропшино. Чем ближе к Павловску — Вырице, тем сильнее обстреливалось шоссе. В деревянных одноэтажных домиках барачного типа мы разыскали группу медсанбата.

Операции шли на двух столах. Взмокшие, усталые лица молодых врачей были прикрыты марлевыми полумасками. Я хорошо знала их всех — недавних выпускников Первого мединститута В. Рабичева, П. Потапова, В. Лукаша, В. Машкару. Вчерашние студенты держались уверенно, как настоящие хирурги. От одного раненого к другому ходил старший хирург и, как опытный дирижер оркестра, направлял работу своих молодых помощников.

— Молодежь замечательная, — хвалил хирургов командир операционно-перевязочного взвода Н. В. Копарулин. — Не прогонишь отдыхать. Работают по две смены. За два месяца многому научились, особенно первичной обработке ран. Но всем нам еще трудно отрешиться от привычек мирных дней. Не сразу даже опытный хирург

привыкает к необычности сложных ранений военного времени и особенностям их лечения.

Я молча слушала Копарулина. Смотрела на его посеченное глубокими бороздами, прихваченное солнцем лицо. Копарулин был прав, когда говорил, что у нас в медвузах недостаточно учили лечить огнестрельные раны и болезни военного времени. Но ведь только во время войны появляется огромная практика и врачами приобретаетс я ни с чем не сравнимый опыт.

В полукилометре от медсанбата работала санчасть 286-го полка. Раненых расположили в землянке. Их недавно доставили с передовой отважные фельдшеры Николай Кубаев и Михаил Зиновьев, санитар Иван Пилюков. Во время транспортировки раненых молодого фельдшера Кубаева ранило, но он остался в санчасти.

— Обязательно представлю его к награде,— сказал начсандив.

Мы уехали вечером. Нашу санитарную машину чуть не накрыла вражеская бомба. Спасло искусство водителя, резко свернувшего на едва приметную лесную тропку. Позади на шоссе раздался глухой взрыв. Переждав немного, мы снова выехали на дорогу и приехали в Пушкин. Новиков отметил на карте расположение батальонных и полковых медпунктов дивизии и приказал командиру автосанитарной роты Деткову выслать за ранеными в Антропшино три санитарные машины.

Я подумала в тот вечер о том, как много надо знать военному врачу. Всем нам надо учиться применять свои знания на войне, а иным и переучиваться. Жизнь ставила перед военными медиками новые задачи.

Ополченцы 2-й гвардейской

В Китайской деревне Александровского парка меня обступили знакомые студентки Наташа Славиковская, Рита Вязьменская, Вера Любимова, Лида Пеньковская. Не сразу и узнаешь их в военной форме! Как и многие, они прервали учебу в институте и вступили в ополчение, чтобы работать медицинскими сестрами.

Открылась дверь одного из домов-пагод с загнутой кверху крышей. По ступенькам сбежала высокая девушка с приветливым открытым лицом. Она наполнила две резиновые грелки холодной водой и снова скрылась за тяжелой дверью.

— То наша «пчелочка»,— пояснила Рита,— Аня Пчелкина. По образованию химик. На редкость добрый

человек. Она может день и ночь ухаживать за ранеными.

В тот день я много услышала об уроках мужества, преподанных войной людям, о первых радостях и первых больших потерях.

— Наша Вторая гвардейская ведет тяжелые бои,— рассказал подошедший начсандив военврач второго ранга Буков,— и медсанбату крепко досталось. Есть жертвы среди личного состава. В полках много раненых, их надо немедленно вывезти.

В голосе Букова звучала серьезная озабоченность. Он ополоснул смуглое, запыленное лицо студеной водой, распорядился выслать весь наличный транспорт в полковые санчасти, а сам, сев за руль старенького пикапа, умчался в штаб дивизии куда-то в район Гатчины. Вскоре из медсанбата вышли все санитарные машины. Неутомимые труженики, бессменные шоферы Дмитрий Михайлов, Кузьма Кочетков, Голубев с санитаром Виктором Ивановым-Котовым спасли в те дни много раненых.

Начсандива Букова и командира медсанбата Н. Н. Александрова я знала еще с финской кампании. В ту пору врач лыжного батальона, молодой адъютант Военно-медицинской академии Александров предложил в январский тридцатиградусный мороз скрытно организовать передовой пункт медицинской помощи на льду замерзшего озера. Однажды ночью среди торосов незаметно появилась небольшая белая палатка. Запылала в ней небольшая печурка. Сюда приползали и приходили раненые бойцы. Всем им оказывали первую помощь, поили, кормили, отогревали. От противника смельчаков отделили всего триста метров снежной равнины да узкая полоска скалистого обледенелого берега.

Днем поднималось над озером красное морозное солнце. Его слепящие лучи заливали ярким светом заснеженные ледяные заступы, опустевшую белую палатку. На берегу в теплой землянке отсыпался врач Александров, чтобы с наступлением сумерек вновь выйти на свою опасную вахту.

За мужество и храбрость двадцатидвухлетнего врача Николая Александрова наградили орденом Красного Знамени. Этот отважный человек стал в Великую Отечественную командиром медсанбата. Но назначение пришло не сразу. Александрову поначалу никак не удавалось «уломать» начальника академии бригаврача М. Н. Ахутина, чтобы он отпустил его в действующую армию. Помог случай. Преподаватель кафедры патологической физиологии Буков, назначенный в августе сорок первого начса-

ном 2-й Гвардейской, тщательно подбирал командира медсанбата и ни на ком не мог остановиться. Неожиданно встретил Александрова и удивился, что он не в действующей армии. Вид у Александрова был хмурый. «Не болен ли?» — осведомился Буков. Александров с отчаянием ответил, что если и болен, то только из-за упорного нежелания Ахутина отпустить его на фронт.

И пошли они вместе «штурмовать» начальника академии. Но поначалу Михаил Никифорович Ахутин не поддавался:

— Поймите, все преподаватели рвутся на фронт. Я сам тоже два рапорта подал. Но нельзя же оголять академию! Надо ведь кому-нибудь остаться и готовить кадры!

Однако непреклонность Александрова и активная поддержка Букова заставили наконец бригаврача уступить.

— Разве вас переубедишь! Ну ладно, идите. Счастливого вам боевого пути! — заключил Ахутин, пожимая им руки.

И они ушли в долгую фронтową жизнь. Один постарше, посерьезней, поопытней, другой — живой, озорной, безудержно смелый, способный молодой хирург.

Медицинская служба 2-й гвардейской формировалась в школе на 13-й линии Васильевского острова в конце июля. Как и во всех пунктах формирования частей народного ополчения, здесь было многолюдно. Приходили одинокие и семейные, пожилые и совсем молоденькие. Многие закончили курсы Красного Креста и просили направить их на фронт.

— Война только начинается, — говорил Буков группе школьников. — Учитесь, помогайте фронту. Вам только по пятнадцать лет. Война продлится не день, не два. Еще послужите.

Девушки не могли согласиться с его доводами — им безотлагательно нужно было сейчас же попасть в армию. Они пробовали уговорить командира медсанбата Александрова. И сам ведь он молод на вид, совсем юнец! На верхней губе пушок, глаза лукавые, рот кривит усмешка. Но на левой стороне гимнастерки боевой орден Красного Знамени!

Александров же частенько переходил со школьного двора в соседний, на территорию военкомата, садился в сторонке с огрызком карандаша в руках и вглядывался в лица торопливо идущих в военкомат людей. Ему нужны были повара, шоферы, медицинские сестры.

— Гражданочка, погодите,— останавливал он молодую девушку.— Вы — повар?

— На лице, что ли, написано?

— Выходит, что так. Какие первые блюда уместе готовить?

— Борщ украинский, борщ флотский, щи кислые, гуляш, тефтели...

— Разве гуляш и тефтели — это первое? Ну ладно! Записывайтесь в наш гвардейский медсанбат. Не хотите? Удивительно. Вас, конечно, влечет на передовую? Не беспокойтесь, девушка, мы тоже будем на передовой! Куда же вы?..

Через некоторое время остановил другую. Ею оказалась студентка третьего курса медицинского института Вера Любимова.

— Хотите работать сестрой? — спросил Александров, рассматривая фотографию на ее студенческом удостоверении.

— Хочу.

— К маме домой не попроситесь? — На Веру в упор смотрели насмешливые молодые глаза.

— Не бойтесь, не попрошусь,— в тон ему ответила студентка.

В один из августовских дней перед комиссией по отбору во 2-ю гвардейскую дивизию предстала красивая молодая пара — молодожены Карелины. Он инженер, она — врач. Карелина зачислили рядовым бойцом, его жену взяли в медсанбат. Военной судьбе было угодно через некоторое время свести Букова и Карелина на поле боя. Начсандив возвращался из стрелкового батальона и под Пижмой попал под сильный минометный обстрел. Он добрался до кустарника и свалился, задыхаясь. Вдруг видит — кто-то ползет к нему и машет рукой. В бесконечно усталом солдате с окровавленной повязкой на лбу Буков с трудом узнал молодого инженера. Он держал в руках оброненную Буковым планшетку. Через несколько дней ополченец Карелин погиб.

Когда формирование медсанбата было в основном закончено, под вечер в школе появился высокий, худой кавказец. Правую руку, недоразвитую от рождения, он прятал за спиной.

— Вы не имеете права мне отказывать.— Горластый голос его срывался, темные блестящие глаза недобро сверлили начсандива.— Там не берут, здесь не берут! На руку вы не смотрите. Я — не калека! Посылайте куда угодно. Хоть ездовым.

Командир медсанбата военврач 3-го ранга Н. Н. Александров (слева) и начсандив 2-й гвардейской дивизии народного ополчения военврач 2-го ранга В. А. Буков.

Три часа держался Буков, все чаще и чаще вспоминая свою «осаду» Ахутина и теперь сочувствуя ему. Потом сдался и решил назначить просителя — кандидата биологических наук, талантливого ученого-философа Мушега Григорьевича Дурмишьяна командиром санитарной роты к старшему врачу полка Назарову, кадровому опытному врачу.

Мушег Григорьевич быстро освоился со своими обязанностями. В тяжелых сапогах, в развевающейся на ветру плащ-палатке, накинутой, смотря по погоде, то на шинель, то на гимнастерку, он бесстрашно пробирался в роты, батальоны, в траншеи переднего края. Мин и пуль попросту не замечал. В часы обстрела, сидя в землянке, мог темпераментно и страстно рассказывать о физиологическом обосновании глухоты Бетховена, о случайности и причинности явлений...

Он очень заботился о раненых. Однажды собрал в районе Гатчины значительное количество брошенного жителями скота и домашней птицы. Раненые пили молоко и ели свежие мясо и яйца. Это устраивало всех, но как-то приехал начсандив, посмотрел и не понял: то ли санчасть на скотном дворе, то ли животноводческая ферма в санчасти. Последовал крутой разговор, и в тот же день скот перешел в распоряжение продотдела дивизии.

Много позже, в дни блокады, Мушег Дурмишьян в неизменной зеленой маскировочной накидке частенько приходил в село Рыбацкое, в санитарный отдел 55-й армии. В его потрепанной сумке от противогАЗа всегда лежа-

ли продукты того времени, и он щедро делился с нами. Чаще всего это были куски вываренной холодной конины. А мне вспоминалась большая аудитория 1-го Медицинского института, молодой лектор Дурмишьян, увлеченно и своеобразно излагавший нам, студентам-вечерникам, курс диалектического материализма: «Все течет, все изменяется, и нет конца пути...»

В конце августа сорок первого медсанбат 2-й гвардейской дивизии держал свой первый фронтной экзамен. В лесу за Тайцами соорудили шалаши из веток, развернули несколько небольших палаток.

Днем было тепло, но почи становились все холоднее. Вначале лес надежно скрывал повозки, санитарные машины, палатки. Однако продолжалось это недолго. Подкрадывалась осень, и лиственный лес редел. Вражеский разведчик как-то высмотрел палатки и сбросил бомбы. Среди личного состава медсанбата появились первые раненые — повозочные Мироничева и Топтыгина.

Через несколько дней погода окончательно испортилась. Сутки напролет не переставая шел мелкий дождь. Шалаши и палатки намокли, набухли. Проселочные дороги размыло, в топкой грязи беспомощно буксовали машины и повозки. Девушки-медики порой от досады плакали, но продолжали бросать на дорогу камни, рубить ветки деревьев, перетаскивать носилки с ранеными, вытягивать увязшие по самые оглобли повозки. Вечерами дрожали от холода в сырых, неотопливаемых палатках, чуть просушивая собственным телом отсыревшую одежду.

Дядя Кузя, всеми уважаемый пожилой шофер, посмотрел на косяк народившуюся луну и огорошил предсказанием: дождь продлится еще семь дней!

...Семь дней! Просека, по которой проложили дорожку-временку, еще больше размокла. Но лес не утихал от гула включенных моторов. Облепленные глиной машины с помощью людей выползали на шоссе и, тяжело переваливаясь, уходили к Пушкину.

Вместе со всеми и больше других работали политрук медицинской роты бывший преподаватель Горного института Дмитрий Кочетков и комбат Николай Александров, умевший шуткой, прибауткой, добрым словом поднять силы уставших людей.

В медсанбат приехал начсанарм военврач первого ранга Я. А. Барейша. Он распорядился перебазироваться в Тайцы и развернуться в помещении эвакуированного

костно-туберкулезного санатория. Кто-то из врачей, хорошо знавших здешние края, рассказал, что в середине XVIII века белоколонная усадьба и земли вокруг нее принадлежали прадеду Пушкина Ганнибалу.

В это светлое здание старинной постройки, которое хорошо просматривалось с воздуха, и перебрался из леса медсанбат. К тому времени, как и предсказал дядя Кузя, дожди закончились и вновь засветило нежаркое, но еще теплое солнце...

На крыше здания нарисовали двухметровый красный крест. Думали, что он защитит от бомбежки. С ранеными ведь не воюют! Дорогой ценой расплатились люди медсанбата за свою веру в способность гитлеровцев отнестись с уважением к Женевской конвенции. Красный крест послужил фашистским летчикам ориентиром, удобной целью. Когда пули и осколки застучали по крыше, пришлось быстро закрасить крест, усилить маскировку. Но было уже поздно. В обеденный час, когда повар Овсова разливала черпаком горячие солдатские щи, зазвучал сигнал: «Воздух, воздух!» Со стороны шоссе из-за деревьев вынырнули вражеские бомбардировщики и истребители и устремились к собравшимся вокруг кухни людям. Один из самолетов пролетел так низко и стремительно, что, когда опомнились оставшиеся в живых, не было ни полевой кухни, ни сидевших вокруг нее людей.

Погибли медсестра Лиза Иванова, повара Овсова и Корнеева, санитары Коновалов, Васильев, Кряжев, Гвоздев, Николаев, Копылов, Бойцов. Четырнадцать получили ранения.

Сделав круг над лесом, летчик развернулся и сбросил зажигательную бомбу на замазанный красный крест. Здание быстро охватил огонь, вскоре рухнула крыша, низко провисли перекрытия. Отважные медики выносили и выводили из охваченного пламенем помещения раненых. Бесстрашно действовали люди эваковзвода — его командир старший военфельдшер Миценгендлер, рядовые Плетнев и Иванов-Котов, политрук Кочетков, сандружинница первого полка Валентина Чибор, прибывшая в медсанбат с ранеными. В одном крыле здания тушили пожар, в другом борьба за спасение раненых продолжалась в операционной. Старшая операционная сестра Волконская, сбрасывая со своего столика куски штукатурки и стекла, молча вкладывала в руки врача нужные инструменты. Бледный лоб сестры Наталии Славиковской покрывался капельками пота, медленно стекавшего под марлевую маску. Ныло больное сердце.

Вечером похоронили убитых, вырыли глубокие щели для укрытия на случай новых палетов. Раненых стали размещать в палатках в ближайшем лесу.

В ту ночь в медсанбате никто не уснул. Ухаживали за ранеными, с болью вспоминали погибших товарищей.

Лиза Иванова, Таня Федорова, Шура Стрельцова, Таня Ольгина, Падя Жданова, Мария Мишина, Надя Степанова, Ольга Ловцова до войны не знали друг друга. Работали на заводах и фабриках Васильевского острова, учились. Но пришла война, и они добровольно отправились защищать Родину. Суровые испытания сблизили их, научили понимать друг друга с полуслова. Среди сандружинниц выделялась красивая, статная молодая женщина Зоя Браже — до войны инструктор райкома комсомола Василеостровского района. Она одна из первых вступила в ополчение, оставив у престарелого отца своего полуторагодовалого сынишку. Зоя Браже во время бомбежки была на волосок от гибели: когда, оглушенная, бледная, она выбралась из ямы, куда была отброшена взрывной волной, то увидела такое, о чем не могла спокойно вспоминать даже через много лет. Лизы Ивановой, отошедшей от нее за хлебом на несколько шагов в сторону, не было в живых. А Шура Стрельцова не скоро очнулась в канаве и, контуженная, долго не могла припомнить события того дня.

Не прошло и суток, как обстановка в Тайцах приняла еще более угрожающий характер.

Утром 9 сентября в лесу, неподалеку от расположения медсанбата, послышалась пулеметная, а затем и автоматная стрельба. Встревоженный Александров позвонил в штаб дивизии. Начштаба рекомендовал встретиться со строевыми командирами ближайшей части, уточнить обстановку и в случае необходимости немедленно свернуться, уходить в Пушкин.

Оказывается, в тот день противник, сконцентрировав значительные силы на красносельском направлении, прервал оборону советских войск и устремился вперед. Тут-то и проявились способности молодого комбата. Медсанбат уходил организованно. Каждый знал свои обязанности, свое место. Политрук медицинской роты Дмитрий Кочетков вывел из Тайц большую группу раненых и машины с имуществом: Повозочный Иванов три часа стоял с красным флажком на развилке дороги, под обстрелом, пропуская вперед медсанбатовский обоз. Молодые девушки Миронычева и Налимова во время жестокого обстрела

дороги не оставляли своих повозок. Переправились в Пушкин на ста двадцати лошадях.

Уход из Тайц был связан с небольшим инцидентом. Когда туда приехал начсандив Буков, большая часть машин с имуществом и людьми уже выехала в Пушкин. А Александрова нигде не было. Буков решил во что бы то ни стало разыскать командира медсанбата. Нашел он его в сарае, где Александров рубил головы курам и тут же закидывал тушки в мешки. А невдалеке дробно стучали вражеские пулеметы, слышались автоматные очереди.

— Ты с ума сошел, Николай! — закричал Буков. — Немедленно прекрати. Уезжай скорей!

— Не оставлять же, черт возьми, кур фашистам, — огрызнулся Александров. Но поняв, что вскоре отсюда уже будет не выбраться, прихватил мешки и на грузовой машине покинул Тайцы.

Когда медсанбат прибыл в Пушкин, Буков вместе с Александровым выехал в полки за ранеными.

Гатчину с Пушкином связывали три дороги. Две из них уже перерезал противник. По третьей из медсанчастей было доставлено около двухсот раненых.

Вечером Буков и Александров встретили коменданта штаба дивизии с группой солдат.

— Ополченцы, — сказал тот, — получили приказ начать отход в направлении Пушкина.

Буков решил подождать с машинами на дороге, чтобы при отходе дивизии взять раненых.

Смеркалось. По обочине двигались небольшие группы из различных частей. Вдруг над ними пролетели и невдалеке взорвались снаряды. Буков и Александров увидели, что стреляют танки, появившиеся из района Тайц. Их силуэты отчетливо вырисовывались у кромки леса.

Что делать? Еще несколько минут, и они будут здесь и перекроют единственный оставшийся путь для отхода дивизии. Буков снял с петлиц медицинские эмблемы, превратился из военврача в строевого командира и принял решение оборонять развилку до отхода подразделений его дивизии.

Перегородили шоссе порожними машинами, задержали небольшие группы наших бойцов и направили их в отрытые щели и окопы. Люди были измучены, голодны, но охотно подчинились. Подошли две минометные батареи с командирами. Они присоединились к оборонявшим развилку и открыли огонь по лесочку, откуда выползали танки. Кто-то из бойцов сказал Букову, что в двух километрах отсюда видел запас мин. Их привезли. Батареи уси-

лили стрельбу. Александров доставил полевую кухню и хлеб. Он же с санитарями собирал раненых, которые либо шли сами, либо с помощью товарищей, и отправлял машинами в медсанбат.

Всю ночь отряд Букова оборонял развилку дороги. А под утро туда подъехали две легковые машины. По цепочке передали приказ:

— Командира к генералу!

Буков явился, отрапортовал, доложил обстановку.

— Вы правильно поступили, товарищ военврач, — сказал незнакомый генерал из штаба фронта. — Ваша дивизия сейчас выходит из Гатчины. Сюда идет полк, он и займет оборону. Задержанных людей отпустите к месту указанного им сборного пункта. Сами возвращайтесь к исполнению своих обязанностей.

На рассвете через развилку прошли подразделения дивизии. Последним отходил полк, которым командовал участник гражданской войны Урусов, приземистый, коренастый командир с седыми усами. В том же полку служил его сын — молодой лейтенант. Рассказывали, что когда немцы окружили батарею, которой командовал этот лейтенант, была возможность отойти. Сын позвонил отцу и спросил: как быть?

— Стоять до последнего! — ответил тот. Вскоре связь с батареей оборвалась...

Во время отхода части командир ехал на белом коне и сойти с него не хотел.

— Нам надо отойти организованно, и солдаты должны видеть пример мужества своего командира.

Раздался взрыв мины, и командир полка упал с лошади тяжело раненным. К этому времени все санитарные машины уехали в Пушкин, и поэтому командира положили на лафет орудия, чтобы доставить в медсанбат. Говорили, будто раненые отец и сын встретились в госпитале. Но может быть, этот счастливый конец придумали солдаты, успевшие полюбить своего отважного командира?

В сентябре 2-ю гвардейскую дивизию расформировали, а медсанбат сохранился — он целиком вошел в 7-ю дивизию народного ополчения, которая в те дни формировалась на Охте.

— Мы остаемся пока в сорок второй армии, но может быть, мы еще придем в вашу пятьдесят пятую, — сказал мне Александров, прощаясь. — Наш временный адрес: Благодатная улица, у Московского проспекта.

Над парком низко и стремительно пронеслись «юнкерсы». Вскоре мы услышали сильные разрывы.

— Бомбит, бандюга, Шушары,— сказал Александров и помрачнел.— Как-то там Буков — он уехал на командный пункт семидесятой дивизии. Его туда перевели начсандивом.

Фашистские самолеты действительно бомбили Шушары. Горели хозяйственные постройки, поселок. Под бомбежку попали и санитарные машины с ранеными, тылы отдельных частей. Воздушной волной всех, кто был на командном пункте 70-й дивизии, раскидало в стороны.

По приказу Букова связисты и артиллеристы разгрузили свои машины и отправили пострадавших при бомбежке в ближайшие госпитали, расположенные в Московском районе. В одну из машин внесли носилки. На них лежала мертвенно-бледная, тяжело раненная в ногу военфельдшер штаба 70-й дивизии Зинаида Борткевич.

К вечеру с прудов Александровского и Екатерининского парков стал подниматься туман. Потянуло сыростью. Ветер играл сухими листьями, сшибал с дубов спелые желуди, омертвелые сучья. По аллеям медленно двигались повозки с ранеными, проезжали санитарные машины. В наступившей короткой тишине я вдруг услышала знакомый голос. Это была санинструктор Валентина Чибор, доставившая группу раненых в медсанбат. С ней я впервые познакомилась на другой войне, под яркими зимними звездами Карельского перешейка.

— Где была, что делала? — поинтересовалась я.

Перед войной Валя закончила курсы Красного Креста и пошла добровольцем на фронт. Многие ей довелось пережить под Псковом.

— Я раненых перевозила через реку Великую, а потом в лесу укрывала подальше от огня. Не раз довелось искупаться в реке, когда лодки осколками разбивало. Скольких я раненых спасла? Не считала, не до того было.

В тот вечер в Пушкине Валя рассказывала мне, как трудно было оказывать помощь раненым под Гатчиной, в деревне Пижма, на местности ровной и открытой, как в конце августа она вытаскивала с нейтральной полосы тяжело раненного офицера связи. Санитар роты туда не дошел — убили.

— Ты должна дойти. Валя,— сказал ей командир стрелкового батальона.— Мы тебе поможем. И не забудь надеть на себя его планшетку, там важные документы.

И Валя пошла. Надвинув на глаза каску, ослабив поясной ремень, она поползла от траншеи к видневшимся

неподалеку кустам. Как только очутилась на «ничейной» земле, по ней ударил вражеский пулемет. Пули ложились рядом, впереди, сзади, чиркали по каске.

Справа от себя Валя увидела неподвижно лежавшего санитаря. Зажмурила глаза. Почувствовала, как заняло под ложечкой. «Венька,— подумала она с тоской.— Как же они тебя?..» «Не думать! — приказала Валя самой себе.— Не глядеть по сторонам. Только прямо».

И она поползла дальше, попала на развороченный муравейник. Крупные муравьи полчищами выползали из воронки и носились вокруг, стараясь понять причину бедствия.

«И им несладко»,— подумала Валя и отползла в сторону, к кустам. Там увидела капитана. На нем была повенская гимнастерка, в петлицах прямоугольник. Казалось, он спал. Только на гимнастерке, там, где сердце, адела кровь. Правой рукой он крепко сжимал планшетку. Валя подползла к тяжелораненому, вынула из его рук планшетку и, помня наказ командира, надела ее на себя. Осторожно подложила под спину капитана плащ-палатку, надела на свои плечи ремни. Напряглась, попробовала сдвинуть с места. Никак.

«Спокойно, Валя,— сказала она себе.— Отдохни, ни о чем не думай». Прошло несколько минут. Она сильно потянула за ремень и сдвинула с места раненого. В этот момент вновь застучал пулемет.

«Плохо, так живой не выбраться!» — рассудила Валя и прильнула к земле. Но что это? Прямо над ней в сторону вражеских окопов с воем пронеслась мина, потом другая. Она поняла: это обещанная помощь комбата. Противник затих, и Валя вновь поползла, тяжело дыша, обливаясь потом, часто припадая к земле. Вот разгромленный муравейник. Муравьи ползут по ней, перебираются на планшетку, но она ничего не замечает, все силы подчинены одному — вперед. Еще немного, и она у своей траншеи. Ее кто-то подхватывает, забирает у нее тяжелую пошу...

Валя сидит на дне траншеи, опустив натруженные грязные руки. У ног лежит пыльная, поцарапанная каска. Несколько минут отдыха, затем она встает, оправляет гимнастерку и идет в санчасть. К ней бежит комбат. Он обнимает ее и берет из ее рук планшетку. Потом ведет к очень знакомому пожилому военному. Бесшабашная, острая на язык Валентина внезапно мучительно краснеет и подает грязную, в садахину руку маршалу Ворошилову...

Встречи в парке

Днем 8 сентября возле краснокирпичного Арсенала в Александровском парке я неожиданно встретила группу врачей и студентов из 1-го медицинского института, ныне медсанбатовцев 70-й дивизии.

Еще свежи были в нашей памяти проникновенные слова любимого старого профессора Михаила Дмитриевича Тушинского, который наказывал нам быть верными своему врачебному и гражданскому долгу. Тогда же, в конце июня 1941 года, Тушинский навсегда простился со своим сыном, тоже ушедшим добровольцем на фронт...

Многие врачи медсанбата 70-й дивизии начали боевой путь из военного городка под Ленинградом. Их дорога потом пролегла к Новгороду, Сольцам. Они испытали и радость победы, когда 70-я дивизия, храбро сражаясь, дала решительный отпор частям корпуса Манштейна, отбросив их на сорок километров, и горечь отступления, когда дивизия отходила. Работая под огнем, военные медики не забывали свою первую встречу с комиссаром дивизии бригадным комиссаром Б. О. Галстяном.

— Теперь вы, прибывшие из запаса, вместе с ветеранами дивизии сами творите историю своей части, и от вас тоже зависит ее боевая честь и слава. Хорошо позаботьтесь о раненых, и Родина вам скажет спасибо.

Так говорил тогда комиссар.

Особенно трудно пришлось медикам 70-й дивизии в августе в деревне Менюши. Когда в здание больницы попала бомба, палатки медсанбата, поставленные в лесу, заполнили раненые дети и женщины. Тогда-то и принесли к ним десятилетнего мальчугана. Сложный огнестрельный перелом ноги вызвал тяжелый шок, притушил боль, сознание. Жизнь в парнишке угасала.

Долго не отходили от него врачи и сестры. Может быть, его спасла свежая кровь, отданная с материнской добротой кем-то из женщин медсанбата, может быть, что-то другое, но, когда мальчик заплакал, застонал, почувствовал боль, все обрадовались. Значит, удалось снять опасное для жизни торможение нервной системы, и командир медицинской роты А. Ф. Чаусов распорядился начать операцию.

Впервые в жизни он — кадровый военный врач — производил ампутацию ребенку. Белой ночью, когда уменьшился вражеский обстрел шоссе, Чаусов отнес мальчугана в санитарную машину.

— Дяденька доктор, как же я без ноги бегать буду?

Чаусов ничего ему не ответил, ласково потрепал по бледной исхудавшей щеке и вложил в рот мальчонке кусочек сахара. Мысли унеслись в Ленинград, к жене, маленькой дочурке. Как-то они там?

Теперь медсанбат 70-й дивизии работал в пушкинском Арсенале. На открытой площадке перед ним санитарный транспорт не задерживался. Забрав или сдав раненых, водители быстро выводили машины на боковые аллеи под защиту столетних деревьев. В бывшем охотничьем замке Монбеж, построенном Растрелли и служившем в XIX веке местом хранения рыцарского оружия, теперь хозяйничали военные медики, укрывая раненых за непробиваемыми стенами подвалов.

В медсанбате — исключительно сильный врачебный состав. Хирургическую и терапевтическую службы возглавили кандидаты медицинских наук Л. Е. Рухман и А. М. Абезгауз — преподаватели медицинских институтов. Стаж и опыт известного хирурга по костному туберкулезу Д. К. Хохлова, врачей М. Никифоровского и Л. Тимченко, молодых врачей Е. Штромвассер и В. Кавериной различны. Но операции под огнем, жизнь на колесах, ампутации по неотложным показаниям в канаве или в машине, многочасовые дежурства, когда покой им даже не мог присниться, накрепко сплотили, можно сказать, сплавляли этих людей. С таким коллективом можно свернуть горы!

Простившись с друзьями, я собралась уходить, как вдруг увидела танк, на большой скорости приближавшийся к Арсеналу. Издалека была видна стоявшая на броне девушка в военной форме. Она поддерживала поникшую голову танкиста. Когда танк, пролезав гусеницами, остановился, я поняла, что танкист ранен в шею, а военфельдшер прижатием пальцев остановила кровотечение из сосуда. Подбежали Хохлов, сестры. Кто-то «перехватил» из онемевших рук фельдшера раненую сонную артерию танкиста, и его понесли в операционную.

Хирурги знают, как опасны для жизни ранения сосудов, особенно сосудов шеи, как важно надежно остановить кровотечение и восполнить кровопотерю. Все было сделано в медсанбате быстро и квалифицированно. Медицинская сестра Елена Полякова определила группу крови. На небольшой тарелочке помутнели три небольших кровяных кружочка. Четвертый остался прозрачным. Значит, группа крови четвертая. Но в медсанбате не было четвертой группы, была только ампула третьей, ее и собрались перелить. Однако фельдшер танковой части — ее звали Катюша — предложила взять у нее кровь первой группы...

Хохлов на мгновение задумался, потом глаза его потеплели.

— Спасибо, девушка. Леля, проверьте группу крови, и начнем переливание.

Вскоре в стакан с цитратом медленно потекла кровь: сто, двести, двести пятьдесят...

— Как вы себя чувствуете, Катюша? — спросил врач.

— Хорошо, — ответила побледневшая Катя и жадно, большими глотками стала пить из кружки горячий сладкий чай, поглядывая на спящего танкиста.

Перевязана наружная сонная артерия. В вену медленно потекла живительная кровь. Раненый глубоко вздохнул, его лоб покрылся горячей испариной, он открыл глаза.

— Ну, теперь, дружок, поправляйся, — ласково сказал Алексей Федосеевич Чаусов и как ребенка погладил его по голове своей теплой широкой ладонью. — Все у тебя пойдет хорошо. Только гляди не шевелись, лежи спокойно.

— Спасибо, доктор, — еле слышно ответил раненый.

В операционную зашел фельдшер приемно-сортировочного отделения Слава Блинцов. Он поднял вверх четыре пальца, что на языке Славы означало: четверо ра-

ненных нуждаются в срочной операции. Он сокрушенно посмотрел на запыленные столы. Раздумье прервал вой бомбы. Задрожало вековое здание.

— Ты что прислушиваешься? — спросил Блищов санитаря, задравшего голову вверх. — Не пробьет, не бойся. Держись, голубь!

...Арсенал часто обстреливают. С воем проносятся снаряды. Воздушной волной на этажах разбиты стекла.

В тот вечер недалеко от штаба я встретила знакомых студентов 5-го курса мединститута П. Гульяева и А. Страшнина, искавших медсанбат 70-й дивизии. Отличники учебы, активисты, они еще на младших курсах увлеченно занимались в студенческих научных обществах. Непривычно было видеть молодых парней в пиджачках и брюках навыпуск. Шла война, и строгая военная форма стала частью нас самих.

Я рассказала в санитарном отделе о мужественном поступке сестры из танковой части, умелым прижатием раненого сосуда спасшей жизнь раненому и отдавшей ему свою кровь.

— Замечательная девушка, — прочувственно сказал начальник медснабжения.

Воефельдшер танковой части Катюша появилась на следующий день и протянула начальнику медснабжения длинную заявку на перевязочный материал, который она произрасходовала под Лугой. Она получила немедленно все, что просила, а также скромный подарок: несколько плиток шоколада...

Сентябрьским днем медсанбат 70-й дивизии уходил из Пушкина в Ленинград. В палату, где лежал раненый танкист, тихо вошла Катя. Она сняла пилотку, и шелковистые тонкие колечки волос прикрыли ворот выгоревшей солдатской гимнастерки. Она подошла к кровати, поправила одеяло, положила у изголовья букетик спелой брусники и плитку шоколада. Юноша открыл глаза и обрадованно улыбнулся. Высокий лоб прорезал сочный, багровый рубец, на худощавом, порозовевшем после сна лице выделялись ясные глаза, над верхней губой нежный пушок. На шее — наклейка.

— Как вы себя чувствуете, Катя?

— Молчите, не разговаривайте. Я чувствую себя отлично. У меня крови много...

— Катюша, нагнитесь. Вы хорошая, добрая, и имя у вас самое наилучшее. Я вас, Катя, век не забуду. Доктор сказал, что вы меня спасли...

Вскоре первая большая группа раненых покинула медсанбат. В парке их обстреляли на бреющем полете фашистские самолеты, снова были убитые и раненые.

Вслед за последними ранеными ушел из парка и медсанбат. Мы встретились вновь через несколько месяцев в незабываемые дни и ночи обороны Колпина.

И снова автохирургический отряд

После полудня 8 сентября к нам в санитарный отдел прибыл командир автохирургического отряда № 10 М. А. Могучий, и с этого времени до полного освобождения Ленинграда отряд находился в составе 55-й армии.

Мы встретились дружески. Вспомнили июль сорок первого, совместную работу в медсанбате 115-й дивизии, отъезд отряда на Ладогу в медсанбат 168-й дивизии, которой командовал полковник А. Л. Бондарев. Полки этого соединения вели тогда бои в районе Сортавалы, приковывая к себе значительные силы противника.

...Поток раненых из различных частей, выходящих с боями к западному побережью Ладоги на единственный медсанбат, не иссякал. Вначале врачи работали по двенадцатичасовому графику, потом по шестнадцатичасовому. А еще позже сломались все графики, раненых все несли и вели, и времени для отдыха не оставалось. Сон валил на ходу, из рук падали инструменты, но в это время пришла радостная весть — к ним на подмогу идет отряд Могучего.

Автохирургический отряд Могучего прибыл, пройдя около двухсот километров. Врачи и сестры устали, продрогли, проголодались. Перед ними простиралась серая, безбрежная водная гладь, сливающаяся с серым небом. Над Ладогой плыл туман. Первая машина на мгновение остановилась подле высокой березы. Тут же пронеслась мина, вырвала с корнем березу, обдала землей и осколками.

— Наконец-то вы приехали, дорогие мои, — неторопливым говорком приветствовала прибывших командир медсанбата Зинаида Алексеевна Каневнина. — Заждались вас. Работаем с невероятной нагрузкой. Если вы не потеряли в дороге последних силенок, то прошу вас сейчас же развертываться в этом ущелье. — И она показала рукой на поросший лесом овраг. — Оно издали не видно и сверху прикрыто верхушками сосен. Просто райское место! Перед работой подкрепитесь, завтрак поспекает.

*Армейский хирург 55-й армии
полковник медицинской службы
М. А. Могучий.*

— Отдыхать будем потом, — спокойно ответил Могучий и приказал без промедления ставить палатки, готовить операционную.

Как люди гостеприимные, медсанбатовцы немедленно оделили автохирургический отряд хлебом и ржаными сухарями.

— Мало ли что случится дальше, — сказал словоохотливый интендант. — Хлебушко пригодится при всех обстоятельствах.

Вскоре бригады хирургов отряда вместе со своим командиром стали у операционных столов. Первичная обработка огнестрельных ранений конечностей сменялась многочасовыми сложными операциями. Над палатками пролетали снаряды и с грохотом разрывались на берегу. Ходуном ходили палатки, мелкие осколки вспарывали брезентовые стены.

Стояли чудесные летние дни. Солнце припекало, и в палатках было нестерпимо душно и жарко. Приподнятый полог не приносил желанной свежести. Разморенные жарой, смертельно уставшие люди то и дело выбегали глотнуть свежего воздуха, опорожнить ковшик холодной воды.

Обстановка на этом участке фронта оставалась напряженной. Дивизия Бондарева с тяжелыми боями пробивалась сквозь леса Карельского перешейка к Ладоге. Пого-

жим днем Ладога не серая, мрачная, как на рассвете, а теплая, голубая.

— Ну и бухточка! — задумчиво сказал хирург отряда Борис Аксенов, выйдя на минутку из палатки. — Подобной еще не было на нашем пути, не правда ли, Мария Эдуардовна? — обратился он к хлопотавшей у палатки старшей операционной сестре Ковалевской. — Если живыми выберемся из этого «райского места», как нежно назвала его комбат, будет просто невероятно. — Он вылил себе на голову ковш холодной воды, бросил недокуренную папиросу и исчез за разорванным пологом операционной палатки.

— Действительно, местечко здесь «тепленькое», — процедила сквозь зубы Ковалевская. Укрывшись за пихтой, она проверяла аппараты для переливания крови.

— Если мы с вами, девоньки, будем считать, сколько раз и близко или далеко от нас разорвались мина или снаряд, у нас и примуса потухнут, и инструменты останутся недокипяченными, нестерильными. Раны у бойцов будут плохо заживать, нагноятся.

Так говорила многоопытная операционная сестра, участница двух войн М. Э. Ковалевская, любившая поворчать, пожурить молодых за беспечность и в то же время охотно отдававшая им душевную теплоту, свой опыт и знания. Девушки это отлично понимали, любили старшую и боялись ееслушаться.

Вечером, когда большое кровавое солнце медленно погружалось в Ладогу, с необъятной водной глади тянуло туманом и сыростью. Под окнами операционной трещал движок полевой электростанции, и на колеблющемся плотняном потолке плясали причудливые тени. Опытные сестры, понимая ход операции, молча вкладывали в руки хирургов нужные им инструменты. И всякий раз, когда летел над палаткой снаряд, красивая темноглазая операционная сестра Вера Маршания инстинктивно чуть-чуть приседала.

— Чтоб не зацепил, — шутя оправдывалась она.

Прошло двое суток. Раненых все прибавлялось. Ушел к Валааму пароход «Совет» с хирургом маневренной группы из Военно-морской академии военврачом второго ранга Ф. М. Дановичем. Он увез около двухсот раненых, но вскоре вокруг медсанбата опять забелели свежие повязки и бинты.

На исходе четвертых суток медсанбат получил приказ отправить всех раненых на остров Валаам и быть готовым к отходу — враг близко.

*Хирург группы усиления ОРМУ-41
капитан медицинской службы
Б. Н. Аксенов.*

Поздно вечером Каневнина собрала медсанбатовцев.
— Мы поработали неплохо,— говорила она.— Теперь должны уйти без потерь, а это зависит в первую очередь от нашей организованности при погрузке на транспорт.

Когда настало время снимать палатки, то оказалось, что собственно и снимать-то нечего — стены и потолки их светились от больших и малых осколочных «рашений». Глядя на эти дыры, люди покачивали головами и удивлялись, как бы впервые отчетливо представив себе всю степень опасности, которой они постоянно подвергались.

— Товарищ комбат, зачем таскать эти палатки, давайте сактируем и оставим,— предложил интендант старший лейтенант Баженов.

— Нет, возьмем, обязательно возьмем,— решительно сказала Каневнина.— Это наши реликвии.

Утром в медсанбат не столько пришел, сколько прихромал начсандив Владислав Харитонович Матвейчик. На его руках и лице адели свежие ссадины и кровоподтеки. На рассвете на берегу неподалеку от полковой санчасти разорвался снаряд. Взрывной волной начсандива швырнуло в воду. Очнувшись, он с трудом поплыл к берегу. Мучительно болел затылок. Холодная вода сводила руки и ноги. Но на то он и был начсандивом, чтобы, подобно капитану судна, держаться «на плаву» и уйти с последней группой раненых.

Настала ночь. Последняя ночь пребывания медсанба-

та в бухте, названной его медиками «бухтой смерти». Врачи, сестры, санитары медленно продвигались к берегу по лесной дороге, лавируя между воронками, с трудом перетаскивая через завалы носилки с ранеными, тяжелые ящики и другое имущество. Тем временем на берегу спешно строились причалы.

Восемнадцатое августа сорок первого года. Этот день запомнился всем, кто был в бухте Раута-Лахти. На самом берегу, за стеной небольшого кирпичного заводика, скопилось много раненых. Когда под покровом тумана баржи подошли к берегу и раненых поднесли к воде, противник открыл сильный огонь. У самой воды закричал молодой боец. К нему бросилась врач медсанбата Эльза Какстова. Пробежала несколько метров, затем упала и быстро поползла вперед, прижимаясь к гладкому суглинку. Не добравшись до лежавшего в луже крови красноармейца, сама свалилась на бок, обливаясь кровью. На руках у товарищей Эльза Какстова умерла.

На рассвете тяжело нагруженные баржи ушли на Валаам. На одной были люди, медицинское имущество, коровы, которых хозяйственная Каневнина решила тоже перевезти.

— Они нам еще пригодятся,— объяснила она.— Зачем такое добро оставлять врагу?

На второй барже находились машины с сопровождающими. Этому транспорту не повезло. В баржу попал снаряд, и на ней возник сильный пожар. Взрывной волной некоторых выбросило за борт, и теперь они плыли, ухватившись за обломки бревен и досок. Пожар потушили с большим трудом, а тех, кто оказался в воде, вытащили из холодных вод Ладоги.

Замаскированный березками транспорт досадно медленно шел по Ладоге. Стало свежо. Поднялся ветер. Покачивало. Зябко поеживаясь под плащ-палатками, люди прижались друг к другу. Посасывало под ложечкой от голода. Какими же вкусными показались смоченные в холодной озерной воде залежавшиеся ржаные сухари, которыми щедро наделил всех интендант!

Внезапно из-за облачка вынырнули истребители. Мгновенный испуг быстро сменился радостью. На самолетах адели звезды. Покачав крыльями, «ястребки» отошли в сторону и прикрывали с воздуха транспорт до самого Валаама.

Но не все тогда покинули «бухту смерти». Еще в течение двух суток там оставались врач Зимогорская, раненный в голову политрук медицинской роты и сандру-

жинница Мария Александрова — жена комиссара дивизии. Недалеко от берега стояла их небольшая палатка для оказания помощи раненым, все еще выходящим из леса.

Обстрел берега продолжался. Снаряды разрывались у кромки воды, осколки вспарывали стены брезентовой палатки за мшистым валуном, ранили людей, оставляли на граните едва заметные царапины. Для оставшихся тревожно заканчивались вторые сутки — ждали транспорт, а его все не было.

Но вот на горизонте появилась темная точка. Она медленно увеличивалась и через несколько часов превратилась в зеленый островок, державший курс на бухту. К ночи к разбитому причалу пришвартовалось судно. Не торопя ни минуты, погрузили последних раненых, и судно, замаскированное тонкими зелеными березками, взяло курс на Валаам.

Обезлюдел берег Раута-Лахти — только мины и снаряды по-прежнему вспахивали здесь землю.

— Бедная Эльза! Как я скажу ее матери? — терзалась Александрова.

— Горит душа, братцы, — сказал пожилой артиллерист, держась за голову, обмотанную бинтами, — страшно видеть, как на твоих глазах погибают женщины. Все вижу докторшу молодую, как она к берегу ползла! Осколки во все стороны летят, а она ползет, ползет к раненому...

Молодые березки, маскировавшие транспорт, шумели листвой над палубой, где сидели и лежали бойцы. Капитан часто менял курс, приближался к маленьким островкам, снимая с них все новых раненых.

В тот рейс моряки подняли на борт двести восемь человек.

Шли часы. Транспорт плыл по просторам Ладоги к острову Валаам.

Когда медсанбат и автохирургический отряд вступили на остров, он поразил их своей красотой. Строгие монастырские постройки окружал вековой лес, на высоких, причудливых скалах росли могучие сосны. После всего пережитого мучительно захотелось спать. Недолго думая, расстелили под деревьями палатки и мгновенно уснули на них, не обращая внимания на пение птиц и многоголосый шум прибоя. А тем временем старший санитарный начальник Валаама флагманский врач М. А. Строгий предупредил: на подходе транспорт с 168-й дивизией. У бондаревцев есть раненые.

Через час весь автохирургический отряд был поднят на ноги. Наскоро освежившись в прохладной воде, врачи и сестры ушли вслед за командиром в глубь острова.

Недалеко от монастыря стоял крытый черепицей амбар с обширным чердачным помещением. Медики решили тут же сотворить истинно благое дело. Вытащили из амбара огромные лодки и тонны мусора, скопившегося за много лет. После тщательной уборки и дезинфекции амбара завесили чердак простынями. В центре организовали сортировочную, а с обеих ее сторон — отличную операционную на двенадцать столов. Едва доложили о готовности к приему раненых, как к Валааму пришвартовался транспорт с героями-бондаревцами.

Вечерами, в короткие часы своего отдыха, в палатки для раненых после операции приходил санитар отряда рядовой Евгений Мовсен. В руках у него была поцарапанная скрипка. С ней он не расставался в мирные дни, ее положил в вещевой мешок и уходя на войну. Он долго сдувал с деки пылинки, потом брал огрубевшими руками смычок и играл. «Колыбельная» Шуберта мирно уживалась с «Катюшей» Блантера и «Соловьем» Алябьева. Тогда затихали стоны, словно бы заживали самые тяжелые раны. Скрипача долго не отпускали, и он играл, забывая обо всем на свете.

В то время в кельях монастыря на острове работал небольшой морской госпиталь. Врачом его была молодая выпускница Военно-морской медицинской академии Евгения Воробьева.

...Милая славная Женечка! Я помню тебя с довоенных лет — ясноглазую, очень счастливую. Исполнилась твоя мечта: в числе лучших студентов 1-го Ленинградского медицинского института имени академика И. П. Павлова ты перешла в 1938 году на морской медицинский факультет, который тогда формировался.

Как шла тебе морская форма! Весной 1941 года тебе было присвоено звание военврача третьего ранга, а в июне началась война.

С болью я узнала о твоей судьбе. Долго искала твою фотографию. И многие годы я рассказываю о тебе людям...

Это случилось на Ладожском озере. Десант 4-й бригады морской пехоты должен был захватить два небольших по площади, но важных в стратегическом отношении острова — Лукони-Саари и Мартин-Саари и укрепиться на них. Десант сопровождала молодой врач морского госпиталя с острова Валаам Евгения Воробьева. Чуть поблед-

*Капитан медицинской службы
Е. Воробьева. Погибла в августе
1941 года, сражаясь в составе
десанта на острове Мартин-Саари.*

нев и плотно сжав губы, она вошла на плот, придерживая санитарную сумку.

Близилось утро нового дня. Стояла предрассветная тишина, парушаемая едва слышным порохом воды и взлетом встревоженных уток. Чуть-чуть розовел восток. Десант подошел к небольшому островку, затерянному в Ладожском озере. Остров казался безлюдным, на мокрый гладкий песчаный берег пабегала первая волна прибою. Низко к воде склонялись старые ветлы. Отцветая, пряно пахла сирень.

Не встретив сопротивления и не заметив ничего подозрительного, отряд углубился в прибрежный лесок. Внезапно на него обрушилась лавина огня из дота, скрытого за деревьями, отрезая пути отхода. Попеся большие потери, отряд стал отходить к берегу. Воробьева, перебегая от одного раненого к другому, накладывала жгуты, тугие повязки, оттаскивала тяжелораненых к воде. Мимо нее пробежал командир, что-то прокричал ей, но она не слышала, и он рукой показал на воду. Она поняла, что нужно отходить к воде, но внезапно правая нога перестала слушаться и одеревенела...

«Пропала, рапена,— с ужасом поняла она.— Только бы не плен!» И Жея вытащила гранату. Но чьи-то сильные руки подхватили ее и оттащили назад, к спасительному берегу, где покачивался на волнах поврежденный плот. Она на миг увидела окровавленные тельняшки и бинты, и жизнь покинула ее.

Плот медленно отплывал по вспененной от разрывов воде. Гребли поломанными веслами, касками. Фашисты открыли минометный огонь. В пламени и грохоте смешалось все...

Гонимые ветром, долго плыли по потревоженной Ладоге буро-красные пятна. А на востоке, где недавно розовели лучи, медленно поднялось из воды затуманенное солнце.

...В конце августа сорок первого автохирургический отряд на самоходной барже покинул Валаам. В трюме, на палубе между орудиями и машинами сидели врачи, сестры, санитары, гордые сознанием выполненного долга. Комдив Бондарев лично благодарил их за спасение сотен жизней раненых бойцов и командиров.

Ладога осталась позади. Работа на ее берегах и в бухтах измерялась не только количеством бессонных ночей и дней, а также числом операций под артиллерийским огнем, но и чем-то бóльшим. И может быть, это большее и было огромное чувство радости от сознания своей полезности в столь трагический для Родины час.

Под колесами самоходной баржи воды Ладоги перемешались с невской волной.

Из района Шлиссельбурга неслись по фарватеру вражеские снаряды.

— Да, на Ладоге нам было очень тяжело, как нигде раньше,— рассказывал обычно не любивший жаловаться на трудности сдержанный Могучий.— Но наши люди не спасовали. Отряд сейчас отдыхает в Колтушах и через несколько дней в полном составе прибудет в 55-ю армию.

Отступление

В последние дни августа 168-я дивизия, в медсанбате которой работал автохирургический отряд, была спешно переброшена под Колпино. В тяжелых боях в районе Ям-Ижоры она сорвала замысел противника ворваться в город со стороны Московского шоссе. Вместе с полками дивизии в 55-ю армию пришел и медико-санитарный батальон, развернув свои отделения в Александровском парке, у подножия искусственной горы Парнас. Здесь, возле старых брезентовых палаток, я разыскала командира медсанбата военврача второго ранга Зинаиду Александровну Каневнину.

Постоянная тревога за вверенный ей батальон, сотни раненых, которых надо принять, разместить, оказать им медицинскую помощь, накормить и эвакуировать, бессон-

ные ночи, полные тревог и волнений, особенно в последние две недели на побережье Ладоги, оставили на ее ослепленном солнцем лице несмываемые следы. На широком лбу залегли складки, к уголкам зеленоватых, под припухшими веками глаз протянулись свежие морщинки.

Зинаиду Алексеевну я знала еще с довоенных времен, когда она, врач-дерматолог из города Череповца, вступила в тридцать девятом году в Красную Армию и была назначена сначала врачом полка 168-й дивизии, а затем переведена в медсанбат. Великую Отечественную войну она встретила вместе с дивизией на государственной границе под Сортавалой.

— Ох, и досталось нам на Карельском перешейке, — сказала Каневнина, покачав головой, по-северному прикивая. — Совершенно невозможно выделить лучших. Все работали самоотверженно, с полной отдачей. Спасибо начсанкору, прислал нам на помощь хирургический отряд. Какие же они молодцы, эти «аховцы»!

Разговаривая, мы подошли к госпитальной палатке. Начальник госпитального отделения военврач Валентина Александровна Столярова сказала, что в ее отделении лежат восемьдесят человек и их всех после операции без крайней нужды не следует тревожить. Однако обстоятельства сложились так, что на следующий день всех раненых пришлось отправить в Ленинград.

Мимо памятника, поставленного на братской могиле героев революции, прошла большая группа легкораненых в сопровождении фельдшеров. Они направлялись через Шушары в ленинградские госпитали. Проехала и медленно завернула к Парнасу колонна крытых полуторатонков с красным крестом на ветровом стекле. Это начсанарм прислал двенадцать машин для эвакуации тяжелораненых. Каневнина повеселела и поспешила в госпитальное отделение.

Потянулись носилки с лежавшими на них бойцами дивизии. Их всех оперировали в медсанбате, и они в первые послеоперационные дни лечились в госпитальном отделении. Теперь медицинские сестры Аня Голубева, Шура Дец, Дуся Краскова одевали их, кормили и провожали к машинам. Решительная, энергичная военврач В. А. Столярова подписывала документы и вручала их санитарным инструкторам или фельдшерам, сопровождавшим раненых до госпиталя. Когда опустели большие палатки, Каневнина распорядилась укладывать имущество и быть готовыми к отъезду.

В то время как свертывались госпитальное и сортиро-

вочное отделения, в Кофейном домике, превращенном в операционную, Дмитрий Александрович Воскресенский заканчивал первичную обработку множественных ран на спине и ногах только что доставленного из полка пулеметчика. Но вот и его, забинтованного, унесли в машину. Можно укладывать инструменты и другое хирургическое имущество в поцарапанные, пробитые осколками зеленые ящики. Еще немного, и начальник аптеки старший военфельдшер С. Пунинский и его помощник военфельдшер С. Шандромайленко увезут ценный груз через Шушары в пункт, указанный Каневниной.

Приехал комиссар дивизии — моложавый полковой комиссар С. А. Александров. Его явно хорошо знали и любили в медсанбате: дружно обступили, засыпали вопросами. Но комиссар сразу же пошел к бойцам, лежавшим и сидевшим в санитарных машинах. Он спрашивал: где кто воевал и где и когда ранен. Записывал в свою книжечку фамилии, желал всем скорейшего выздоровления, обещал навестить, просил возвращаться в свою прославленную дивизию. Когда санитарные машины увезли последних раненых, Александров снял пилотку, вытер платком высокий с залысынами лоб и сел на пенек. Теперь настало время поговорить с людьми медсанбата. Он рад был узнать, что всем раненым оказана помощь, но предупредил, что дивизия еще ведет боевые действия и новые раненые будут поступать. Каневнина объяснила комиссару, что после ухода медсанбата здесь для этого останется небольшая медицинская группа.

Я простилась с медсанбатовцами и поспешила в санотдел.

В ночь на 17 сентября в санотделе никто не ложился спать — готовились к отъезду. Начсанарм и комиссар поздно ночью вернулись из оперативного отдела и еще долго сидели над картой и документами.

Приезжали начсандивы, представители санитарного управления фронта, начальник санитарной службы Слуцко-Колпинского укрепрайона военврач второго ранга К. П. Алексеев. Каждого волновал вопрос вопросов: все ли сделано, чтобы в полосе, оставляемой нашими войсками, не оказалось забытых раненых.

Очень беспокоило положение в отдельных артиллерийско-пулеметных батальонах, разбросанных под Павловском, в Александровке. В каждом из них была хорошая санчасть, стационар на несколько коек, врачи, сестры. В

то же время у них был маломощный санитарный транспорт, и они нуждались в помощи. По приказу начсанарма командир автосанитарной роты старший воентехник П. И. Детков и его заместитель старший техник А. П. Завищевский выехали в артпульбаты за ранеными. Их по пути обстреляли с воздуха, но за день значительная часть раненых была все-таки переправлена в эвакогоспитали Ленинграда.

Днем возле армейского пункта питания, неподалеку от штаба армии, я увидела большую группу военных в потрепанной одежде. Среди них были врачи и сестры. Оказалось, что это медики из медсанбата 24-й танковой дивизии, а с ними раненые и больные танкисты, отважно сражавшиеся с 12 июля по 24 августа в районе Луги.

Худые, потемневшие лица, уставшие, потертые ноги в разбитых сапогах. Многие хромают, опираются на палки. Впалые, позабывшие отдых и сон глаза, но в них радость! Вражеское окружение, десятки километров дорог, тропинок, троп остались позади. Сейчас бы только побыстрее помыться, чуть-чуть подкормиться — и скорее на фронт.

Подошла к высокому, очень худому военврачу второго ранга в выцветших на солнце гимнастёрке и пилотке. Это был начсандив Никифор Никифорович Евстифеев. Узнав, что я из санотдела 55-й армии, он мне рассказал, что в своей должности находится недавно — сменил погибшего военврача первого ранга Крючкова.

Мы пошли к столам пункта питания. Добрый аппетит изголодавшихся людей беспокоил врачей. Командир медсанбата военврач третьего ранга А. П. Кондратьев — молодой человек с ввалившимися щеками и в больших очках в роговой оправе — упрасивал бойцов:

— Ешьте медленней, не наваливайтесь так на кашу и хлеб. Не торопитесь.

Пока подошли армейские санитарные машины за больными и ранеными, Евстифеев и Кондратьев рассказали: медсанбат принимал раненых и лечил больных в хорошо оборудованных просторных землянках в густом лесу возле Больших и Малых Крупеней, близ станции Долговка. Пришел горький час, и они должны были оттуда сняться и уйти к Ленинграду в обход населенных пунктов и дорог, уже захваченных врагом.

И начальник санслужбы, и комбат, и каждый, кто шел, несли медицинское имущество, помогали раненым, друг другу. Несколько суток двигались лесом, держа путь на совхоз «Красный маяк». Недалеко от Южного поселка

медсанбат был обнаружен и обстрелян. Похоронив погибших, пошли дальше, кружа и петляя, к Вырице, но и она оказалась уже захваченной противником.

— Прямой путь на Пушкин отрезан, — сказал начсандиву и комбату полковник Родин, заместитель комдива. — Надо переходить вброд реку Оредеж в районе между населенными пунктами Новинка и Чаща. Переходить скрытно, на рассвете. Но самое трудное ждет вас дальше — большое Кауштинское болото. Перейдя его, подойдете к шоссе Вырица — Новолисино, а там рукой подать до Пушкина.

Полковник Родин ободряюще улыбнулся, встал с пенька и протянул на прощание руку.

— Дорогие мои врачи! Передайте всему коллективу медсанбата мою глубокую уверенность, что вы вместе с ранеными успешно одолеете трудный путь. Я буду следить за вашим продвижением и помогать вам. Счастливого пути! Торопитесь!

Снова пути-дороги. На рассвете вышли к реке Оредеж, окутанной туманом. Разведчики, посланные вперед по приказу заботливого полковника Родина, уже нашли брод. Люди вступили в воду, высоко поднимая над головой вещевые мешки и оружие. Раненых несли на носилках. От холодной воды и нервного напряжения людей била дрожь.

Еще не успела высохнуть на них одежда, как они вступили в гнилое болото. Движение замедлилось — искали тропки, обходили проезжие дороги. Кружили, петляли по болотам в комарином царстве более тридцати километров. Лица и руки распухли и покрылись гноящимися ссадинами. Радовались каждой сухой кочке и розоватой клюкве. Вечером на болото опускался густой туман, и влага обильно пропитывала одежду. Холодные ночи причиняли много страданий. От торфяной, коричневатого цвета воды тошнило. Наконец подошли к шоссе Вырица — Новолисино и залегли до ночи в придорожном лесу.

...По дороге всю ночь проносились мотоциклы с вражескими автоматчиками. На рассвете 17 сентября небольшими группами перебежали шоссе и вышли на Пушкин.

В течение дня 17 сентября представители санитарного отдела побывали всюду, где еще утром принимали раненых и одновременно свертывались медсанбаты. Комиссару санотдела и мне достались Александровский парк и вокзал.

Опустели Арсенал, санаторий у Орловских ворот, Ки-

тайская деревня и Кофейный домик. Свернулись и ушли к Ленинграду медсанроты, медсанбаты, полковые санчасти. Лишь шальной ветер катал обрывки бинтов.

Возле горы Парнас на траве сидят и лежат раненые. Ноги в белых повязках покоятся в шинах. На центральной аллее стоит комбат Каневнина и приветливо машет мне рукой. Она еще больше осунулась.

— Медсанбат ушел на проспект Обуховской Обороны,— доложила Каневнина.— Осталась одна бригада, чтобы принять последних раненых, но машин пока нет.

Пока мы разговаривали, к медсанбату подъехала пустая полуторка. Из нее вышли Аня Голубева и Мария Александрова. У них радостные лица. Какие же они молодцы! В Шушарах, куда они отвели большую группу раненых, им повстречался бывший начштаба их дивизии полковник Королев, ставший командиром 90-й дивизии. Они попросили его помочь вывезти раненых из Пушкина. Королев распорядился дать машину своим бывшим однополчанам, но свободных автомобилей, к сожалению, не было. Тогда женщины выгрузили из одной машины артиллерийские снаряды, осторожно сложили их в стороне от дороги и приехали в Пушкин.

А Пунинский и Шанромайленко увидели за Шушарами пустой автобус. Они проехали на нем прямо по совхозному полю в Александровский парк и увезли последних раненых.

Когда мы вышли из парка, было шестнадцать часов. Умытое дождем солнце пригревало по-летнему. С утра артиллерийский и минометный обстрел города заметно усилился. Мы быстро шли Советским бульваром к вокзалу. Там тоже могли быть раненые.

Недалеко от вокзала нас обогнал медицинский отряд. Его вел военврач Н. М. Давыдовский. Это были медики из 26-го медсанбата 90-й дивизии, уезжавшие санитарным поездом в Ленинград.

Вокзальная площадь интенсивно обстреливалась. У правого крыла вокзала стояла машина с красным крестом, возле нее — девушка-санинструктор. Хотела спросить, откуда раненые, но, подбежав ближе, узнала Валию Чибор. Поняла, что раненые из 2-й гвардейской дивизии народного ополчения.

Валя быстро и ловко подсаживала раненых в машину. По ее круглому лицу стекали капли пота.

— Мы вывезли последних раненых из совхоза «Новый свет»,— сказала Валя.— Уходим в Шушары.

— Скорее, скорее,— торопил Валию шофер Михайлов.

В билетном зале на скамьях, на полу — всюду раненые, гражданские и военные. Санитары, балансируя между лубками и шинами, пробирались к летучке. Медлить было нельзя.

Через некоторое время я увидела у правого крыла вокзала, откуда только что отъехала санитарная машина, глубокую воронку. Артиллерийский обстрел усиливался, но эвакуация раненых проходила организованно.

Возвращаясь в санотдел, мы встретили группу раненых на Октябрьском бульваре, у школы. Они ожидали машины. Это была санчасть 247-го артпульбата. Еще утром начсан Слуцко-Колпинского укрепрайона военврач А. П. Алексеев приказал свернуть санчасть, эвакуировать раненых, а самим уходить в Ленинград.

Старший врач артпульбата, энергичный, напористый Юрий Кашменский, действовал без промедления. Он отправил в тыл всех раненых, медицинских сестер, а сам остался в батальоне вдвоем с врачом Александром Бонфильдом. Но раненые все шли. Им нужно было оказать неотложную помощь и отправить из Пушкина.

Времени на раздумье не было. Бои уже развернулись на окраине города, некоторые гражданские шоферы не соглашались выбросить из кузовов доверенное им для перевозки имущество (чаще это была мебель) и забрать раненых. Разъяренный Юрий Кашменский с наганом в руках задержал несколько машин, сбросил на землю шкафы и столы и уложил, усадил последних раненых, врача и фельдшера. Уже потом я узнала окончание этой примечательной истории, такой характерной для Кашменского.

Когда не осталось ни одного раненого, за которого он мог быть в ответе перед своей совестью, дорога на Пулково оказалась перерезанной противником. Тогда Кашменский и шофер Кузовкин втащили на шпалы Витебской железной дороги небольшую, в нескольких местах пробитую осколками санитарную машину и, громыхая и подпрыгивая, направились к Средней Рогатке. Их заметила немецкая «рама» и обстреляла из пулемета. Пули пробили ветровое стекло, но, к счастью, не задели смельчаков. Сползли они с насыпи возле мясокомбината имени С. М. Кирова...

Не менее драматичный эпизод произошел в то время с начальником медицинской службы 70-й дивизии Виктором Андреевичем Буковым.

— Когда штаб дивизии уходил из Пушкина, — рассказывал он, — начштаба показал мне на пустой автобус, кем-то брошенный у ограды Александровского парка, и сказал: «Если можешь управлять автобусом, забирай его и увози раненых в Ленинград, в медсанбат». Умея немного управлять пикапом, я решил, что и с автобусом справлюсь. Стемнело. В городе слышалась автоматная стрельба. Раненые, все лежащие — с переломами ног, нервничали, но я никак не мог завести машину. Когда же наконец мотор заработал и автобус начал медленно выбираться из боковых улиц к Египетским воротам, в машине неожиданно зажегся электрический свет. Как я ни старался его выключить, так и не смог. Как потом оказалось, переключатель был испорчен, и шофер соединил провода под щитком напрямую... Я проклинал себя за легкомыслие, но отступать уже было некуда — машина полна ранеными, и любой ценой я должен был их спасти.

С трудом Букову удалось вырваться из Пушкина. На шоссе в сторону Пулкова машина неслась с зажженными фарами, и на всем пути ему грозили кулаками. Он понимал, что должен выключить свет, а как это сделать — не знал. Критический момент наступил возле Средней Рогатки. Между надолбами был оставлен неширокий проход для машины. К своему ужасу, Буков увидел, что в него въезжает обоз. Что есть силы нажимал он на ручной тормоз, но тот бездействовал, а про ножной он в смятении забыл. Обоз все-таки успел проскочить проход в надолбах и свернуть в сторону. След в след за последней повозкой проскочил на Среднюю Рогатку и буковский автобус. И помчался дальше по Международному проспекту. Внезапно на углу Благодатного переулка он сам по себе остановился. К счастью, как раз возле медсанбата своей дивизии. В бензиновом баке было сухо, а пачсандива хоть выжимай!..

Через несколько дней отыскался водитель этого автобуса. Он никак не мог поверить, что его автобус сумели завести да еще вывезти на нем раненых. В конце концов он пожал плечами и сказал, что такое мог сделать только профессионал высокого класса, виртуоз...

Настал час уходить и нам. Перед выездом из Пушкина я забежала в городскую больницу имени Семашко, в которой в тридцатых годах работала медицинской сестрой.

Необычайно пусто и тихо в тенистом саду, в прием-

ном покое. Увозят последних больных. Грузят медицинское имущество. Растерянно ходит по отделению старый врач-инфекционист Алякритская, всю жизнь отдавшая любимому делу.

Время сдвинулось. Теперь мне кажется, что не я, а кто-то другой работал в приемном покое, в инфекционном отделении, заразился сыпняком и переболел им в этих светлых палатах, учил анатомию, химию на дежурствах, вечно торопился на поезд, чтобы не опоздать в институт.

Потянуло в рентгеновский кабинет. Там раньше всегда стоял полумрак, горела над столом красная лампочка, светился зеленый экран. Рентгентехник Рая, высокая жизнерадостная, энергичная женщина, показывала мне, тогда молодой медсестре, снимки легких, костей, желудка. Я мечтала тогда тоже стать у зеленого экрана и разбираться во всем так, как разбирался старый доктор с козлиной бородкой и в защитных черных очках.

Мне думалось тогда по неопытности, что зеленый экран всемогущ. Что он помогает понять то, что скрыто от обычного взгляда; что он может объяснить, почему больное сердце работает как старые испорченные часы, а карверны разъедают легкие; ответить, как срастаются или почему не срастаются переломы костей. Мне казалось, что рентгенология — это именно та наука, которая служит людям связующим звеном между всеми медицинскими специальностями.

Уже потом, в пору врачебной зрелости, я поняла, что рентгенология далеко не всемогуща, она только частица того, что зовется клиническим обследованием больного.

В тот памятный семнадцатый день сентября сорок первого в знакомом рентгеновском кабинете было необычайно светло и обнаженно. Ветер распахнул большое окно в широкий мир, набросал на стол осенние шафрановые листья, шуршал обрезками рентгеновских пленок. Не было ни доктора с козлиной бородкой, ни рентгентехника Раи. Они тоже надели военную форму.

Было 17 часов, когда я вернулась в штаб.

— Где это вы бродите? Собирайтесь! — сурово сказал начсанарм.

В комнату вошел начальник первого отделения Новиков. Положил на пол объемистые пакеты. Хороший хозяин, он уже в Пушкине заботился о фонарях, свечах и прочих вещах, ставших впоследствии неизменными атрибутами нашего блокадного военного быта.

...На всю жизнь останется в памяти багровое зарево над Павловском и парками. Из загнутой кверху кровли Китайского театра (чудесного, полного изящества творения конца XVIII века архитектора Неелова) устремлялись к тревожному небу языки пламени. В отвесах пожараща трепетали еще не опавшие листья кленов и дубов...

Остался позади Лицейский сад с пустым пьедесталом. Юный сидящий на скамье Пушкин далеко. Он в безобасности. На цоколе незабываемые слова, обращенные к потомкам:

Все те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.

Гитлеровцы обстреливали улицы города, и особенно яростно Египетские ворота — проход на шоссе, ведущее в Ленинград. Шофер Петя Чернов, на редкость молчаливый и сосредоточенный, гнал машину сквозь дым пожарщ между надолбами...

Под вечер мы въехали в опустевший город. Промелькнули Лиговский проспект, Александро-Невская лавра. Наши машины устремились по проспекту Обуховской Обороны. В потемневшей Неве плыли и спали одинокие чайки. В хмурое небо поднимались серебристые аэростаты воздушного заграждения.

Миновали сад имени Бабушкина и оказались в старом заброшенном саду у старинного двухэтажного особняка.

— Так это же Дача Куракина! — воскликнул старший военфельдшер Ваня Зиненко, наш медстатистик, большой знаток петербургской старины. Обращаясь ко мне, он пояснил: — Хозяйка этого «домика» красавица генеральша, вся беломраморная, стоит в Некрополе Александро-Невской лавры, а муж ее — екатерининский вельможа генерал Куракин...

— Ну вот, нашли самое подходящее время рассказывать о генеральше и ее муже, — сердито сказал Новиков. — Разгружайте побыстрее машину и беритесь за ящик, несите его наверх.

Нас встретил начальник тыла армии, невысокий молоджавый полковник с открытым приятным лицом Емельян Григорьевич Савченко.

— Наконец-то наша медицина приехала, — сказал он вполголоса. — Теперь все в сборе: Занимайте комнаты на втором этаже. Комендант укажет. На развертывание час, только час!

Вскоре наше нехитрое имущество — столы, стулья

были расставлены. До самого вечера мы замазывали рамы, вешали шторы, проверяли светомаскировку. Связисты тянули провода, принесли полевые телефоны. Вечером на наших столах впервые зажглись фопари «летучая мышь».

На южных рубежах

Утром весь командирский состав штаба армии ознакомился с приказом Военного совета фронта от 17 сентября 1941 года, подписанным командующим Г. К. Жуковым, членами Военного совета А. А. Ждановым и А. А. Кузнецовым, начальником штаба М. С. Хозинным. В обороне южной части Ленинграда особое значение придавалось рубежу, проходившему по Лигову, Кискину, Верхнему Койрову, Пулковским высотам, районам Московской Славянки, Шушар и Колпина. Удержать эти рубежи следовало во что бы то ни стало.

Колпинский участок фронта был одним из главных в полосе обороны, занимаемой 55-й армией. С конца августа и до последней недели сентября здесь не прекращались ожесточенные кровопролитные бои. Части Красной Армии, плечом к плечу с которыми мужественно сражались ижорские рабочие, остановили продвижение врага. Он вынужден был перейти к обороне.

Кровью своих лучших бойцов и командиров отстояла 55-я армия Колпино с его прославленным Ижорским заводом, выполнила приказ Военного совета фронта, прочно прикрыла Ленинград с юго-запада.

8 сентября гитлеровские войска захватили Шлиссельбург. Началась блокада Ленинграда. Тогда, в сентябре сорок первого, мы не знали, долго ли она продлится, но были твердо уверены, что Ленинград выстоит и победит.

Осенью сорок первого санитарная служба решала задачи исключительной важности. Коротко говоря, они сводились к двум взаимосвязанным проблемам: организации четкой системы помощи раненым (начиная с переднего края или ротного-батальонного участка до медсанбата и госпиталя) и широких санитарно-эпидемиологических мероприятий, ставящих своей целью не допустить развития эпидемий, сохранить боеспособность войск.

Первостепенное значение имели водоемистичники. Поэтому сразу же началось исследование их чистоты и пригодности в различных пунктах, занимаемых армией. Оно показало, что водоемы загрязнены, особенно в районе

Колпина и в его окрестностях. Когда замерз колпинский водопровод, жители и воины стали брать воду из технического водопровода, но потом замерз и он. Многочисленные колодцы, водоемы были расположены в густонаселенных пунктах, порой вблизи уборных, и практически такая вода была непригодна к употреблению без тщательного обеззараживания.

Паспортизация всех источников водоснабжения — рек, колодцев, скважин, ручейков, изучение санитарного состояния прибывающих в армию частей — вот первые шаги санитарной службы армии. Ей посвятили свою деятельность наш военный гигиенист Владимир Эдуардович Стамер и армейский эпидемиолог Леонид Иванович Егоров, а позже сменивший его Николай Николаевич Романенко.

Это была очень трудная и хлопотливая работа, приносившая небольшие радости и большие огорчения. Борьба за каждый чистый колодец, за чистоту ровиков, траншей и окопов, землянок, немедленная изоляция заболевших. Проверка, еще раз проверка. Доклады начсанарму. Доклады начсанарма Военному совету. Бесчисленные выезды в части. Инспекции Санитарного управления фронта. Бессонные ночи и дни, полные тяжких дум и тревог, потому что в прибывшей новой части обнаружена вшивость... Сотни анализов воды делались ежемесячно в лабораториях медсанбатов и санэпидотряда. Вода проверялась зимой и осенью, летом и весной. Брали воду на анализы из ручейков и капавок, протекавших там, где живут бойцы. Нередко под носом у врага.

Как и всегда, все решали люди. Они выносили раненых из залитых водой траншей и окопов, тянули их на набухших плащ-палатках, везли на повозках. Стояли у перевязочных и операционных столов. Не спали сутками возле тех, кого выхаживали в госпитальных палатах. Строили бани. Выявляли заболевших поносом, ослабленных педоеданием и болезнями. Работали на складах, сидели за рулем санитарных машин.

Это были обычные советские люди в гимнастерках и продуваемых на ветру шинелях. Кадровые и прибывшие из запаса. И это от них зависело, через сколько часов будет доставлен раненый, оставшийся лежать на нейтральной полосе, а также быть в воинской части педикулезу* или нет. От них в конечном счете тоже зависела паша победа.

* Педикулез — вшивость.

...Санитарный отдел 55-й гудит. Особенно многолюдно в нашей комнате, где собрались гигиенисты, эпидемиологи, медицинские снабженцы, кадры санитарной службы, армейские специалисты — дружная многоликая семья! Прибывают новые медицинские учреждения, руководители санитарных служб.

Наконец появился и долгожданный армейский санитарный склад, доставивший значительное количество медицинского имущества и лекарств. Отпала необходимость частых выездов во фронтовой склад представителей дивизии и санитарного отдела армии.

Ленинград в ближайшее время мог рассчитывать лишь на собственные силы, на имеющиеся запасы медикаментов, сделанные еще до войны. Плановое снабжение армии в условиях блокады было ограничено и затруднено. Поэтому с первых дней нашей работы приходилось соблюдать строжайшую экономию во всем, особенно в расходовании перевязочного материала и спиртов, бережливо относиться к медицинскому имуществу, хирургическому инструментарию, белью.

Начсандивы, комбаты и начальники медснабжения дивизии скоро поняли, что у нашего серьезного и очень ответственного начальника медснабжения И. С. Миндлина заявки, составленные на «авось», на «а вдруг», не проходят. Деловито подсократив все до разумных пределов, он передавал требования на санитарный склад.

Почти ежедневно в санитарный отдел приходили врачи, фельдшера, направленные для дальнейшего прохождения службы.

От меня — начальника отделения кадров и боевой подготовки санитарного отдела армии — требовалось хорошо знать людей, принимать непосредственное участие в реорганизации одних армейских учреждений и формировании других.

Замечательные люди вливались в нашу армию! Очень разные по своему характеру и боевому опыту, все они любили свои полки, дивизии и гордились их боевым прошлым.

После короткого знакомства и оформления документов военные медики направлялись в дивизии, уходили в Понтопную, Колшино, Усть-Ижору, обживали сырые землянки в противотанковых рвах, полуразрушенные дома и подвалы фронтовых поселков. Но все сохраняли исключительно бодрое настроение. И молодежь, и те, кто постарше, — все стремились в строевые части, просили на-

править их на передовую. Никого не пугали трудности фронтовой жизни и быта.

Мы, помощники начсанарма, обязаны были иметь четкое, ясное представление о медицинских кадрах, о санитарно-эпидемиологической характеристике прибывшей части, о ее обеспеченности медицинским имуществом. Сами начсанарм и комиссар отдела каждый день бывали в дивизиях, встречались с командирами и политработниками, а вечером докладывали Военному совету армии о положении медицинских дел.

И командир 4-й ДНО П. И. Радыгин, и командиры 125-й, 168-й, 268-й дивизий генералы П. П. Богайчук, Л. Л. Бондарев, С. И. Донсков, и командиры других входивших в состав армии соединений, а их становилось день ото дня все больше, довольны были своими медиками, верили «своей медицине» и просили подбросить медицинское имущество, пополнить убыль санитаров и фельдшеров.

Дивизии у нас в армии были разные: кадровые и из ополчения. Но к сентябрю 1941-го разница между ними, пожалуй, сгладилась, стала минимальной. Трудный боевой опыт первых месяцев войны не прошел бесследно. Все дивизии стали кадровыми.

Но все же какая-то разница сохранилась, и, пожалуй, больше всего она сказывалась в возрасте медицинских работников медсанбатов. В кадровых дивизиях врачи были помоложе.

Вот 90-я дивизия. У кадрового, опытного начсандива И. Ф. Милюкова в медсанбате почти все — молодежь. Прошла первая сковывающая робость. Действия врачей В. Машкары, П. Рабичева, П. Потапова, В. Лукаша в операционной и сортировочных стали более организованными и продуманными. Встречая затруднения, они обращались за советами к старшим хирургам А. В. Копорулину или Н. В. Гречикову. Молодых врачей можно понять. Пули и осколки в живом теле проделывают такие мудреные ходы, что и многоопытному врачу нередко трудно решить, с какого органа начать «ремонт», какое решение целесообразнее принять.

4-я ДНО, сформированная в Дзержинском районе Ленинграда под командованием полковника П. И. Радыгина, после летних боев на южных подступах к Ленинграду в конце августа — начале сентября воевала на берегах Тосны и Невы. В трудных сражениях на небольшом участке приречной местности бойцы-ополченцы бились мужественно и преградили дорогу врагу. Управление нашей ар-

мии тогда еще только формировалось. Полевых и эвакуационных госпиталей в полосе армии не было.

На открытой местности от мин и снарядов было не укрыться. Лишь по берегам рек Невы и Тосны росли невысокие кустарники да ветлы — опускаясь к воде, они полоскали в ней нежные листочки. Но и ивы и невысокий берег — слабая защита от вражеского огня. В таких условиях доставка раненых через Тосну — подвиг. И его постоянно совершали санитары, санитарные инструкторы, военные фельдшера, порою совсем молоденькие девушки.

Вот Зоя Боброва и Вера Григорьева — сандружинницы 2-го стрелкового полка 4-й ДНО. Они все время находились в боевых порядках и доставляли раненых через реку Тосну в Корчино. Когда в селе Покровском в первые дни сентября тяжело ранило в руку начсана 3-го батальона военфельдшера Геннадия Лоскутова, молодые санитарные инструкторы Клара Терехова и Мария Трошкина, умело наложив жгут на плечо, остановили кровотечение, перевезли ослабевшего товарища на лодке через реку и спасли ему жизнь.

Много испытаний выпало на долю санинструктора Зои Павловой. Однажды холодным осенним днем она сидела на веслах. Пронеслась и разорвалась в воде мина, подняла водяной смерч. Лодку закружило. Разбило в щепки одно весло, а второе выпало из онемевших пальцев, но Зоя догребла окровавленными руками и доставила раненых.

Не изглядятся в памяти однополчан 330-го полка молодые врачи Борис Аграчев и Владимир Самойлович, в боевой обстановке у реки Тосны принимавшие раненых.

Юношески стройный, высокий военврач третьего ранга Станислав Михайлович Татаренок и полнеющий с возрастом командир медсанбата кандидат медицинских наук военврач второго ранга Сергей Федорович Мамойко — питомцы Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова. Несмотря на значительную разницу в возрасте и в медицинской подготовке, у них было немало общего. И Татаренок и Мамойко четко представляли задачи санитарной службы, действовали оперативно. Во время боевых действий и большого притока раненых они оба выходили в полковые медсанчасти и работали как рядовые врачи. Да, потери у медиков были значительные, а санотдел армии пока не мог помочь в пополнении. Приходилось выбираться из трудного положения своими силами.

Комбат Мамойко направил из медсанбата в полки бригады врачей и сестер М. А. Жилинскую, Т. Бокалло, Б. Фукс, М. Саввину. Перевел в 284-й артиллерийский полк врача Валентину Иониаиди. Мужественная женщина осталась старшим врачом полка до конца войны.

С армейским хирургом я побывала в медсанбате 4-й ДНО в Усть-Ижорской больнице. Познакомилась с многими медиками. Во дворе была развернута большая палатка. Раненых немного. Больших операций не делают: нет донорской крови. Руководит операционно-перевязочным взводом преподаватель хирургии Военно-медицинской академии военврач первого ранга В. И. Титов. Он опытный специалист и педагог, и за оказание хирургической помощи раненым в этой дивизии можно не тревожиться. Ведь кому, как не «академикам», знать досконально военно-полевую хирургию.

От комбата узнала: госпитальное отделение возглавляет кандидат медицинских наук невропатолог Маргарита Александровна Жилинская. Первое впечатление — а оно, как известно, нередко бывает самым верным — хорошее. Конечно, отлично, что образованный, энергичный врач — во главе госпитального отделения. Но целесообразно ли использовать ее большие знания и опыт по невропатологии и психиатрии в госпиталях армии или фронта? Надо подумать.

Всю санэпидработу в этой дивизии ведет не врач, а биолог, кандидат биологических наук Юрий Иванович Полянский. Ему помогает Евгений Михайлович Хейсин, тоже биолог и тоже кандидат наук. Он фельдшер санитарного взвода. И в этом случае меня одолевали те же сомнения.

В сентябре сорок первого Ю. И. Полянский часто приходил к нам в санитарный отдел, подолгу беседовал с нашими эпидемиологами, выспрашивал обо всем, чего не знал. Он буквально поражал нас своей бушующей энергией, какой-то одержимостью в работе. Щедро делился своими обширными знаниями по общим проблемам биологии и паразитологии, о которых рассуждал с присущим ему блеском.

Но начальник санитарно-эпидемиологического отделения Стамер, наш неумолимый педантичный Стамер, быстро опускал маститых ученых с Олимпа на грешную землю, требуя от них исчерпывающих данных о строительстве ровиков, характеристику бань, сведения об осмотре на педикулез по всем подразделениям...

Санитарами в медсанбате 4-й ДНО были люди разных

профессий. Наряду с сандружинницами Красного Креста на должности рядовых были и историк профессор Н. С. Масленников, и артист Театра оперы и балета имени С. М. Кирова В. Г. Иванов, и музыкант Е. В. Скворцов, и биолог С. Е. Шпилея, и многие другие.

Из Усть-Ижоры медсанбат 4-й ДНО перешел в село Рыбацкое, в просторный деревянный дом неподалеку от Невы. Комбат и начсандив стали частыми гостями нашего санотдела, зачастили в дивизионный медсанбат и наши санотдельцы.

Комбат Мамойко очень озабочен. Дивизия получила новую боевую задачу и уходит из 55-й армии в Невскую оперативную группу. А в полках и медсанбате осталось мало медицинского имущества. Многое пришло в негодность после того, как дивизия вступила в бой. Теперь, когда 4-я ополченческая уходит из армии, неразумно обращаться в санотдел 55-й, считает Мамойко. Мне же казалось еще более неразумным не сделать в этом направлении ни одной попытки. Что с того, что дивизия уходит на другой участок фронта? Она же наша, советская!

К удивлению Мамойко, начсанарм приказал начальнику медснабжения Миндлину лично проследить, чтобы из армейского санитарного склада было отпущено уходящей дивизии необходимое количество медикаментов и перевязочного материала.

Миндлин неодобрительно покачал головой. Щека и левый глаз его задергались. Нервный тик — след ранения и контузии, всегда возникавший у нашего славного начальника медснабжения в минуту душевного волнения, — говорил нам без слов, что он считает действия начальства недопустимым расточительством. Но возразить Миндлин не посмел, и Татаренок с Мамойко ушли из нашей армии, изрядно пополнив свою аптеку.

В конце октября мы узнали, что 4-я ДНО, переименованная в 86-ю дивизию, форсировала Неву и высадилась на «пяточке».

Уже много лет спустя, просматривая в Военно-медицинском музее архивные документы, я вновь встретила знакомые фамилии и имена из бывшей 4-й дивизии народного ополчения. Документы предельно сжато рассказывали о давно минувших событиях. От карандашных полустертых записей повеяло блокадной осенью сорок первого, когда «над городом Ленина ветер разносит все чаще и чаще сигналы тревог...» *

* Стихи врача М. Левитанского.

Первого октября рано утром неожиданно для нас в армию прибыло высокое санитарное начальство — начсанфронта бригаврач Д. Н. Верховский, комиссар санитарного управления бригадный комиссар Е. С. Шелемеха и военврач первого ранга В. Н. Новиков из лечебного отдела.

Вскоре всех начальников отделений вызвали на совещание.

За столом начсанарма военврача первого ранга С. М. Гофмана сидел грузный начсанфронта. Его небольшие, с прищуром глаза внимательно осматривали каждого входившего. Говорил Верховский негромко, короткими фразами и сжатым кулаком сурово постукивал по столу, выразительно подчеркивая серьезность сказанного.

Он обращался к нам. Задавал вопросы. Стамер доложил санэпидобстановку в армии. Армейский хирург Айзман рассказал о ведущих хирургах медсанбатов и о том, что в конце года намечается провести научно-практическую конференцию врачей армии.

— Это очень хорошо, — удовлетворенно кашлянул Верховский и широкой ладонью погладил блестящую лысину. — Только за всем этим не упускайте главного. Нужно преградить дорогу эпидемиям! Есть все данные, что в войсках из месяца в месяц будет расти дистрофия, прежде всего за счет прибывающего из Ленинграда пополнения — ведь нормы выдачи продуктов гражданскому населению значительно снижены. Дистрофия вызовет другие заболевания и, в первую очередь — дизентерию. Организуйте в армии, в каждой дивизии, занятия с медсоставом. Не забудьте санинструкторов, фельдшеров батальонов, полков. Эта огромная армия медиков работает в гуще войск, и от ее санитарной культуры, знаний зависит многое.

Заключая совещание, начсанфронта твердо обещал, что в армии будут свои госпитали и не придется отправлять раненых во фронтовые. И снова подчеркнул:

— Работайте больше с людьми, совершенствуйте их знания.

Через час фронтовое и армейское санитарное начальство на трех машинах уехало в медсанбаты Голшова и Понтоной.

Замыкающая черная «эмка» с помощником начальника лечебного отдела фронта Новиковым и армейским хирургом Айзманом задержалась у контрольно-пропускного пункта и вскоре тоже ушла по мокрому серому асфальту вперед.

*Армейский хирург 55-й армии
военврач 2-го ранга И. М. Айз-
ман.*

Что произошло потом, мы узнали от начсанарма.

Шоссе у Понтонной интенсивно обстреливалось. Первые две машины благополучно проскочили зону огня, а на пути третьей разорвался снаряд. Глухой удар потряс машину, выбил из помертвевших рук водителя баранку. Осколки пробили стекла, кузов, обрушились на сидевших в машине людей.

Сильный взрыв на шоссе услышали в медсанбате и в «эмках», ушедших вперед. Командир медсанбата 268-й дивизии Д. И. Банщиков и первые две черные «эмки» поспешили на помощь пострадавшим.

Сначала подбежали к разбитой машине Банщиков и санитары с носилками. Убитыми оказались военврач первого ранга Новиков, прибывший вместе с начсанфронта, и шофер Иванов. Жизнь еще не угасла в пропитом в разных местах осколками армейском хирурге Айзмани. Спустя несколько дней, когда Айзман несколько вышел из тяжелого состояния, он рассказывал:

— Самое тягостное воспоминание — это минуты, когда меня вытаскивали из машины. Я полулежал на переднем сиденье, были повреждены голова, челюсти, глаза, грудь, руки, особенно правая кисть. И когда меня тащили — это вызывало такую боль, которая погружала меня в шоковое состояние, а затем в обморок. Помню себя лежащим на операционном столе. Никого не видел. Не знал,

целы ли глаза, или их забило землей, как мне сказала врач медсанбата Нина Ивановна Ильина.

Очнулся армейский хирург ненадолго в санитарной машине, куда забинтованного, с кислородной подушкой, его внесли на носилках. Он не знал, что после ранения прошло немало минут борьбы за его жизнь. Среди множества осколков, застрявших в толще мышц груди, старший хирург медсанбата Хоменко извлек один крупный, с винтовой насечкой. Это был орден Ленина — высшая боевая награда врачу в советско-финскую войну. Он прикрыл верхушку сердца, принял на себя поток осколков и спас жизнь армейскому хирургу. Нарастающая сердечная слабость не позволила продолжить операцию, и Айзман по распоряжению начсанфронта был переправлен во фронтową госпиталь № 50, где раненым занялся профессор А. А. Немилев. Состояние Айзмана еще долго оставалось серьезным.

Будучи тяжело раненым, Айзман оставался прежде всего врачом и старался анализировать свое состояние, не раскисать, держаться активно, внушал себе веру в выздоровление.

Вот строки из его короткого письма, продиктованного медсестре через несколько дней после ранения, в разгар пневмонии.

«Все время, пока сознание не оставляло меня, я старался контролировать свои ощущения, давать им объяснения и не сдаваться. В особенности меня подстегнула оценка моего состояния, сделанная, судя по голосу, пожилой нянечкой у моей кровати на шестой день после ранения, когда на глазах была повязка:

— Этот, сердечный, до вечера не дотянет!

„Ну, мы это еще посмотрим” — подумал я».

И он начал бороться за жизнь.

Всего этого мы в санитарном отделе не знали. Понимали, что дела нашего товарища плохи. Если даже выживет, то что может быть печальнее слепого и безрукого хирурга?

Но потом поняли, что к оценке его состояния подходили шаблонно, позабыв о таких индивидуальных качествах человека, как сила воли, характер. Они-то зачастую и играют главную роль в исходе болезни.

В ту пору еще не было антибиотиков, и огнестрельные ранения легких вызывали осложнения, протекали очень тяжело. Айзман перенес воспаление легких, плеврит. Раненая рука беспомощно лежала в гипсе. Разлитой отек и кровоизлияние, множество осколков закрыли в

глазах свет. Засыпал он под утро, мокрый от пота и обесиленный.

Долго шла борьба за его жизнь, медленно восстанавливались силы. Вначале он стал видеть, как сквозь туман. Потом мутная пелена постепенно рассеялась. Теперь все внимание Айзман сосредоточил на раненой правой кисти. Плотно сжав челюсти, страдая от внутреннего напряжения и боли, он часами тренировал искалеченные пальцы, заставляя их вновь обрести гибкость.

А война шла. Жизнь продолжалась. Исполняющим обязанности армейского хирурга санитарный отдел назначил командира хирургического отряда Михаила Александровича Могучего. Автохирургический отряд возглавил военврач второго ранга рентгенолог Г. М. Гольдин, в котором счастливо сочетались организаторские способности, специальные знания и большая человечность. Но связь Могучего со своим отрядом ни на минуту не прекращалась. И по-прежнему, как летом сорок первого, когда было трудно и захлестывал поток раненых, на помощь выходили хирургические группы усиления, а вместе с ними и наравне со всеми работал армейский хирург М. А. Могучий.

Накануне ноябрьских праздников комиссар санотдела С. Я. Кораблев и я собрались навестить нашего раненого товарища во фронтовом госпитале. По распоряжению начальника тыла полковника Е. И. Цуканова, сменившего Е. Г. Савченко, военторг приготовил небольшую посылку. Айзман долго не хотел принимать продукты, просил разделить их между всеми работниками санотдела, а водке обрадовался. Сказал, что после отбоя обязательно в честь праздника всей палатой выпьют «по малой, по фронтовой».

Неимоверно худой, с побелевшими висками, он сидел в кровати и пальцами левой руки помогал пальцам правой сжимать и разжимать мячик пинг-понга.

— Невозможного в жизни нет! — сказал он нам. — Я обязательно разработаю пальцы и останусь хирургом.

Под впалыми щеками врача заходили желваки. На лбу выступил пот. Глаза под отечными покрасневшими веками потептели. После длительного перерыва мы услышали любимую им: «И тот, кто с песней по жизни шагает, тот никогда и нигде не пропадет».

В тот вечер мы поверили, что так и будет.

Нашим соседом справа была 42-я армия, с которой поддерживали тесные отношения не только наши оперативники, но и санитарная служба.

По заданию санотдела фронта мне приходилось несколько раз выезжать в медицинские учреждения 42-й армии, и я хорошо знала еще с довоенных лет начсанарма военврача первого ранга Я. А. Барейшу, армейского хирурга военврача первого ранга профессора И. С. Белозора, армейского терапевта военврача второго ранга А. Г. Дембо, начальника отделения кадров санитарного отдела военврача второго ранга Л. Г. Недоливко.

В первую военную зиму Пулковские высоты обороняла 13-я дивизия, и ее славные медики много сделали для спасения раненых.

Еще тогда я записала волнующие истории из жизни бывших «слесарей, биологов, ученых и технологов» — людей очень мирных профессий, ставших солдатами.

Потом, весной сорок третьего, 13-я дивизия вошла в 55-ю армию. К тому времени в медсанбате уже не было многих, кто начинал службу в этом замечательном коллективе. Но память о них жила. Мне хочется рассказать о них — славных медиках-ополченцах бывшей 5-й ДНО — «хозяйке» Пулковских высот, о наших соседях справа...

Тогда, в августе сорок первого, в дивизии еще не было ни начсандива, ни комбата, ни самого медсанбата. Был только штаб по формированию дивизии народного ополчения на 3-й линии Васильевского острова, в помещении электротехникума связи, и член штаба профессор университета, известный ученый-ихтиолог Николай Львович Гербильский. В этот штаб с утра до вечера приходили молодые работницы, студентки, научные работники — востоковеды, историки, музыковеды, художники. Все они готовы были исполнять самую трудную, непривычную для них работу, только бы встать в ряды сражающегося народного ополчения. Многим из них нашлось тогда место в медсанбате. Со всеми внимательно говорил профессор Н. Л. Гербильский — будущий политбоец, пропагандист. Умный, широко образованный, еще до войны награжденный орденом Трудового Красного Знамени, простой в обращении, он умел в годину нашей большой беды внушать своим слушателям-воинам непоколебимую веру в грядущую победу над врагом.

Уже значительно позже я встретила с Николаем Львовичем Гербильским в его лаборатории на 16-й линии Васильевского острова среди аквариумов с диковинными рыбками. Не утративший с годами юношеской стройности, все такой же живой, полный творческих планов, он задумчиво смотрел на планктон, провожал глазами стаи моллюсков. Он вспоминал...

Как-то августовским вечером сорок первого молодая работница завода имени Козицкого Зина Теплова привела к штабу отряд из двухсот девушек. Она запомнилась профессору Гербильскому на всю жизнь: худенькая, бледная, коротко стриженная, с огромными глазами. Зина не имела даже среднего образования, но у нее был природный организаторский дар, природный ум. Опытный педагог, Гербильский это сразу понял, как только увидел Теплову среди двухсот девушек, услышал ее спокойный и в то же время «командирский» голос.

Сандружинницы, которых привела Теплова, много и серьезно занимались, отрабатывая на практике все, чему их учили на курсах Красного Креста. Девушки понимали, что от того, как они научатся переползать по-пластунски, укрываться за складкой местности, владеть ремнем, плащ-палаткой, в большой мере зависит и жизнь раненых, и их собственная.

Внезапно подоспел приказ: оставить тренировки и отправиться под Новгород на оборонительные работы. Тогда Гербильский и назначил Теплову старшей в отряде, своим заместителем, пообещав девушкам, что по возвращении многих оставит в медсанбате.

Они рыли окопы в течение четырнадцати дней. Работали от зари до темноты. Над ними проносились снаряды, их бомбили. Руки девушек покрылись ссадинами, волдырями. Ночами, лежа на нарах или прямо на земле, подстелив ветки или солому, они смотрели в темное небо — не прилетят ли воздушные пираты, а под утро засыпали коротким, тревожным сном.

Зина знала, чувствовала настроенные подруг, умела их успокоить, отвлечь от горьких раздумий. Ей тогда было немногим более тридцати, а им, 18—20-летним, ее возраст представлялся мудрой зрелостью. Теплова работала наравне со всеми, скрывая, что опасно больна. Может, ее еще могла спасти операция, но Зина в это слабо верила, а главное — хотела в тяжелую пору отдать остаток своих сил Родине, остаток своих дней верно послужить ей.

Во второй половине августа отряд вернулся в Ленинград. Тут Зине предложили из двухсот сандружинниц ото-

брать лишь двадцать — тридцать, а остальных вернуть в Красный Крест.

Печально проходило прощание девушек с Тепловой. Они крепко сдружились, и им трудно было расставаться со своим умным и добрым старшим товарищем. С ней так хорошо работалось!

Наступил вечер. В бездонном небе неподвижно стояло кружевное облачко, за него зацепился и повис аэростат воздушного заграждения. Сандружинницы — из двухсот их осталось тридцать — долго шагали по городу, пока не подошли к зданию Финансово-экономического института. Теплова оглянулась. За «счастливицами» устало брели еще пятнадцать «несчастливиц». На что они надеялись? Почему не ушли, как остальные сто пятьдесят пять? Спроси их — не ответят.

Сандружинщик во главе с Тепловой встретил комбат Алексеевский, смуглый военврач с лихо закрученными усами и орлиными темными глазами. Профессор-ополченец Д. Н. Насонов окрестил командира медсанбата, в прошлом лихого кавалериста, «гусаром Мишелем». Посмотрел «гусар» на усталых девушек, приказал их накормить и через два часа явиться к нему.

— А эти кто? — спросил Алексеевский у Тепловой, показав на стоявших вне строя девушек.

— Сандружинницы, товарищ комбат. Они числились за медсанбатом, были на оборонных работах, а теперь их отсеяли — оказались лишними.

— Лишних людей у нас не бывает! — строго сказал комбат и подкрутил лихой ус.— Пусть остаются. Работы всем хватит и в медсанбате, и в полках. Война только началась.

Девушки, позабыв про воинскую дисциплину, бросились обнимать Зину.

Осенью, когда Ленинград был блокирован и медсанбат некоторое время находился в районе Шереметевского парка, Зина подбирала раненых, отправляла их в приемно-сортировочное отделение. Она еще больше осунулась, цвет лица у нее стал землистым, но по-прежнему от нее никто не слышал сетований на тайный недуг. Она продолжала работать еще интенсивней, отдавая людям каждый подаренный ей судьбой час.

В один из ненастных дней осени возле больницы имени Фореля Зину ранило в ногу и тяжело бросило на землю. Ее увезли в госпиталь. Ранение ускорило развитие рака груди, и вскоре она умерла.

В середине сентября медсанбат, оставив за собой базу в Финансово-экономическом институте, почти в полном составе выехал в район Шереметевского парка. Медленно отступали затемненные безлюдные улицы, и наконец город остался позади, в пелене густого дождя.

За Автовом остановились у большого лесного массива. — Выходите, приехали, — раздался откуда-то из мрака голос командира медсанбата. — Разгружайте машины и все унесите в лес.

Осветительные ракеты, вспыхнув где-то над Урицком, выхватили из темноты мокрый брезент, летящие через борт вещевые мешки, фигуры прыгающих на землю людей. Лес пугал своей чернотой, казался неприступным и мрачным.

Невеселые думы прервал комиссар А. А. Смекалов.

— Вот что, друзья, давайте так договоримся: носы не вешать!

— Что вы, товарищ комиссар, мы и не думали.

— Ну вот и прекрасно! Конечно, городскому жителю, да еще в восемнадцать лет, ночью и Шереметевский парк тайгой кажется, коряга — медведем, но с рассветом все пройдет. Смотрите, — продолжал батальонный комиссар. — видите пламенеющее зарево? Это горит Лигово. Там наши товарищи. Завтра начнут поступать раненые, и все должно быть готово.

— Ясно, товарищ комиссар.

— Ну, коли ясно и нет вопросов, примемся за дело. Вооружайтесь лопатами. Будем рыть укрытия...

Комиссар вонзил в набухшую от дождя землю саперную лопату и первым копнул землю. Все последовали его примеру. Копали всю ночь. К утру в лесу появилась палатка для приема раненых, операционная, и старший хирург медсанбата Шкляревский сделал в ней трепанацию черепа раненому в голову ополченцу.

Раненые потянулись утром. Велико же было изумление врачей и сестер, когда несколько человек после хирургической обработки ран запросились обратно в часть.

— Рана у меня пустяковая, — твердил ополченец с морщинистым лицом и большой повязкой на голове, — не отпустите — сам уйду. Вникните, доктор, — фашисты под Ленинградом!

С трудом удалось удержать этих раненых...

Через несколько дней после прибытия медсанбата в Шереметевский парк нарушилась связь с полком, занимавшим оборону под Урицком. Обеспокоенный комиссар медсанбата решил послать в разведку двух девушек-сан-

инструкторов. Зябко поеживаясь, стояли у небольшой санитарной машины Таня Никитенко и Лариса Хабазова.

— Все поняли, девушки? Помогите в санчасти, если будет в вас нужда, и поскорее «домой», — сказал им комиссар и протянул по плитке шоколада.

В кузове машины было темно и холодно. Таня и Лариса сидели на привинченных носилках и смотрели сквозь мутное оконце на убегавшее из-под колес шоссе, слегка подсвеченное заревом пожарищ.

— Знаешь, — прервала молчание Таня, энергично тряхнув короткими волосами, — я буду проситься в полк.

Внезапно водитель резко затормозил. От толчка рвануло дверь и девушек сбросило с носилок на пол. На шоссе рвались снаряды, взметнулось пламя.

Девушки бросились в канаву и пролежали в ней, пока не прекратился обстрел. Таня долго сплевывала лишнюю кровь, Лариса била себя ладошкой по уху, тщетно пытаясь оборвать нестерпимый гул в голове. Затем они отправились в лес, откуда доносилась стрельба. Стали попадаться раненые. Девушки уточняли, из какого они полка, выводили на дорогу, где дежурили санитарные машины. Так прошла ночь. Утром, посеревшие, продрогшие, они вернулись в медсанбат и доложили комиссару, что раненые из полков следуют на Московское шоссе, потому что дорога на Лигово под обстрелом.

В середине сентября положение на этом участке фронта осложнилось, и новый командир медсанбата военврач третьего ранга Сомов решил для помощи полковым медикам выслать отряд из медсанбата.

Был теплый сентябрьский день. После дождя возле поваленных снарядами берез выстроились красные подосиновики и тесными семейками сгрудились опенки. Рано утром, позавтракав и взяв перевязочный материал, врачи медсанбата Любовь Шебалина, Вивея Попова, сандружинницы Таня Никитенко, Лариса Хабазова, Рая Зенькова, Аня Суслова пошли в горящую Ульянку.

Они шли, укрываясь в воронках, ложбинках, за поваленными деревьями, пока не дошли до развалин и пепелищ когда-то цветущей Ульянки и увидели в поселке каким-то чудом уцелевший дом. Как бы бросая вызов войне, возле дома красовалась рябина, расцвеченная гроздьями алых ягод. Ветер подхлестывал рваные занавески на распахнутых окнах, возле поваленных цветочных горшков на подоконнике покачивался гуттаперчевый мальчик, цепляясь за привычный ему мир.

Медики разыскали санчасть и всю ночь провели в траншеях, оказывая помощь раненым.

Эта ночь словно бы притупила нервы, научила работать под огнем, сохранять самообладание. Утром, измученные, они вернулись в медсанбат.

— Поешьте поплотнее, — участливо сказал им комбат Евгений Петрович Сомов, — а затем отправляйтесь обратно. Без вас в полку не справятся.

Так и не отдохнув толком, они вернулись на передовую, где им уже стал знаком каждый «уголок».

Трое суток провели без сна. Даже на Люде Шебалиной и Тане Никитенко, отличавшихся завидным здоровьем, это отразилось. Глаза сами закрывались, неудержимо клонило ко сну. Но комбат неумолим — не до отдыха сейчас — и вновь отправил их в Ульяновку за ранеными.

Под утро медицинский отряд перешел узкую речку и цепь неглубоких окопов боевого охранения. Стояла предутренняя тишина. Куда идти? Где еще разыскивать раненых? Где гитлеровцы? Политрук медсанбата Джемиго, который в этот раз пошел вместе с медиками, остановился, чутко прислушался. «Задержитесь здесь, — сказал он шепотом. — Я пройду вперед — уточню обстановку».

Политрук исчез. Привалившись к кустам, девушки тотчас же задремали. Джемиго скоро вернулся и сообщил: сразу за окопами начинается довольно широкая нейтральная полоса, и на ней, должно быть, остались тяжелораненые. Хорошо бы до вражеской атаки их вытащить...

Не задерживаясь более, отряд прошел окопы и вступил на нейтральную полосу.

— Поосторожнее, не зевайте по сторонам, маскируетесь получше, — не без тревоги напутствовали медиков бойцы и командиры.

Двинулись вперед. Вдруг Шебалина остановилась. Она отчетливо услышала стоны, которые шли из сарая за оврагом. Стоны повторились. Сомнения отпали. В сарае и в каменном строении, что по соседству с ним, находились раненые.

В овраг для разведки отправился санитар. Прошли томительные полчаса. Вдруг раздался одиночный выстрел. Санитар все не возвращался. По-видимому, погиб. Что же делать? Направиться еще кому-нибудь? Не сговариваясь, они все медленно пошли вперед, прячась за кустами. Когда до оврага остались считанные метры, откуда-то появился пожилой человек в коричневом костюме и, отчаянно взмахнув руками, закричал:

— Уходите отсюда немедленно! За оврагом фашисты! Только он это прокричал, как сильная пулеметная очередь хлестнула по деревцам и сараю, отрезая к нему подходы.

Медики бросились на землю. Над их головами прощуршали мины, которые взрывались псевдалеке, осыпая лежавших комьями земли.

— Бандиты, они добьют раненых! — шептала в отчаянии Шебалина.

Никитенко яростно сжимала маленький браунинг, подаренный ей комиссаром.

Прошло темного времени. Обстрел затих. Они подняли головы, осмотрелись. Человек в коричневом костюме исчез. Все так же стоял пробитый пулями сарай, только теперь стонов было не слышно.

Им впервые стало страшно в обступившей их глухой тишине.

Они медленно отползли назад. В боевом охранении, в траншеях, волпуясь и перебивая друг друга, врачи и сестры рассказывали все, чему были свидетелями и о чем не могли забыть много лет спустя.

— Они расстреляли беспомощных раненых, и мы не смогли им помешать,— твердила Люба Шебалина, и ее милое, заплаканное, в ссадинах и кровоподтеках лицо было печально.

— Так это же фашисты,— зло сказала Тапя Никитенко.

Ополченцы много курили, молча слушали, лица их были суровы и мрачны.

Солнце ушло за залив. Пришла почь. Она укрыла передний край и нейтральную полосу, сарай с погибшими ранеными, почернила бессонные лица бойцов, зажгла робкие тусклые звезды.

Забрав с участка полка группу раненых, отряд вернулся в медсанбат.

Их ждали комбат и все товарищи. Их ждали обед и ужин. Перед строем им была объявлена благодарность. На какое-то неопределенное время они были свободны. Могли отсыпаться, дать покой натруженным ногам. Но они долго не могли ни есть, ни пить, ни спать. Впервые в своей жизни они столкнулись со звериной жестокостью фашистов, они все были единодушны в том, что никто из них не поднял бы руку на беспомощного раненого врага.

В середине сентября медсанбат ушел из Шереметевского парка в здание Финансово-экономического института, выслав передовой хирургический медицинский от-

ряд в трамвайный парк имени Коняшина. Операционную отряда разместили в одноэтажном каменном здании, где была горячая вода. Раненых не накапливали, после операций их увозили трамвайными поездами в сортировочный госпиталь, располагавшийся в корпусах больницы имени Мечникова.

Частыми гостями медиков в трамвайном парке имени Коняшина были начсанарм-42 военврач первого ранга Я. А. Барейша и армейский хирург военврач первого ранга И. С. Белозер. Они видели, как ослабленные голодом раненые засыпали на операционных столах от двух-трех десятков капель эфира.

Во время дежурства врача Л. В. Шебалиной в приемную комнату, шатаясь, вошел немолодой боец. На мертвенно-бледном его лице блестели глаза, стекал грязными ручейками пот. На спине он держал потерявшего сознание солдата, в руках — его винтовку. Войдя в комнату, он бережно положил того, кого нес, на скамью.

— Возьмите его, ради бога. У меня нет больше сил. Вот его винтовка. Я и так достаточно наказан. Самому стыдно.

Как потом выяснилось, тот, кто нес на себе солдата, совершил тяжелый проступок: взял себе двойную порцию хлеба. Обезоруженный, сопровождаемый конвоиром, он направлялся к начальству, волнуясь и проклиная себя. Но конвоиру по дороге стало плохо. Тогда он взвалил его на плечи и доставил сюда.

Проснулись они оба в палате с отечной формой дистрофии и были переправлены во фронтową госпиталь.

Глубокой осенью сорок первого группа медиков полковой санчасти 13-й дивизии была выдвинута вперед, она принимала раненых под Пулковом, в Песках, в невесть как уцелевшем дощатом сарае.

И вот случилось обыденное: кончился перевязочный материал. Доставка его засветло была опасна...

Младший врач полка Татьяна Панич, очень бледная молодая усталая женщина с темными, прямыми, коротко остриженными волосами, все чаще подходила к подслеповатому оконцу, вглядывалась, прислушивалась. За стенами сарая бушевала война — она доносилась то пулеметными очередями, то близкими артиллерийскими разрывамп. В тот дождливый день врач с нетерпением ожидала вечера. Но, оказывается, к ним можно пройти и днем, если этого очень хотят отважные люди.

Утром комбат Дятченко вызвал старшего сержанта С. Короткевич и сандружинницу П. Муравьеву и поручил им доставить ящик с перевязочными материалами в далекую санчасть. Шофер медсанбата Костя Байков заправил машину горючим, погрузил в нее громоздкий ящик, помог женщинам забраться в кузов.

— Поехали, голубка, — сказал Костя, обращаясь к своей любимой машине, крытой брезентом, и дал газ.

Они пронеслись по Московскому проспекту, выехали на шоссе. Возле Витебской железной дороги, у виадука, стали рваться снаряды. Байков развернул машину, притормозил и вытащил на мокрую землю зеленый ящик с перевязочным материалом — дальше ему ехать днем было нельзя.

— Как вы только его дотянете? — Костя покачал головой. — Ну, ни пуха ни пера! Поехали, голубка.

И «голубка» унеслась в медсанбат.

Они остались одни в открытом поле — молодая работница П. Муравьева в лихо заломленной пилотке и старший научный сотрудник Академии художеств С. Короткевич — обе сандружинницы, ополченки. Что есть силы они тянули на ремнях ящик в полковую санчасть.

Угрюмо нависали вдали Пулковские высоты. Сквозь сетку дождя, как в тумане, виднелись развалины Пулковской обсерватории. На шоссе рвались снаряды.

Не прошли они и двух километров, как чертовски устали. Отяжелела взмокшая плащ-палатка. Вдруг их внимание привлек шум мотора. По дороге мчалась полуторка.

— Стой, остановись! — крикнула Короткевич, забыв присущую ей выдержку и сдержанность. И Муравьева замахала руками, неуклюже переставляя ноги в больших сапогах.

Машина остановилась. Из кабины спрыгнул на землю водитель, старший сержант.

— Куда вы этот ящик тащите?

— В полк. Перевязочный материал. Подвези, браток!

Водитель сочувственно посмотрел на сандружинниц и, кряхтя, поднял облепленный землей ящик.

— Ну и тяжелый! Подвезу я вас, братцы-девицы, только до поворота. Дальше ни проехать, ни пройти, и вам не советую до темноты храбрость свою показывать. Подстрелят, как уток.

Шофер подвез Короткевич и Муравьеву еще немного вперед и высадил.

*Военврач 3-го ранга Т. А. Панич.
Погибла под Пулковом в сентяб-
ре 1941 года.*

Снова они стали пробираться вперед. Заслышав вой летевшей мины, падали наземь.

Было еще светло, когда они добрались до санчасти.

— Милые, хорошие мои, — говорила врач Татьяна Панич, обнимая женщин. — Огромное вам спасибо! Как это вы решились идти к нам в такое время? Вот чай, каша. Все холодное, но огонь сейчас разводить нельзя. Ешьте, отдыхайте.

Ночью к сараю подошла «голубка». Осторожно, стараясь себя не обнаружить, Тося Яковлева, Шура Баракшина выносили и выводили раненых.

Короткевич и Муравьева вернулись в медсанбат на рассвете. На их руках кровянились мозоли, болела поясница. Но они были счастливы, что выполнили боевое задание по доставке перевязочного материала на передовые позиции.

Прошло несколько дней. Как-то поздно вечером в санчасть попал снаряд, и сарай запылал, как гигантская свеча. Унылый дождик погасить огонь не смог. Наутро на пепелище нашли небольшие женские часики врача Татьяны Панич. Они пережили гибель своей хозяйки и по-прежнему ритмично тикали...

Декан биологического факультета Ленинградского университета профессор Дмитрий Николаевич Насонов

пришел в пункт формирования 5-й дивизии народного ополчения в первые дни августа сорок первого года.

Его не интересовали чины и звания. В трудные для Родины дни он сменил свой серый костюм на строгую военную форму и стал командиром санитарного взвода медсанбата, самого хлопотливого и беспокойного подразделения медицинской службы дивизии. Насонов был выше среднего роста, хорошо сложен. Высокий лоб переходил в лысину. Светлые глаза становились огненными, когда он сталкивался с ложью или недобросовестностью в научных изысканиях.

Крупнейший ученый, создатель оригинальной школы цитофизиологов, Насонов появился в медсанбате одним из первых. Пока высокое санитарное начальство решало, какие звания можно присвоить биологам, зачисленным на медицинские должности, комбат Сомов на свой страх и риск ввинтил в петлицы рядового Насонова, служившего в первую мировую войну санитаром, одну «шпалу», возведя его таким образом в чин военврача третьего ранга. Верный товарищ Насонова по довоенной работе доктор биологических наук Владимир Яковлевич Александров стал фельдшером санитарного взвода и получил в петлицы по три «кубика». Биолог, кандидат биологических наук П. Ф. Мазилкин был зачислен начальником лаборатории.

Уже позже, в 1943 году, когда Насонов и Александров были отозваны из армии для продолжения научной деятельности по специальности, в медсанбат пришла газета. Из нее сослуживцы узнали, что их бывшие однополчане — авторы монографии «Реакции живого вещества на внешние воздействия» — стали лауреатами Государственной премии. Вспомнили тогда, что в вещевом мешке Насонова находилось место для незавершенной работы о глубинных процессах в клетке.

Но монография была потом. Пока же были полки и батальоны, куда ходили они всегда вдвоем, верные друзья, два доктора наук — командир санитарного взвода Насонов и фельдшер Александров. До полков от черты города было не так уж и далеко, но для обессиленных, голодных людей этот путь был труден, долг и опасен. Он проходил через несколько контрольных пунктов, мимо «Электросилы», мясокомбината имени С. М. Кирова, тянулся под Пулковое, пролегал по незасеянным почерневшим полям, в обход воронок, через траншеи, рвы, надолбы и приводил к Нижнему Койрову.

У Верхнего Койрова, захваченного гитлеровцами в

Группа военных медиков 13-й стрелковой дивизии. В центре — командир санитарного взвода Д. Н. Насонов.

сентябре сорок первого, неподалеку от Пулковских высот держал оборону стрелковый полк. Тылы полка стояли за дорогой, на местности, простреливаемой пулями, минами и снарядами.

Недолго командовал полком полковник Л. Красовилов, но успел убедиться, что прорытый по его приказанию шестисотметровый ров из Песков в Камень, по которому передвигались солдаты, значительно сократил потери. Однако именно тут-то и ранило небольшого подвижного полковника.

Старшему врачу полка Ф. С. Бартову было лет сорок, он был знающим терапевтом и опытным организатором. Для санчасти он присмотрел на окраине поселка каменный дом, окна которого выходили в густой кустарник. В сумерки дом оживал. К нему тянулись все, кому была нужна медицинская помощь. Но тревога не покидала врачей. Пристреляв днем один из домов, гитлеровцы ночью поджигали его зажигательными снарядами. Яркое пламя освещало поселок.

Верным другом санчасти был молодой лейтенант, командир комендантского взвода И. Е. Сахаров. В его прокуренной землянке поочередно отдыхали медики, потому что в санчасти для них не оставалось места. Он не за-

бывал также о повозке для раненых. Вначале повозки были пароконными, потом одноконными: лошади гибли, как люди, от дистрофии и ран.

Ох и труден же был путь! Рядом с санитарными повозками частенько шагали смелые девушки-сандружинницы Шура Баракшина и Тося Яковлева.

Медленно ползли тощие лошаденки, едва переставляя ноги. Пролетит и разорвется шальная мина, обдаст снежной пылью, взвизгнет осколками, и опять наступит напряженная тишина. Лошади покорно продолжают свой путь, разве чуть дрогнут чуткие уши и по мокрой спине прокатится тонкой струной нервная дрожь. За небольшим холмом повозки с ранеными поджидала санитарная машина. Вопреки всем опасностям, шоферы медсанбата Андрей Козак и Костя Байков пробирались в эти места, куда перестали прилетать даже напуганные войной птицы.

К Верхнему Койрову в один из осенних дней пришли командир санитарного взвода медсанбата Насонов и его помощник Александров. Мостик через канаву перебежали под свист пуль, пробрались в окопы. Моросил мелкий дождь. Насонов разговаривал с пехотинцами, затем прошел к артиллеристам, посмотрел в стереотрубу на вражеские позиции, вернулся в стрелковую роту. Порасспросив бойцов, выяснил, что вот уже третий день в роты не поступала горячая пища, что огрехов в санитарных вопросах предостаточно... Командир роты незадолго до прихода Насонова был ранен в голову. Пуля на излете скользнула по лбу, содрала кожу. Его знобило, болела голова, на повязке присохла кровь. Уйти из роты молодой лейтенант наотрез отказался. Насонову он сказал, что не хватает бидонов и термосов, что последние силы у людей отнимают поносы. Пусть медицина разберется и поможет.

Темнело, когда Насонов и Александров из третьего батальона вернулись в землянку военфельдшера. Насонов был бледен, под глазами появились отечные подушечки. Фельдшер придвинул к холодной печурке табурет, принес откуда-то горячий чайник, но затопить печурку не решился.

Насонов собрался было пройти к старшему врачу полка Бартову, но поднялся верный Александров, выбрался из землянки, осмотрел все, послушал, откуда и куда летят мины, и уговорил Насонова остаться: «Утро вечера мудренее». Вечером в землянке военфельдшера появились Бартов и комиссар медсанбата полковой комиссар Смекалов.

Насонов, с присущей ему прямою, заявил старшему врачу, что желудочно-кишечные заболевания в полку не могут не расти, если по три дня нет горячей пищи.

— Вчера в магазинах города я видел множество термосов, — с жаром говорил Насонов. — Надо их немедленно изъять с гражданских складов и магазинов и отправить в войска. Нельзя же продолжать жить по устаревшим законам мирного времени.

Теперь Насонов обращался уже к Смекалову, считая комиссара ответственным за то, что в полку не хватает термосов.

— Успокойтесь, Дмитрий Николаевич, ваши чувства понятны. Но с вашим предложением вы несколько опоздали, — сказал военком медсанбата. — По решению Военного совета фронта войска обеспечиваются всем необходимым, в том числе и термосами.

Прощаясь с Бартовым, Насонов обещал на следующий день зайти к нему и просил подготовить данные осмотра в полку на педикулез.

— Сводочку по педикулезу, Дмитрий Николаевич, я вам приготовлю, — сказал, хитровато улыбнувшись, старший врач. — И котлетками из конины тоже угощу. Жду вас обоих на обратном пути.

Котлеты из конины осенью сорок первого — это нибудь да значит! Они лучше и сытнее «свиной», так чудесно изготавливаемой инь-

Сейчас невозможно установить остряку принадлежит авторство готовявшегося из картошки свиньи». Но оно хог

дому, кто хог

Стог

кг

пошли по траншеям, перебежали мостик и двинулись по целине. Через несколько десятков метров Насонов бес-силенно опустился на камень возле свежей воронки — сильно стучало и болело сердце. Александров присел подле него, снял очки, близоруко осмотрелся и долго проти-рал стекла куском грязного бинта. Встал, длинный, то-щий, наклонил голову, прислушался, решительно сказал:

— Знаешь, Дмитрий Николаевич, пойдем отсюда, да побыстрее. Мне это место определенно не нравится. К тому же нас ждет Бартов. Наверное, и сводочки по педи-кулезу готовы.

Насонов с огромным трудом поднялся. За ним, подгре-бая землю лапами длинной плащ-палатки, двинулся Александров. Когда отошли на порядочное расстояние, позади раздался разрыв. Мина ударила в большой ка-мень.

Через час они добрались до землянки полковой сан-части и убедились, что Бартов — человек слова. Их ожи-дали и нужная сводка, и график помывок, и сведения о больных поносами, и котелок с котлетками из конины. Но главным итогом прожитого дня было посещение стрел-кового батальона, личные впечатления от жизни и быта бойцов в передовых траншеях.

Насонов не был военным и мог в строю, волнуясь, повернуться не через левое, а через правое плечо... Уче-ный-биолог, он отдался непривычной для него деятель-ности командира санитарного взвода с творческим горе-нием. Его нелегко было успокоить оптимистическими сводочками. Именно он организовал на мясокомбинате имени С. М. Кирова отличный санитарный пропускник, придал ему несколько дезинфекционных камер и лично руководил санитарной обработкой дивизии, строго следил за тем, чтобы график помывок не нарушался. Дмитрий Николаевич понимал, что в условиях войны, блокады, голода и болезней борьба со вшивостью — это борьба за боеспособность частей и подразделений, за возможность выстоять и нанести ответный удар.

Насонова любили и берегли, как могли. Нередко и комбат Сомов, и начсандив Княжский под всякими пред-логами задерживали его в медсанбате, и тогда в полки уходили В. Я. Александров и другие медики санитарного взвода.

Насонов с нетерпением ждал своих друзей и помощ-ников и требовал от них наиболее подробнейшего доклада. Буквально все его интересовало.

Но все же уберечь Насонова не удалось. Во время

одного из обстрелов его тяжело ранило неподалеку от мясокомбината. Десятки осколков, перемешанных с землей, впились в тело. Он долго болел, его мучила лихорадка. Когда стал поправляться, его отправили на Большую землю.

Дмитрий Николаевич Насонов вернулся в Ленинград вместе с Победой. Расширились масштабы его исследований. Родился новый институт — цитологии, который он возглавил. Его избрали членом-корреспондентом Академии наук СССР. Но в расцвете творческих сил Дмитрий Николаевич Насонов скончался.

Бывший фельдшер медсанбата, ныне профессор Ботанического института, Владимир Яковлевич Александров как-то бросил крылатую фразу: «Мало любить жизнь, надо с ней хорошо обращаться».

Хорошо обращаться с жизнью, по мысли Александрова, вероятно, значило прожить ее одним духом, дерзать, творить.

«Главное — не растеряться!» — приказала себе толстушка Клара, переступая порог кабинета. Военком Василеостровского района, очень усталый, но гладко выбритый, удивленно поднял брови на вошедшую.

— Сто сорок пять, нет — сто пятьдесят, слово даю, сто пятьдесят! — крикнула Клара военкому.

— Какие еще сто пятьдесят? Ничего не понимаю.

— У меня рост сто пятьдесят сантиметров, а меня не берут в ополчение, говорят «маленькая»! Но я здоровая, сильная.

И студентка первого курса Академии художеств Клара Иофик развернула перед военкомом ладони, измазанные краской.

— Я вполне могу носить раненых.

— Ну вот, теперь понятней стало, — откровенно улыбаясь, сказал военком.

А через несколько минут, не помня себя от радости, Клара бежала по коридору, бешено перепрыгивая через ступени лестницы. В руках она крепко держала заветное предписание военкома.

«Главное — не растеряться!» — говорила себе Клара, впервые в жизни направляясь за ранеными в полковую санчасть. Шофер с машиной остался на шоссе, а она сама пошла отыскивать землянку, укрывшуюся в лощине неподалеку от Пулковских высот. Клара перешла мостик, углубилась в поле. Потемнело. Вокруг ничего не видно,

Сандружинница 13-й стрелковой дивизии Клара Иофик. Погибла в 1942 году в Колпине.

а над головой шуршат редкие мины и недалеко разрываются. Клара идет по едва приметной тропинке, но не видит никакой санчасти.

— Стой! Кто идет?

От строгого и неожиданного окрика часового девушка вздрогнула и остановилась. Оказывается, не в санчасть попала, а на позиции зенитной батареи. Сержант смеется. Голова Клары приходится ему по пояс. Он смотрит на нее сверху вниз.

— Что ты делаешь на фронте такая маленькая? — удивляется сержант.

— Мал золотник, да дорог! — отвечает ему Клара бойко, глядя на зенитчика снизу вверх. — Слышали такую поговорку?!

И строго просит немедленно отвести ее в санчасть. Сержант берет ее ладошку в свою большую руку и ведет к неприметному деревянному дому.

Старший военфельдшер Шура Васильева ростом побольше Клары. Она приветливо встречает девушку, угощает ее горячим чаем, кашей и вручает документы на раненых.

Занимаясь медицинскими делами, Клара в свободные часы брала кисть в руки и рисовала лучших людей своей дивизии. Она создала замечательные портреты снайпера Феодосия Смолячкова, разведчика Иванова, медсестры Машеньки Гендлиной. Только вот беда! — не хватало кра-

сок. Приходилось обращаться за бриллиантовой зеленью и синькой в аптеку медсанбата. А краски были лечебными, и начальник аптеки отпускал их Кларе «со скрипом» да все меньше и меньше. Каждый несколько дней, получив заветные пузырьки с краской, Клара клятвенно заявляла, что приходит за ними в последний раз...

Клара много и разносторонне трудилась. Но все, что делала, казалось ей недостаточным. «Я знаю немецкий язык! Почему не попробовать себя и в этой области?» Клара посоветовалась с комиссаром медсанбата. Он сообщил о ней в политотдел дивизии, и вскоре на участке дивизии из противотанковых рвов гитлеровцы могли слышать обращенную к ним страстную взволнованную речь.

Куда бы ни выходила Клара, чем бы ни занималась, она, выполнив задание, с радостью возвращалась к себе домой — в медсанбат, к товарищам. Ее ждали подруги — сокурсница по Академии художеств молодая художница Рая Зенькова, медсестра Ольга Александровна Филениус, потерявшая в первые дни войны единственного сына и двух братьев. И еще была у Клары в медсанбате «приятельница», без дружеской помощи которой она не могла обойтись, — обыкновенная табуретка.

— Дяденька, нагнитесь, я помогу вам переодеться, умыться, — говорила Клара, стоя на табуретке и путаясь в длинном халате.

В 1942 году ее тяжело ранило в Колпине. Клару Иофик привезли в медсанбат. Она увидела Ольгу Александровну Филениус, обняла ее и прошептала синими губами:

— Кажется, мои дела плохи.

Она была ранена в живот.

— Побудьте возле меня, — попросила Клара. — Ведь главное в жизни — не растеряться!

Иофик окружили фронтовые друзья. Возле нее стояли те, кто, не задумываясь, был готов отдать жизнь за товарища. Возле ее кровати дежурил аптекарь. Он гладил спутанные кольца темных волос Клары и обещал за одну ее живую улыбку столько анилиновых красок, сколько она захочет. Но ей было уже не до красок.

Ее похоронили у дороги. Осталась память о веселой девушке-художнице с сердцем воина. Остались ее рисунки и портреты, ее скульптурный бюст, установленный в Военно-медицинском музее.

Тот день, помню, был душным. Горько пахла полынь. Над Невой собиралась гроза.

Во втором эшелоне

ел третий месяц блокады. В семь часов утра нас в санитарном отделе армии будил старенький патефон. Пострадавшая от многих переездов пластинка плясала на диске, и охрипший простуженный голос повторял с натугой: «Чего он вздыхает, чего он вздыхает...» Мы дружно вскакивали, чтобы унять патефон, а за тонкой перегородкой смеялась наша любимица, помощница-«кадровичок» Наташа Валюгина — обладательница этой популярной в ту пору пластинки.

В коридоре с утра пораньше оглушительно гремел голос нашего армейского интенданта И. П. Тищенко. Участник гражданской войны, носивший в петлицах ромб, высокий атлет, крутоправый, гроза армейских хозяйственников, Тищенко по дороге в умывальник кого-то нещадно распекал.

У окна, выходявшего на замерзшую Неву, перед завтраком любили постоять два неразлучных друга — длинный, худой начальник автодорожного отдела армии военинженер первого ранга А. Л. Матвиевский и доходивший ему только до плеча щеголеватый, всегда в начищенных до блеска сапогах начальник отдела военных сообщений военинженер второго ранга П. А. Мещеряков. Иногда к ним присоединялся и начальник отдела горючих и смазочных материалов военинженер второго ранга Годовиков. Кто, глядя на них, усомнится, что дороги, транспорт и горючее — не одно целое?

После завтрака, становившегося день ото дня все скромнее, все спешили к себе в отделы, а затем в командировки.

С тех дней прошло много лет, но памяты суровые

будни наших медицинских учреждений, принимавших раненых на юго-западной окраине Ленинграда, в Усть-Ижоре, Понтошной, Сапершой, Колпине, вблизи Тосны-реки.

Блокада изменила условия работы полевых медицинских учреждений. Наши медсанбаты и госпитали мало передвигались, подолгу занимали один и тот же населенный пункт, те же здания, землянки, обрастая «гражданскими» вещами, мебелью. Блокада требовала перестроить систему управления и организации санитарной службы, обобщить первый опыт по оказанию хирургической помощи на разных этапах эвакуации.

Постоянная помощь санитарного управления фронта и специалистов, конкретное руководство санитарной службой со стороны Военного совета армии и политотдела помогли нам добиться эффективных результатов. В строй возвращалось три четверти раненых и больных.

Для быстрейшего оказания помощи раненым зимой сорок первого — сорок второго года вся система эвакуации была максимально приближена к переднему краю. Нередко медсанбаты, как это было в Колпине, соседствовали с полковыми пунктами.

В тылах медсанбатов развертывались полевые и эвакуационные госпитали. А на линию медсанбата выдвигался армейский транспорт автосанитарной роты — машины ГАЗ-АА с кузовами, снабженными пружинами Кружилина для фиксации трех носилок. Близость переднего края и маломощность немногочисленных госпиталей вынуждали санитарный отдел отправлять многие сотни раненых из расположения армии в госпитали фронта.

Еще во второй половине октября сорок первого года второй эшелон армии перешел с проспекта Обуховской Обороны в село Рыбацкое и занял красное кирпичное здание средней школы на берегу Невы.

В деревянных добротных домах Рыбацкого, окруженных приусадебными участками, издавна жили сплавщики леса, рыбаки, мореходы. В каждом доме — рыбачьи снасти, в каждом дворе — опрокинутые днищами вверх лодки.

В XVIII веке мореходы и рыбаки Рыбацкого уходили сражаться со шведами. Из тех же дворов ушли на фронт в гражданскую и Великую Отечественную войны потомки тех, в честь которых высится старинный обелиск, поставленный повелением императрицы Екатерины при въезде в Рыбацкое...

Через Рыбацкое пролегла фронтовая дорога для всех, кто служил под знаменами 55-й армии, кто хотя бы один день сражался на колпинском участке фронта, побывал в Понтонной, Саперной, на реке Тосне, кто отдыхал или залечивал раны в гостеприимных домах местных жителей.

Все работники второго эшелона квартировали неподалеку от школы. Возвращались «домой» поздно вечером или ночью. Остальное время проводили в штабе или в частях. Вечером, в кромешной тьме, мы шли в столовую, подсвечивая дорогу фонариком. Ужин нас не обременял, и мы быстро возвращались к себе в отделы. Начальник первого отделения санотдела Александр Александрович Новиков обычно старался что-нибудь «организовать» для нашей вольнонаемной всегда голодной машинистки Оли Дедовой. Обычно его поход в столовую заканчивался успешно. Радостный и довольный, он нес котелок с супом или кашей в отдел и отдавал Оле. Девушка веселела и еще долго безотказно стучала на своей дребезжащей машинке...

Супруги Орловы

В Понтонной я познакомилась с санитаркой Клавдией Орловой. Это была высокая смуглая женщина с приятным лицом. Волосы, разделенные прямым пробором, были уложены низко на затылке. Большие темные глаза смотрели открыто и печально.

Попала Орлова на фронт осенью сорок первого. В сгущавшихся сумерках шагала с отрядом по Шлиссельбургскому проспекту в коротком жакете, шерстяном полушалке и русских сапогах, одной рукой держась за санитарную сумку правофлангового.

— Клава, ну будет тебе, иди домой! Ротный говорил, что переход большой, не дойдешь с голодухи. И все это зря! Не возьмут тебя — это точно. Как доберешься назад? А мне ничего не сделается, ты не думай об этом. Да разве хватит у такой птахи, как ты, силенок на передовой служить да бойцов вытаскивать? Мужчине и то трудно.

— И что ты, Андрей, меня все уговариваешь, равно я дитя малое? Решила я твердо. Жили мы вместе в хорошее время, и война нас не разлучит.

Андрей вздохнул, ничего не ответил и немного замедлил шаг. Молча прошли через село Рыбацкое, Усть-Ижору, держась за руки...

Неширокое шоссе казалось бесконечным. Лишь повиснувшие в небе ракеты ненадолго освещали дорогу.

Поздно ночью прибыли в Понтонную. Кое-как прошла первая фронтная ночь. Клава уснула на полу у жарко натопленной печки. Утром Орлова появилась в медсанбате.

— Товарищ начальник, — обратилась она нерешительно к начсандиву Лучаеву. — Возьмите меня санитаркой, я все могу делать и ничего не боюсь. Детей у нас с мужем нет, жили мы дружно и теперь хотим быть вместе.

Не в характере Лучаева, человека очень доброго и отзывчивого, ответить отказом на просьбу женщины. Он глубоко затаился самосадам, закашлялся и задумчиво переспросил:

— Расставаться не хотите? Ну что ж, оставайтесь, коли не страшитесь трудностей и опасностей.

— Спасибо, спасибо, — благодарила Клавдия, еще не веря, что все так быстро решилось. — Можно пойти и сказать мужу?

— Можно. Ступайте в штабную палатку и получите предписание. Фельдшер батальона вам объяснит, в чем заключаются ваши обязанности. Желаю успеха.

Сутулясь, тяжело передвигая отечные ноги, начсандив пошел к себе.

Так стала ротным санитаром железнодорожница Клавдия Орлова. Шли дни, Клавдию полюбили бойцы. Она быстро научилась делать несложные повязки, накладывать жгуты.

Ранним утром, едва взойдет солнце, Клава оббежит землянки, к каждому подойдет, кого о домашних делах спросит, у кого проверит, сухи ли портянки, чисто ли белье, сыт ли, а уж ротному повару не раз первы портила, что суп — не суп и чай — не чай. «Ты знаешь, — корила она его, — что такое боец на переднем крае? У него и тело и душа равно стыннут, а ты чай даешь негорячий, вместо супа холодную бурду. Вот пожалуюсь фельдшеру — пойдешь в траншею, а я обед пачну варить вкусный, под стать нашим ресторанным, вокзальным...»

Вечерами накурено в теплой землянке, по стенам сочится вода. Клавдия и ее муж Андрей учат бойцов самопомощи, а иногда тихо беседуют у горячей печурки. Где-то в углу слабо горит свечка или «летучая мышь». Клава чуть слышно поет «Степь да степь кругом...», бойцы ей подпевают. А за дверью землянки снег с дождем, воев ветер, совсем близко проходит передний край. В глубокой траншее, в воде, стоят их товарищи, настороженно вслушиваясь в ночные звуки.

В один из дней в роту пришел начсандив Лучаев. Низко пригнувшись, вошел в землянку, сопровождаемый старшим врачом полка и командиром роты.

— Здравствуйте, товарищи бойцы! Где тут Орловы? — И он оглянулся вокруг.

— Орлов, товарищ военврач первого ранга, — послышался ответ, — ушел на батальонный медпункт за бинтами, а здесь вот Клавдия.

Орлова застыла на месте, устремив на Лучаева расширенные немигающие глаза: «Неужели кто-то пожаловался? Не иначе как повар-брехун. Ай, ай!»

— Ну, докладывайте, когда бойцы в бане мылись? — спросил строго Лучаев, улыбнувшись краешком губ. Клава облегченно вздохнула.

— Завтра десятый день, как мылись в бане, — ответила она твердо. — Мы график соблюдаем.

— У нас все в аккурате, товарищ начальник, — слышалось со всех сторон. — Клава за нами строго следит, спуску никому не дает. Одна такая на весь полк.

— Куда там полк, одна на всю армию, нет такой второй, как наша Клава.

Лучаев одобрительно посмотрел на старшего врача полка В. И. Лебедева, потом на Орлову.

— Молодец, Клава, — похвалил он, — не подвела меня. Так работай и дальше. Только пуле-дуре не попадайся. Сколько раненых уже вынесла?

— Шестьдесят пять. С оружием, — тихо ответила Орлова. — Это мы, конечно, вместе с Андреем...

— Ну, разумеется, вместе — это я понимаю. Спасибо тебе и Андрею!

И дивизионный врач крепко пожал ее маленькую теплую руку.

В конце ноября заметно похолодало. Ночью густой туман покрывал землю. Окопы и траншеи заливала вода. В один из таких дней, ранним серым утром, противник предпринял атаку на наши позиции. Орловы ползли по изрытой воронками земле на помощь раненым. Липкая грязь покрывала одежду, пропитала тонкую темно-зеленую плащ-палатку. Стало еще трудней передвигаться. Не поднимая головы, лежа на земле, Клавдия накладывала повязку на голову молодому пулеметчику. Синева подернула его пухлые, совсем юные губы. Из небольшой ранки на виске извивалась, застывая, темно-красная змейка, уходя за воротник гимнастерки.

Клавдия быстро забинтовала голову, помогла раненому переползти на плащ-палатку и медленно, напряга-

ясь потянула его в укрытие. Несмотря на холод, вся она была в поту.

Перевязывая, Клавдия успевала каждому шепнуть ободряющее слово. И глядя на нее, худенькую, усталую, трудно было представить ее сильной и выносливой.

Оказывая помощь раненым, Клавдия нет-нет да и поглядывала вокруг и, отыскав глазами знакомую сутулую фигуру мужа, вновь продолжала свою работу. Вдруг что-то заставило ее вздрогнуть. Она увидела, что Андрей схватился за бок и медленно опустился на землю. С воплем бросилась к нему Клавдия. Помутившимся взором мучительно вглядывалась в его сразу посеревшее застывшее лицо, тщетно ища в нем проблески жизни.

Позднее она не могла припомнить, как очутилась в батальонном пункте медицинской помощи, куда приволокла на плащ-палатке убитого Андрея, как молча вернулась туда, где шел бой, как трудилась с неистовым ожесточением, ползая по кочкам, бегая по извилистым траншеям, как упрямо ползла вперед. Лямки от плащ-палатки врезались в плечи. На небольших, запачканных землей ладонях лопнули пузыри. Стучало и болело сердце.

Когда атака была отражена, Клавдия ушла в санчасть.

В тот день она вытащила с поля боя тридцать пять раненых с оружием.

Хирург Приступов

В конце ноября в нашу армию стали прибывать полевые хирургические госпитали, обещающие санитарным управлением фронта. Они и помогли в большой мере повысить качество хирургических операций.

Одним из первых появился 94-й хирургический, сформированный еще в первые дни войны и получивший боевую закалку на Карельском перешейке в поле — августе. Коллектив госпиталя возглавлял опытный хирург военврач второго ранга Евгений Васильевич Приступов. Выслушав его доклад, начсанарм посадил Евгения Васильевича в свою машину и повез в район Троицкого поля, в школу в Белевском переулке.

Молча ходил Приступов по пустому холодному зданию.

— Нелегко сейчас, товарищ Приступов, развернуть госпиталь. Не работают, как видите, и водопровод, и канализация. Только добрая инициатива и труд помогут превратить эти замерзшие классы в благоустроенные палаты. Вам дается десять дней. Не теряйте времени, за-

возите имущество. Жду вас завтра в санитарном отделе.

На следующий день мы снова встретились с Приступовым. Его и без того удлиненное худощавое лицо еще больше вытянулось. Глаза погрузтели.

— Во многих помещениях выбиты стекла, — тихо жаловался он, поглядывая на дверь, ведущую к начсанарму. — Печек у нас всего две-три, а требуются десятки. Бензина в баках осталось на доньшке. Люди мерзнут.

— Выше голову, Приступов! — подбадривал его комиссар нашего отдела С. Я. Кораблев. — Нет такого положения, из которого невозможно найти выход. У вашего госпиталя есть замечательный шеф — Пятая ГЭС. Обратитесь в партком. Как энергетикам ни трудно, они обязательно помогут. И вы в свою очередь помогите им...

На следующий день начсанарм привез в госпиталь начальника тыла полковника Евгения Ивановича Цуканова, показал ему здание, представил начальника госпиталя. Цуканов расспросил Приступова, какая помощь ему в первую очередь требуется, сделал записи в книжечке, попрощался и уехал. А к вечеру госпиталь получил первые десятки литров бензина.

Знакомство Приступова с секретарем парткома 5-й ГЭС Алексеем Николаевичем Лукиным принесло ощутимые результаты. Очень скоро госпиталь почувствовал силу братского шефства. Комсомольцы электростанции, сами больные и голодные, в свободное от работы время сделали десятки железных печурок, помогли и в других хозяйственных делах. Шефы преподнесли госпиталю выдающийся по тому времени подарок — вручили им электродвижок и немного солярки.

И произошло чудо. В недавно запущенных, частично разбитых, холодных и заиндевелых комнатах школы возле горевших печурок подсыхали белье и одеяла, медленно оттаивали стены. В одной из комнат девушки в белых халатах и косынках проворно укладывали стопки марлевых салфеток в блестящий стерилизатор-барабан. «Дирижерская палочка» была в руках у старшей операционной сестры Веры Преловой, добившейся полной готовности операционного блока к работе. С каждым днем школа на Белевском все более походила на госпиталь. Вместо парт и классных досок появились койки. На первом этаже оборудовали приемное отделение и пищеблок. Интендантство выделило госпиталю недостающее имущество. Оставалось завезти продукты, но их отпускали лишь после официального приема санитарным отделом нового госпиталя и разрешения на прием раненых.

Крепли дружеские отношения между госпиталем и электростанцией. Военные врачи лечили ослабевших и больных рабочих.

Когда декада, отведенная Приступову, подходила к концу, комиссия санитарного отдела приняла госпиталь и дала разрешение на его открытие. Завезли продукты. Организационный период был закончен. На следующий день из района боев доставили значительную группу воинов с ранениями внутренних органов, и начальник госпиталя Приступов — хирург по глубокому призванию — встал паравне со всеми у операционного стола.

В середине декабря Приступов получил приказ выйти с хирургическим отделом в Колпино и развернуть хирургическое отделение в общежитии рабочих Ижорского завода. Бензина хватало лишь на подвозку продуктов питания, и поэтому врачам, медсестрам пришлось идти пешком. Имущество перевозили на лыжно-носилочных установках. С этой задачей успешно справился старшина госпиталя Виктор Копылов с группой бойцов из команды выздоравливающих. За несколько рейсов, каждый из которых был равен пятнадцати километрам, они доставили в Колпино все необходимое для работы госпитально-хирургического отряда.

В помещении, где им предстояло теперь работать, было так же холодно и неприятно, как и в первые дни в Белевском переулке. Но теперь они имели железные печурки, факелы, солярку и через сутки были готовы к приему раненых.

Врачи Д. П. Голубев, Е. В. Приступов надели стерильные халаты, маски. Операционные сестры Вера Прелова, Л. Г. Комиссарова, Валентина Куликова разложили на столиках прокипяченные инструменты, прикрыв их стерильными полотенцами. Зажгли «факелы».

«Факелы» горели ярко, но нещадно коптили, копоть плыла в душном, спертom воздухе небольшого помещения, оседала на халатах и масках причудливыми гирляндами. В нормальных условиях нельзя, конечно, обрабатывать раны при факельном освещении — копоть нарушает стерильность операционной. Но что говорить о нормальных условиях? Раненые поступают, и не откладывать же операции до тех пор, пока появится электрический свет. Врачи нервничали, от стойкого запаха солярки у них трещали головы, но больше всего доставалось старшей операционной сестре девятнадцатилетней Преловой. Начальник хирургического отделения Д. П. Голубев настаивал, что-

бы каждые два-три часа весь операционный персонал менял халаты и маски.

...Легко сказать — часто менять халаты, колпаки, маски, простыни. Сестры и сандружинницы понимали: требование военврача справедливо — и выбивались из сил, стирая залитое кровью операционное белье. Растопленный и чуть подогретый снег, приправленный дурно пахнущим полужидким мылом, помноженный на энтузиазм, — вот и весь арсенал их средств. Немалые трудности и с сушкой белья. На открытом воздухе этого делать нельзя — полная демаскировка, а всюду в помещении, кроме операционного блока, холодно. Остается палатка, где стоит автоклав для стерилизации операционного материала. Чтобы достичь нужных 1,5—2 атмосфер и длительно поддерживать заданную температуру, надо припасти немало дров — их собирали среди развалин, приносили по щепке, дощечке, полену. Но все же возле автоклава удавалось если не полностью, то частично подсушить халаты, простыни и заложить их еще влажными в автоклав.

Можно не пить, не есть, не спать, обжигать распухшие руки в студеной снежной воде, но стерилизация материала, подготовка инструментов при всех обстоятельствах должна проходить строго по правилам. Никакой снисходки на трудности. Тут уж непреклонны и старшая операционная сестра Прелова, и начальник хирургического отделения Дмитрий Павлович Голубев.

Проработав в Колпице более двух недель, оказав хирургическую помощь более чем тремстам раненым, отряд из госпиталя Приступова вернулся на свою основную базу. Теперь, после Колпицы с его тяжелыми круглосуточными обстрелами, операциями при свете коптящих «факелов», условия работы в школе в Беловском переулке, где горит электрический свет от движка, показались им почти идеальными. С этого времени в госпитале Приступова стали лечить и оперировать преимущественно раненых в голову, контуженных.

Частые передислокации отдельных хирургических групп госпиталя то в Колпино, то в Понтошную тренировали личный состав, не давали обрасти лишним имуществом, все время напоминали о грядущем часе, когда полевой хирургический госпиталь, оправдывая свое предназначение, двинется вперед за наступающими войсками. Тогда пригодятся накопленное умение и опыт, четкость и быстрота развертывания.

Первая армейская конференция

13 декабря 1941 года состоялась первая на Ленинградском фронте научно-практическая конференция военных врачей. Ей предшествовала большая работа: обобщался первый опыт по оказанию помощи раненым в осенне-зимний период, анализировались результаты хирургической деятельности учреждений армии за три месяца.

Армейский хирург Могучий объездил медсанбаты, наметил докладчиков. Начсанарм утвердил программу конференции и получил в санитарном отделе фронта и в Военном совете армии разрешение на ее проведение.

Параллельно собирался материал для первого научного медицинского сборника армии. Кропотливую редакторскую работу взял на себя начальник хирургической группы усиления военврач второго ранга Леонид Леонидович Либов.

Конференция проходила в землянках, вырытых под обрывистым берегом Невы в Усть-Ижоре.

За столом президиума — командарм В. П. Свиридов, главный хирург фронта профессор П. А. Куприянов, представители санитарного управления фронта.

Основной доклад сделал главный хирург фронта профессор П. А. Куприянов, ознакомив участников конференции с направлениями хирургической деятельности на фронте за шесть месяцев.

— Характер ранений тяжелее, чем в прошлые войны, — говорил докладчик. — Участились осколочные ранения. Однако отрадно заметить, что грозные осложнения миновавших войн, такие, как столбняк, газовая гангрена — «антонов огонь», на Ленинградском фронте в первое военное полугодие встречались крайне редко и смертность при этом была невелика. Санитарная служба Красной Армии оснащена всем необходимым для работы, насыщена врачами-хирургами вшестеро больше, чем в первую мировую войну. Тем больший и спрос с нас, тем строже требования. Особую группу тяжелейших раненых составляют раненные в живот. Оперировать их надо только там, где имеется возможность ухаживать после операции в течение восьми-девяти суток. Мы должны все время настойчиво совершенствовать хирургическую помощь раненым!

Я слушала краткое и, как всегда, содержательное выступление Петра Андреевича Куприянова и смотрела на его гладко выбритое лицо, стройную фигуру. В трудные голодные блокадные дни он оставался таким же, как в

*Старший специалист хирургической группы усиления ОРМУ-41
майор медицинской службы
Л. Л. Либов.*

дни мира на кафедре оперативной хирургии и топографической анатомии в мединституте, когда спокойно, вполголоса, учил нас мастерству «рукодействия», или хирургии.

Вспомнилась и финская кампания. Госпиталь 50-го стрелкового корпуса принимал раненых в небольшом здании школы в местечке Пейпола. Сюда часто наезжал армейский хирург Куприянов, сопровождаемый корпусным хирургом военврачом первого ранга С. И. Банайтисом. Куприянов не только инспектировал своих коллег-хирургов, но и сам очень много работал в операционной. Вместе с начальником хирургического отделения госпиталя — замечательным врачом и человеком — военврачом первого ранга Б. Д. Добычинным, Петр Андреевич Куприянов сделал тогда множество сложнейших операций. Работал он вдохновенно, долгими часами не покидая операционную.

— Все хорошо! — говорил к концу вторых или третьих суток авральной работы Куприянов. — Все придется, Борис Дмитриевич, у Гулливеров жить...

Выпив очередной стакан — подкрепившись, он, одетый в сапогах Гулливеров, шел в операционную.

Так

шим ученым и прекрасным человеком — таким Петр Андреевич Куприянов остался в благодарной памяти всех, кому посчастливилось с ним общаться.

Среди делегатов конференции были и молодые врачи полков. Пожалуй, трудно переоценить роль, которую они играли в борьбе за сохранение человеческих жизней. Полковой врач первым встречает раненых в санчасти. И от того, какое решение он примет, нередко зависит и последующая судьба человека. Одних раненых следует немедленно переправлять в медсанбат или специализированный госпиталь, для других дальнейшая транспортировка вредна и даже недопустима, и врачу в полковом медпункте, в зоне интенсивного вражеского огня, нужно ослабить шок, остановить или уменьшить кровотечение... Врача полка постоянно одолевало множество забот и дел, которые он ни на минуту не имел права позабыть, упустить. Помочь ему были призваны наши опытные военно-полевые хирурги. Об этом напомнил в своем выступлении нейрохирург Александр Александрович Ярицин.

Среднего роста, рано поседевший, с лысеющим открытым лбом, небольшими беспокойными светлыми глазами, Ярицин был сильной личностью, зрелым хирургом широкого профиля. Поглядывая на внимательно слушавших его врачей полков, Ярицин неторопливо читал на конференции свое сообщение о тактике врача при оказании помощи раненым в голову.

— Но прежде чем такой раненый попадет в руки к нейрохирургу, — говорил старый врач, — ему окажут помощь и санитар, и фельдшер, и, наконец, врач полка. Но тут нужны аккуратность и осторожность во всем. Недопустимо излишне тревожить таких раненых. При необходимости лишь подбинтовать голову и после небольшого отдыха быстрее доставить в специализированный госпиталь. Водителям санитарных машин следует объяснять, что транспортировка таких раненых должна быть особенно осторожной.

Центральным вопросом конференции оставались раны живота, которым посвятил свой доклад Г. М. Фрадкин, изучивший результаты семисот операций.

Картина в общем-то была малоотрадная.

«Темной главой военно-полевой хирургии» назвал ранения живота П. А. Куприянов, добавив при этом, что три четверти раненых в живот умирают от развивающегося воспаления брюшины (перитонита).

Неискушенному в медицине читателю следует объяснить, что при ранении живота часто повреждается ки-

Старший специалист хирургической группы усиления ОРМУ-41 майор медицинской службы А. А. Ярицин.

сечник. Его содержимое и микробная флора являются первоосновой развития перитонита — воспаления брюшины. Источником инфекции служат также занесенные в брюшную полость осколки и обрывки тканей. Чем меньше времени прошло после ранения, тем больше надежд на выздоровление. Но если даже операция произведена вовремя и искусно, это еще не гарантирует выздоровления. Надо учитывать и характер ранения, и сопротивляемость организма, и множество других факторов. Огромное значение имеют уход, удобная кровать, теплое, хорошо проветриваемое помещение, рациональное питание.

Докладчик сделал подробный врачебный разбор различных видов ранений живота и тактики хирурга при этом.

Армейская конференция медиков происходила в то время, когда медицина только что обогатилась стрептоцидом и его производными сульфациламидными препаратами. Ими успешно лечили раневую инфекцию, воспаление легких, дизентерию, менингит и другие болезни. Еще не было грибка чудодейственной плесени — пенициллина, который из лабораторных пробирок и термостатов только еще начинал свой долгий путь к больным. Но даже теперь, когда медицина располагает множеством новейших лекарств и антибиотиков широчайшего спектра, ранение живота по тяжести заболевания таит грозную опасность для жизни.

*Старший специалист хирургической группы усиления ОРМУ-41
майор медицинской службы
Г. М. Фрадкин.*

Много и других вопросов, подсказанных боевой практикой, было поднято на конференции. Закрывая ее, командарм В. П. Свиридов говорил:

— Военный совет надеется на свою санитарную службу и верит вам, товарищи военврачи. Из прослушанных на конференции сообщений сделайте для себя полезные выводы. Ваша задача — отдать свои знания, силы для оказания всесторонней помощи раненым для быстрейшего возвращения их в строй.

Мы вышли из землянки. Стояла морозная безлунная ночь. По льду Невы кружила метелица. Мимо домов Усть-Ижоры брела матушка-пехота, многие едва шевелили опухшими ногами. Проезжали редкие машины. Делегаты быстро расходились по своим частям.

Дальних же гостей ждал очень скромный ужин. От горячей мороженой картошки, лежавшей высокой горкой на блюде, поднимался сладковатый пар. Рядом с блюдом лежала маленькая коробка давно забытых шпрот.

— Шпроты — это просто невероятно! — воскликнул кто-то.

— Когда мы победим и наши праздничные столы будут ломиться от изобилия, мы с особенной теплотой вспомним эту замечательную конференцию и сегодняшний вечер, — сказал Куприянов. Он сердечно посмотрел на всех и высоко поднял исхудавшей смуглой рукой граненый стакан. — За ваши успехи, дорогие товарищи. За нашу победу!

Конференция в Усть-Ижоре имела далеко идущие последствия. Она заставила наш санитарный отдел многое пересмотреть в своей работе, в частности подумать над тем, как облегчить опасный труд санитаров.

У начсандива Букова и начальника первого отделения санотдела Новикова, не знаю, у кого раньше, может, у обоих одновременно, родилась идея, о которой они рассказали начсанарму и комиссару. После этого Буков и Новиков стали частенько уединяться. Один что-то чертил, рассчитывал, другой критиковал. Затем они менялись ролями. Так продолжалось до тех пор, пока на ватмане не появилась изящная лодочка. Эта лодочка-волокушка должна была заменить громоздкие лыжно-носилочные установки, не пользовавшиеся любовью у санитаров.

Морозным ранним утром начсанарм с листом ватмана, на котором была начерчена волокушка, выехал в Колпино, где встретился с секретарем райкома партии П. И. Ивановым. Вскоре оба они направились на Ижорский завод.

На заводской территории еще свежи были следы только недавно прекратившегося многочасового обстрела. Из механического цеха, в одном конце которого работал медсанбат, а в другом ремонтировали боевое оружие, выносили убитых и раненых.

В огромном корпусе гуляла стужа. Через свежий пролом в стене налетевшая пурга набросала белые снопы. Снег лег густо, прикрыв цементный пол, где застывала, тускнея, кровь.

Старшего мастера, окруженного подростками, нашли в небольшой теплой конторке без окон, отделенной от цеха фанерной перегородкой.

Старший мастер вытер тряпичной запотевшие очки в металлической оправе, взял распухшими узловатыми пальцами небольшой листок ватмана. Посмотрел, подумал и положил чертеж на стол.

— Таковую лодочку, конечно, сделать можно, — сказал мастер, — но для того чтобы она легко скользила, ее надо делать цельнометаллической.

— Сделайте, Александр Иванович, одну лодочку. Медики опробуют ее. Если одобрят, то оформим заказ на волокуш...

Через несколько дней пробная лодочка-волокуша была готова. Буков отнес ее, легкую и простую, в 173-й стрелковый полк. Опробовали ее санитары и дали самый восторженный отзыв. Лодочка очень облегчала труд медиков переднего края. Добравшись до места, санитары

наклоняли волокушу, помогали раненым перевалиться в нее и быстро уползали. Лодочка легко скользила по снегу.

Директор Ижорского завода Кузнецов нашел возможным выделить санитарной службе дефицитное листовое железо, и с каждым днем все больше волокуш, сделанных добрыми руками рабочих, появлялось в войсках.

Армейская медицинская конференция подтолкнула санотдел решить и задачу доставки раненых из полков в медсанбаты и госпитали в утепленных машинах. Здесь нельзя не сказать доброго слова о скромном труженике, помпотехе автосанитарной роты старшем технике-лейтенанте И. Ф. Завищевском. Для утепления он предложил обогревать санитарные машины отработанными газами.

Исчезла необходимость в грелках и ватных конвертах. В кузовах машин поддерживалась 25-градусная температура.

Ценным оказалось еще одно предложение Завищевского. Машины ГАЗ-АА были оснащены шестью пружинами Кружилина для перевозки трех больных на носилках. Сократив количество пружин до четырех, стало возможным в каждой машине транспортировать пять раненых. В утепленных, всегда исправных санитарных машинах 34-й автосанитарной роты под командованием старшего лейтенанта П. В. Дедкова были доставлены в эвакуационные пункты сотни раненых и больных.

Первая врачебная конференция дала толчок новым научно-практическим изысканиям. Их вели врачи в нескольких сотнях метров от переднего края, в обстановке непрекращающихся артиллерийских обстрелов и постоянного мучительного чувства голода. Большинство наших хирургов было призвано в армию в первые дни войны. К тому времени у них сложился свой творческий почерк, своя манера оперировать и лечить. В дни войны личная точка зрения должна была уступить глубоко продуманным, строгим рекомендациям военно-медицинской службы. В них указывалось, как и где должна проводиться первичная обработка больших и малых ран и многие другие специальные вопросы.

Даже очень опытным медикам нелегко было на ходу перестраиваться с рельсов мирной хирургии к этапному лечению, когда раненый от первого врача полковой санчасти до тылового госпиталя должен как бы находиться в одних руках.

Лечили раны не только хирурги, но и терапевты, педиатры, стоматологи, акушеры-гинекологи и совсем молодые, только что закончившие институт врачи.

Объединить их всех, привить сугубо гражданскому человеку доктрины военной медицины значило перестроить его сознание, заставить мыслить иначе, чем он привык. Это было нелегкой, но вполне осуществимой задачей. Ей и были подчинены все наши научно-практические конференции, сборники трудов и очень кропотливая повседневная работа в каждом медицинском коллективе.

Медики 56-й дивизии

В декабре 1941 года в нашу армию прибыла 56-я дивизия. Ее полки вели бои у Колпина, а медсанбат, расположенный на Петровской набережной в Ленинграде, еще с неделю оставался в подчинении 42-й армии.

Хорошо помню, как в санитарный отдел приехали начсандив военврач первого ранга А. И. Юровский и командир медсанбата Н. Н. Александров. Они доложили, что медсанбат переводят поближе к полкам.

С кадровым военным врачом Юровским я не была знакома. А вот Александрова помнила еще с довоенных лет. Его лицо утратило прежнюю юношескую округлость, глаза углубились, но в них по-прежнему играли озорные огоньки. Он протянул мне списки медиков дивизии, и за фамилиями и именами в потревоженной памяти сразу встали дни обороны Пушкина, бомбежка совхоза Шушары, Тайцы, Китайская деревня в тревожных сполохах войны...

Медсанбат 2-й гвардейской дивизии, как писалось выше, в первые дни октября сорок первого вошел как боевая единица в 7-ю дивизию народного ополчения, ставшую потом 56-й стрелковой дивизией. Ее врачам, сестрам, санитарам пришлось горячо под Урицком, в Шереметевском парке... Этот парк был расположен на Петергофской дороге, на одиннадцатом километре от старой городской черты.

В середине XVII века тут стояла барская усадьба графа Панина, позже приобретенная И. П. Шереметевым. Вокруг усадьбы и был высажен парк. В нем преобладали липы, дубы. Деревья разрослись, сплелись ветвями.

Старый парк, уходивший к заливу, запомнили все, кто воевал на этом участке фронта. Под могучими деревьями отрыли щели, построили землянки, в которых укрывались от шального огня раненные и санитары. Из Шереметевского парка к передовой вели траншеи и тропы.

Старший врач 184-го стрелкового полка военврач третьего ранга Александр Пекарский, энергичный, деятельный, немногословный, стремился приблизить медицинские подразделения к боевым. Он сам ежедневно бывал среди солдат и видел: день ото дня бойцы все больше слабели и болели. В небольшой землянке, в нескольких десятках метров от переднего края, Пекарский организовал батальонный пункт медицинской помощи, от него к передовой шла неглубокая траншея. В километре от нее раненых принимала полковая санчасть.

Каждый врач пускал в ход свою фантазию и реальные возможности, чтобы лучше укрыть раненых от вражеского огня. Медики 37-го полка присмотрели железнодорожную будку невдалеке от полотна дороги в районе Автова и выдвинули туда передовой отряд санчасти. Здесь всей работой руководила врач Капитолина Саутина — толенькая молодая женщина. Отсюда она не раз вместе с санитаром уходила в Шереметевский парк, а из парка — в подразделения полка, к деревне Новой.

Железнодорожная будка вначале показалась им крепостью, за которой можно уберечься от мин и снарядов, но вскоре они поняли: надо быстрее отсюда убираться — противник ее пристрелял. Старший врач 37-го полка М. И. Кулебякин попросился в соседи к артиллеристам под железнодорожный мост. Заложили оба пролета кирпичом, разгородили помещение плащ-палатками, и медицинский пункт был готов.

213-й полк вначале принимал раненых в бомбоубежище трамвайного парка, затем перешел в две уцелевшие комнаты больницы имени Форея. Но частые вражеские обстрелы заставили искать новое место и для этой санчасти. Несколько дней проработали в небольшой землянке у завода «Пишман» и наконец надолго устроились в доме из красного кирпича на развилке дороги Урик — Оранненбаум. На глазах медиков погибали ухоженный сад и старый дуб, далеко протянувший свои оголенные ветви. На почерневшей, разбухшей от дождя земле лежали вырванные с корнем яблоня, кусты смородины. Вокруг дома темнели большие и малые воронки, давние и совсем свежие. Когда над старым домом пролетал и с грохотом разрывался очередной снаряд, дом, как живой, вздрагивал, стонал, охал, но не свалили его ни вражеские снаряды, ни бомбы, падавшие в саду и у дороги. Только гасли всякий раз тонкие язычки пламени самодельных плашек и свечей, скупо освещавших перевязочный стол. Отсюда, из краснокирпичного дома у дороги,

уходили на передовую сандружинницы Нина Никифорова, Лея Панкратова и Зина Ефремова, врачи М. Нехчин, М. Кулебякин и И. Нозик, фельдшера Иван и Алексей Куратовы. Сюда доставляли раненых из батальонов. Временами их было так много, что всех сразу не вмещал просторный дом.

В этой части служил старшим повозочным Николай Коробов. Он любил лошадей так, как их могут любить только крестьяне. В санчасти поначалу было немало лошадей, но все они постепенно гибли от голода и ранений. И наступил момент, когда остался только один конь. Коробов так жалел его, что сам доставлял на себе раненых из батальона в полк, из полка в медсанбат. И каждый раз, возвращаясь в санчасть, Коробов, глухо кашляя, шел в сарай к лошади, поглаживал ее выпирающие острые ребра, чем-то угощал, шептал ей на ухо ласковые слова.

...В сумерки приходил в движение весь незримый медицинский фронт. Уходили вперед, в темноту санитары.

Как-то Минаеву и Воронову надо было пройти открытым низким местом в боевое охранение. Прошли, но на обратном пути их обстреляли. Язык прожектора подкрасил тяжелые облака, опустился на землю, прошелся по лежавшим людям, задержался на маскхалатах, дрогнул и погас. Снова беззвездная чернота ночи, но она — союзник санитаров. Осторожно положив раненого на плащ-палатку, они понесли его к оврагу, чтобы передать свою ношу поджидавшим здесь другим санитарам и вернуться к тем, кто еще остался лежать на месте прошедшего боя.

Мужчин-санитаров с каждым днем становилось все меньше. Тяжелый и опасный труд эвакуации раненых с переднего края взяли на себя девушки — воспитанницы Красного Креста. Неунывающие, всегда бодрые, опрятные, зазорные, хотя и неуклюжие в ватных брюках и большущих кирзовых сапогах, они мужественно переносили голод и холод, умели все вытерпеть, все пережить, удивительно быстро приспособиться к трудным даже для бывалого воина условиям жизни. В часы короткого отдыха сушили на печке валенки рядом с сухарями и роняли слезы над письмами матерей...

О тех волнующих грозных днях ныне рассказывают памятники,obelisks в тенистых аллеях бывшего Шереметевского парка.

Пока осенью сорок первого медсанчасти полков обжи-

вали свои участки, медсанбат Александрова прибыл на Петровскую набережную 2/4 и развернул свои отделения в отведенном ему пустующем здании, где когда-то размещался городской Училищный дом имени Петра Великого.

Александров со свойственной ему энергией привлек к работе весь коллектив медсанбата. Зашили досками и фанерой оконные проемы. Электротехник сержант Юрий Бродель натянул провода, установил и подключил движок. В железных печурках с наступлением холодов запылали обледенелые поленья. Стали поступать первые раненые.

Дорога из полков в медсанбат, по которой везли раненых, вела по осажденному городу, проходила через мосты, переброшенные над реками, по проспектам, площадям. На этом пути рвались вражеские снаряды. Они долетали и до медсанбата, не раз повреждали электропроводку. Нередко поэтому приходилось оперировать при мерцающем свете фонарей, делать уколы при свете горевшей бумаги...

Для лучшего обслуживания раненых медсанбат 56-й дивизии разделили на два эшелона, выдвинув вперед полноценную хирургическую группу. Она заняла школу недалеко от Кировского завода, оборудовала небольшое перевязочное отделение и операционную. Первый эшелон медсанбата теперь отделяло от полковых медсанчастей где два, а где полтора километра. Это было и хорошо и плохо. Район завода интенсивно обстреливался, и операции порой шли буквально под огнем. Один из снарядов пробил стену школы, и многих покалечило. Пришлось перевести первый эшелон медсанбата в район Нарвских ворот, в тихий Болдырев переулок, в комнаты бывшего детского сада.

По многу часов дежурили хирурги и сестры медсанбата на основной базе и в передовом отделении. Вместе со всеми энергично работали старший хирург Михаил Яковлевич Ильин и командир медсанбата Александров.

Как-то их детский садик порядком трянуло, но все обошлось благополучно. К обстрелам привыкли. Вот харчей явно не хватало — все время сосало под ложечкой. Особенно трудно было ночью, во время большой работы. Одно спасение — накуриться махорки в углу под холодной лестницей...

Когда Военный совет фронта выделил дополнительные пайки хирургам, они в перерыве между операциями стали подкрепляться кашей, сухарями, чаем. Металлические миски возвращались на кухню идеально чистыми...

На основной базе медсанбата лечились не только от ран, но и от болезней блокадного времени. Главной из них была дистрофия, вызывавшая у ряда больных тяжелые расстройства психики. Такие больные нередко отказывались принимать пищу, были равнодушны к белой булке и сгущенному молоку — недостижимой мечте каждого ленинградца-блокадника.

И медики сильно голодали — очень уж мал был продовольственный паек. Медсестра госпитального отделения Вера Любимова в своем письме матери сообщала: «Сегодня праздник. Двадцать четвертая годовщина Октября. Рука дрожит. Перед обедом выпили по пятьдесят граммов водки, и я здорово опьянела. Получили по три конфетки, по две замерзшие коврижки и по одной вафле. Конфеты съели, остальное бережем на вечер».

Голодая, болея, медики упрямо продолжали свое благородное дело, не думая о себе, отдавая все свои силы и умение раненым и больным...

Когда настало время медсанбату следовать за полками на новый участок фронта, в зеленые ящики легли хирургические инструменты и медицинское имущество. Погрузили на машины палатки и хозяйственный инвентарь. В отдельный пакет сложили регистрационные и операционные журналы. Придет время, выдастся свободный час — и врачи внимательно изучат характер ранений, особенности течения и заживления ран осенью и зимой первого года войны. Пока же с удовлетворением могут отметить: за два месяца напряженной хирургической работы на обеих базах сделали более двухсот пятидесяти операций, вернули в строй многих однополчан.

Ртутный столбик опустился до минус 28 градусов, когда медсанбат покинул большой дом на Петровской набережной. Ушли санитарные машины с имуществом. Уехали врачи. Молодежь медсанбата повел в строй комбат Александров. Небо было хмурым, без проблеска солнца.

Шли долго. Миновали Невский. Вступили на проспект Обуховской Обороны. Ветер с Невы усилился. Надвигался вечер. Поравнялись с большим садом, в глубине которого широко раскинулось двухэтажное старинное строение средней школы, известное как Дача Куракина. Комбат остановил колонну и сказал, что отсюда еще два часа ходу...

Это объявление вызвало дружный стон. Александров оглянулся и будто впервые увидел их всех — уставших,

промерзших в заиндевевших шинелях. Тогда комбат озорно улыбнулся девочкам и скомандовал:

— За мной!

Повернул в глубь заснеженного сада. За деревьями медсестры увидели свою полевую кухню, из котлов поднимался аппетитный пар. Раздался общий вздох облегчения...

В просторном, жарко натопленном классе школы пылала «буржуйка». Александров хорошо заботился о своих подчиненных.

Много ли нужно военному человеку? Через час, разморенные теплом, сытые, сестры спали на полу вповалку и были в ту ночь счастливы.

...Вот какие события стояли за сухими штатно-должностными списками медиков, врученными мне Александровым в санитарном отделе 25 декабря сорок первого. Наступал новый этап в их жизни — дни и ночи Колпина.

Госпиталь № 630

Хотя многие врачи и сестры полевого хирургического госпиталя № 630 были участниками сражений за Ленинград на самом первом этапе войны, они еще не успели сплотиться в единый коллектив. Немало всем нам, работникам санитарного отдела армии, пришлось потрудиться, чтобы помочь госпиталю добиться слаженности в работе. 630-й хирургический развертывался в помещении районной больницы в Усть-Ижоре и оставался там до января сорок второго. Как «новорожденный», он требовал к себе повышенного внимания, и в первую очередь от армейского хирурга. Это было нужно еще и потому, что начальник госпиталя, человек хотя и хлопотливый и беспокойный, не обладал качествами организатора. Об этом мне откровенно говорил комиссар госпиталя Дранишников, человек с морщинистым лицом и дыханием застарелого курильщика:

— Люди все хорошие, трудолюбивые. Попривыкнут друг к другу, сработаются, и дело пойдет. Только вот начальник, боюсь, не потянет. Немного слабоват...

Но был в этом госпитале человек, который вполне мог «потянуть» должность начальника. Он и боевой опыт имел, и, что очень важно, был хирургом по глубокому своему призванию.

Не сразу в худощавом военном враче, быстро сбегав-

шем с деревянного крыльца, узнала я бывшего командира медсанбата 24-й танковой дивизии Анатолия Петровича Кондратьева; с ним я познакомилась возле пункта питания 17 сентября 1941 года в Пушкине. Большие очки в роговой оправе. Бледное лицо. Внимательные серьезные серые глаза. Работал он в госпитале пачальником хирургического отделения.

Вернувшись в санитарный отдел, я доложила начсанарму и армейскому хирургу о своих впечатлениях.

— Ну что ж, будем выдвигать Кондратьева,— согласился со мной начсанарм.

Армейский хирург Могучий предложил сосредоточить в Усть-Ижоре раненных в грудную клетку и живот. И направить в этот госпиталь хирургическую группу усиления Г. М. Фрадкина.

...Зима лютует. Днем и ночью не замолкает наша артиллерия, стреляющая из района Колпина. Бьют орудия с эсминцев у берегов Невы. Ночами через Рыбацкое проходит пополнение: стрелковые подразделения, зенитные и минометные батареи.

Дни бегут незаметно. Мы являемся в штаб еще затемно. Уходим поздним вечером или ночью. С ручными фонариками не расстаемся...

Сформирован санитарный поезд, прозванный «летучкой». Его начальником назначен военврач третьего ранга Гофман, направленный к нам из санотдела фронта. В санитарном поезде двести мест. Его задача — забирать раненных из Колпина и доставлять в эвакоприемник в район Усть-Ижоры. Если в наших госпиталях мест нет, поезд следует к сортировочному госпиталю — в Александроневскую лавру.

Скоро в нашей армии появятся свои эвакогоспитали, своя госпитальная база. Это уже вопрос дней. Об этом нам сообщил начальник лечебно-эвакуационного отдела фронта военврач первого ранга Всеволод Павлович Васильев. Повеселели наши армейские консультанты. Строят планы дальнейшей работы.

Пустынно в вечернее время в Усть-Ижоре. Ни огонька! Светомаскировка соблюдается очень строго. Тут работает первый эшелон штаба армии, ее сердце и мозг — Военный совет. По соседству устроилась наша армейская газета «Боевая красноармейская». Газета действительно боевая. В двух ее небольших страничках бьет пульс армейской жизни... Регулярно освещаются последние собы-

*Начальник полевого хирургического госпиталя № 630 55-й армии военврач 3-го ранга
А. П. Кондратьев.*

тия на фронтах Великой Отечественной войны, рассказывается о войнах армии, чьи подвиги достойны подражания. Иван Муха в баснях и прибаутках талантливо высмеивает ротозеев и болтунов. Армейские корреспонденты, опытные военные журналисты, бывают в наших медицинских учреждениях, помещают на страницах газеты очерки, корреспонденции о славных и благородных делах наших медиков.

...Начальника первого отделения санотдела Повикова вызвали в оперативный отдел штаба армии, в Усть-Ижору. Он быстро собрался, положил в планшетку топографическую карту и карандаши, поговорил с начсанармом. Пользуясь случаем, отправилась с ним и я. Хочется побывать в 630-м госпитале, посмотреть, как чувствует себя в новой должности наш выдвиженец Кондратьев. О молодом начальнике госпиталя я уже знала, что он снискал поддержку коллектива прежде всего тем, что прислушивался к голосу подчиненных, поощрял их полезную инициативу.

Кондратьев полон творческих планов. Его очень обрадовали прибытие в госпиталь группы Фрадкина и та деловая обстановка, которая установилась в хирургическом отделении.

Но тесно госпиталю в небольшом деревянном помещении районной больницы. Палатки, поставленные во дворе, не спасают положения. Надо с большей целесооб-

разностью использовать помещение, изыскать новые резервы. Когда Кондратьев поделился этими мыслями с коллективом госпиталя на открытом партийном собрании, слово взял санитар Грошев.

— На территории больницы, — сказал он, — есть заброшенный сарай. Дверей, правда нет, стены и крышу в нескольких местах пробил осколками. Но это не беда. Если все дружно возьмемся, то и в сарае оборудуем хорошие палаты.

На следующий день работа закипела.

...Вместе с начальником госпиталя обхожу помещения. Стали прибывать санитарные машины с ранеными. Наше внимание привлек лежавший на носилках молодой боец в длинной шинели, залитой кровью. Сестры поспешно его раздевали. На животе, слева под ребрами, мы увидели небольшую грязную ранку, из которой вытекала тонкой полоской темная кровь. На бледном юном лице блестели капельки пота, губы дрожали. Боец с трудом назвал свою фамилию: Костюков. В карточке год его рождения был записан неразборчиво — не то двадцать пятый, не то двадцать третий...

Дежурный врач Лидия Ивановна Лицинская, начальник госпитального отделения, быстро заполнила историю болезни, вложила в нее направление из полкового медпункта — так называемую карточку передового района. Кондратьев распорядился срочно отправить Костюкова в операционную и пригласил меня присутствовать при операции.

Я задержалась в приемно-сортировочном отделении, куда пришла еще одна санитарная машина. На носилках лежал тяжелораненый из 125-й дивизии.

Удивительное совпадение! Опять Костюков! Только возраст не тот. Год рождения 1902-й, ранен в живот утром. Доставлен вечером. На посеревшем лице нездоровым блеском горели глаза. Губы заеклись. Температура 39 градусов. Под повязкой, лежавшей на животе, мы увидели обширную грязную рану.

Узнав, что только что приняли в госпиталь Костюкова Леонида, старый солдат заплакал. Это был его единственный сын.

— Так и не довелось нам встретиться, — сказал он, едва шевеля губами. — Парнишку, доктор, спасайте. Ему еще нет и шестнадцати. Он только ростом велик, а так — мальчишка. Из дома убежал, годы себе прибавил.

— Все будет хорошо, — ответила мягко Лицинская. —

Спасут вашего сына, обязательно спасут. Не тревожьте себя. И вам поможем.

А когда мы шли в операционную, сказала подавленно: — Как причудливо переплетаются людские пути-дороги!

В тесной комнате, служившей госпиталю операционной, над Леной Костюковым склонились врачи. Он спит под эфиром. Ему переливают кровь.

Спал и не знал Леня, что за тонкой перегородкой, отделяющей предоперационную от небольшой палаты, умирает от перитонита его отец. Умирает с надеждой, что сын останется в живых.

— Начинайте, Анатолий Петрович, — тихо сказал Фрадкин и покрепче заколол стерильную простыню вокруг раны.

Быстрым уверенным движением Кондратьев сделал разрез. Хирурги перевязали сосуды, чтобы кровь в брюшной полости не мешала дальнейшей операции.

— Похоже, что ранена селезенка, — опять тихо сказал Фрадкин.

Селезенки почти не было. То, что от нее осталось, удалили. На стол операционной сестры легло множество мелких острых осколков, найденных в брюшной полости. Петля за петлей проверен весь кишечник. На нем ни царапины. Кровотечение надежно остановлено.

— Паренек выживет, — уверенно говорит Кондратьев. — С момента ранения прошло не более трех часов. Кровопотерю мы восполнили. К счастью, кишечник не поврежден. Как жаль, что Костюков-старший безнадежен...

Хирург спмает перчатки и помогает сестре переложить больного на каталку.

За окном крутит метель, в окна задувает ветер.

В работе хирургической бригады наступает короткий перерыв. Мы идем в соседнюю комнату, где на высокой чугунной печке кипит большой чайник.

Врач автохирургического отряда Ф. М. Беленицкая, смуглая красивая женщина, заколола вьющиеся каштановые волосы, умылась студеной водой и, облегченно вздохнув, села на табурет у стола.

Фрадкин снял колпак с густо посеребренных волос, не торопясь налил кружку чаю, извлек из нагрудного кармана огрызок сахара, завернутого в марлю, и осторожно его надкусил. Посмотрел на остаток, подумал, бережно завернул и опять спрятал в карман. Дальше пил «вприглядку».

Кондратьев скрутил длинную «козью ножку», набил ее табаком, глубоко затянулся. После нескольких затяжек закаплялся. На платке показалась кровь.

— Ну и безобразник же вы, Анатолий Петрович, — рассердился обычно сдержанный и тактичный Фрадкин. — Разве с вашим-то здоровьем можно курить, да еще всякую там «баранью лапку»...

— Это не «баранья лапка», Григорий Михайлович, а «козья ножка», — улыбнулся Кондратьев, продолжая наседно кашлять. — Это я от эфира кашляю. А табачок замечательный! Бодрит! А вот и повар. Он принес нам подкрепление.

В комнату, прихрамывая, вошел средних лет солдат Голубев в белой курточке и колпачке и поставил на стол котелок с пшенной кашей, ложки, миски. Он был высок, худ. Впалые щеки, лоб, кисти рук покрывали темно-бронзовые пятна.

— Кушайте, товарищи врачи, каша очень вкусная.

Все потянулись к столу, жадно втягивая дразнящий запах пищи. В это время под окнами раздались гудки. Вновь подошли машины с ранеными.

— Вот и отужинали, — сказала Беленицкая. Врачи быстро допили чай и, не прикоснувшись к каше, разошлись — кто в приемно-сортировочное отделение, кто в операционную.

Опечаленно посмотрел солдат Голубев на небольшие горки остывавшей каши, а потом стал ее неторопливо перекладывать из мисок обратно в котелок, стараясь не обронить ни крушинки. На мой вопрос о самочувствии Голубев ответил, что он сейчас здоров и что его лечила в этом госпитале военврач Лицинская — «очень хороший доктор».

— Я поправился потому, что не поддавался болезни, а дистрофия любит слабых духом, — сказал он. — Я ходил даже тогда, когда ноги отказывали. Полежу и опять через силу хожу. Пил всякие настои, лекарства все, что давали.

— Голубев — молодец! — подтвердила вошедшая в комнату Лидия Ивановна Лицинская. — Он тяжело болел, но лечить его было легко. Своей волей, стремлением поправиться он помогал нам. Когда немного окреп, стал работать на кухне.

Из сухих концентратов новый повар быстро научился готовить диетические супы, протертые каши.

За мной в госпиталь заехал Новиков. Мы вышли на дорогу. Ни одной звездочки в непроглядной тьме. Только

слабый свет фонариков скользил на протоптанной тропинке.

Навстречу нам неслись машины, мигая васильковыми огнями.

Перед моими глазами стояло страдальческое лицо паренька. Потом его лицо заслонило лицо взрослого мужчины. Отрешенные, угасающие глаза с последней надеждой смотрели на врачей...

Мы вернулись в штаб очень поздно. С застывшей Невы налетал резкий ветер, звенел ржавым флюгером на крыше сгоревшего дома. В небе хозяйничали наши легкие бомбардировщики, любовно прозванные народом «кукурузниками». В тот вечер они были особенно активны и основательно беспокоили гитлеровцев за Колпином.

В моей планшетке — густо исписанный блокнот. В нем немало кратких записей по 630-му госпиталю. Замечательный народ в его молодом коллективе! И как хорош Кондратьев в новой должности! Опыт, боевая закалка бывшего командира медсанбата танковой дивизии, высокая человечность, принципиальность снискали ему уважение и авторитет.

В штабе меня ждала серьезная и срочная работа — требовалось составить наградные документы на первую значительную группу медиков. Среди них — коллектив хирургического отряда, проявивший себя еще в трудные августовские дни сорок первого по спасению раненых 168-й дивизии. Всего я написала более ста наградных листов, и за каждым из них — боевая жизнь, подвиг, героические дела врачей, сестер, фельдшеров, санитаров и санитаров...

Прошло еще несколько дней, и я вновь оказалась в госпитале Кондратьева на удивительном собрании.

Мы сидели в небольшой комнате комиссара Дранишникова, и слабый огонек тонкой оплывающей свечи скользил по молодым исхудавшим лицам, освещал орден Красного Знамени на груди комиссара. Рядом с Дранишниковым — начальник госпиталя.

— На повестке дня один вопрос, — сказал комиссар, преодолевая тяжелую одышку. — Топливо на исходе. Пали лошади. Нет бензина. Вы знаете, какие ожесточенные бои за Колпино, какой нелегкой ценой дается каждый метр освобожденной земли. К нам поступает много раненых. Они хорошо делали свое дело и вправе надеяться, что мы так же хорошо позаботимся о них. Сохраним жизнь, со-

греем, вылечим. Командование госпиталя решило посоветоваться с вами, что же нам теперь предпринять.

Короткое молчание показалось чересчур длинным. Как бы боясь его затянуть, заговорили все сразу, зашумели.

— Дрова будут, — сказал сидевший в углу высокий, худой и сутуловатый военфельдшер Александр Мейдман. — Организуем бригады и привезем дрова на себе. Так, что ли, ребята?

— Саша верно сказал, — подтвердил сидевший рядом высокий, широкоплечий фельдшер Николай Родионов. — Мы доставим дрова!

— Именно такой ответ мы и рассчитывали получить, — сказал комиссар. Его суровое, отечное, в морщинах лицо просветлело и смягчилось.

Позже я узнала от Дранишникова, что утром следующего дня «дровяной отряд» ушел в Колпино. Он доверху загрузил большие сани бревнами. Медики с трудом потащили их. Как назло погода во второй половине дня испортилась: повалил сильный снег, холодный ветер обжигал лица. Навалившись грудью на оглобли, старшие военфельдшера Родионов и Мейдман, санитар Грошев, медицинские сестры Зиматова и Артюшина упрямо волокли тяжело нагруженные сани... Дровяная эпопея продолжалась неделю, и никто из раненых не догадывался, какова цена охапке обгорелых, обледенелых дров, принесенных поутру в палаты.

Незадолго до Нового года санитарный отдел армии принял решение перевести госпиталь Кондратьева из Усть-Ижорской больницы в Ленинград, в пустующее с осени трехэтажное каменное здание средней школы на Мартыновской улице, где предполагалось развернуть несколько хирургических отделений. Изрядно пополненный медицинским имуществом, укомплектованный врачами и сестрами, госпиталь имел все основания через некоторое время превратиться в первоклассное учреждение для лечения раненных в живот и грудную клетку.

Но пока до первоклассности было еще далеко. В здании не работали водопровод и канализация. Дом был захламлен, стены покрывала толстая ледяная корка, в окнах не было стекол.

И снова медикам — и врачам, и сестрам, и санитаркам — пришлось взяться за кирки и лопаты. Вместе со всеми работали начальник и комиссар госпиталя. На ладонях у многих появились пузыри, но их старались не замечать, а когда становилось невмоготу, молча перебивали друг другу руки и продолжали трудиться. Жало-

ваться на боль, педомогание по неписанным законам военного времени считалось неприличным. Все понимали, что ссадины, распухшие руки, боль в мышцах уставшего тела ни в какое сравнение не идут со страданиями тех, кто в такой мороз находится под открытым небом на переднем крае.

Чтобы развернуть госпиталь в течение недели, потребовалось огромное напряжение сил. Работали много, упорно.

К концу шестых суток из тонких труб, выведенных в окна, повалил дымок. Вокруг железных печурок собрались люди, протягивая к огню израненные, отяжелевшие руки. Когда работа завершилась и госпиталь почти подготовили к приему раненых, все особенно остро почувствовали страшную усталость.

Еще много недель подтаивал тонкий ледок под окнами. С отсыревших стен капала вода, но наступило время, когда мало что напоминало о бывшей здесь школе, разве что стоявшая в углу коридора классная доска.

Когда госпиталь на Мартыновской улице вступил в строй, начсанарм приехал туда вместе с членом Военного совета армии бригадным комиссаром И. И. Смирновым. Высокий, широкоплечий, с гладко выбритой головой, Смирнов неторопливо ходил по палатам, беседовал с ранеными и персоналом.

— Вы просто здорово поработали, — сказал госпитальным работникам бригадный комиссар. — Большое вам всем спасибо. Военный совет верит, что ваш госпиталь станет образцовым медицинским учреждением.

Смирнов спросил у меня — укомплектован ли госпиталь медицинскими кадрами, аттестован ли командный состав. Узнав, что с кадрами пока благополучно, он, приветливо простившись, уехал, пообещав ускорить присылку госпиталю недостающего инвентаря и дополнительных пайков для хирургических бригад.

В госпитале были хорошие врачи и сестры, но не хватало опытной старшей сестры — организатора всей работы среднего и младшего персонала. Пришлось мне обратиться в отдел кадров санитарного управления фронта.

— Хорошими старшими сестрами не рождаются. Их воспитывают годами, — пазидательно сказал мне в отделе кадров военврач второго ранга М. Е. Буркат. — Но ничего, потерпите немного, постараюсь помочь. А сейчас в резерве нет ни одной подходящей кандидатуры.

Разыскиваемая старшая сестра госпиталя неожиданно нашлась буквально через несколько минут после того,

как я вышла из Инженерного замка. В высокой, сутуловатой женщине в подшитых валенках и темном платке, медленно идущей мне навстречу, я признала жительницу Пушкина, бывшую старшую сестру больницы имени Семашко Антонину Васильевну Сергееву, замечательного организатора, приветливого, доброго человека и неутомимую общественницу. Антошина Васильевна, как оказалось, только что выписалась из больницы — тяжело болела дистрофией. Она с радостью приняла мое предложение работать в полевом госпитале. Мы тут же вдвоем вернулись в санитарный отдел. Буркат немало удивился нашему появлению, выслушал меня, недоверчиво поглядывая на расхваливаемую мною бледную ослабевшую женщину, но дал «добро».

Через два часа Антонина Васильевна отдыхала в моей комнатухе в селе Рыбацком, пока я мучительно думала, чем накормить дорогую гостью.

— Хотите повидать Костюкова? — спросил меня Кондратьев, когда я привезла в госпиталь Сергееву. — Паренек поправляется. Кто-то проболтался, что отец его был в госпитале. Теперь все допытывается, куда его перевезли и жив ли он. Придется перед выпиской сказать ему правду.

Вместе с Кондратьевым и Лицинской мы прошли в палату.

Я сразу узнала юного Костюкова, худенького мальчика с длинной шеей и огромными бездонными глазами взрослого человека. Он доверчиво улыбнулся начальнику госпиталя и врачу Лицинской, а на меня посмотрел с каким-то недоумением — это еще кто сюда явился?..

— Ну, Леня, как твои дела? — спросил Кондратьев, приподняв край наклейки на его животе. — Живот мягкий, еще держится небольшое воспаление на коже, но оно скоро пройдет. Покажи язык. Отлично! Как нога, отмороженный палец?

— Болит нога, особенно по ночам. Все больше палец. Да еще болят места укулов, вот здесь, — сказал сердито Леня и нахмурился. — Здорово колют сестры! Живого места скоро не останется.

— Ну, Ленечка, ты мне сегодня определенно нравишься, хотя и стал ворчуном. Дело идет к выздоровлению. Еще немного, и выйдем в батальон выздоравливающих. Да, кстати, сколько тебе лет? Я что-то позабыл.

— Восемнадцать, — не очень уверенно ответил Костюков. Лицинская улыбнулась и отвернулась к окну.

— А если правду? — Кондратьев снял очки, посмот-

рел вначале на него, а потом на меня, близоруко щурясь.

— Сказал восемнадцать — и все. — Леня стал заметно волноваться. Помолчав, добавил поспешно: — Может, и нет восемнадцати, так вы что, домой пошлете? Все равно убегу на фронт.

— Смотри какой... «Убегу». Чтобы больше не слышал от тебя «убегу», а то действительно вместо батальона выздоравливающих прямоком домой отправлю. Понял? — Кондратьев потрепал Костюкова по короткому ежику волос и продолжал обход.

— Пить! — простогал больной на крайней койке у окна. — Пить, пить! — подхватили с разных коек. Лидия Ивановна Лицинская подходила то к одному, то к другому, подносила к пылающим жаром губам поильники с водой, всматривалась в обложенные языки, вслушивалась в тяжелое дыхание, расспрашивала о самочувствии, гладила горячие бритые головы, покрытые испариной, говорила тихо, уверенно, что опасность миновала, надо только держаться бодрей, бороться за жизнь.

В госпитале шла обычная жизнь. Раненым переливали кровь, вводили сердечные лекарства, глюкозу, поили вином, чистили обложенные языки, перестилали кровати, обтирали камфорным спиртом уставшие от долгого лежания спины. Кормили с ложечки, поддерживали добрым человеческим словом, писали письма родным, рассказывали о делах на фронте.

...И вот я опять в госпитале Кондратьева: собираю материал для доклада Военному совету о лучших людях, чьими усилиями сделано так много для наших раненых.

Вместе с комиссаром Дранишниковым обходим палаты большого отделения для раненных в живот, разговариваем с персоналом и больными. Сам комиссар чувствует себя плоховато — нарастает одышка. Его внимание привлекло расстроенное лицо одного из молодых бойцов — пулеметчика, раненного под Красным Бором. Он, оказывается, получил письмо из Ленинграда — от голода умерли его мать и сестра, а племянника взяли в детский дом.

Что сказать ему, чем утешить, какими словами смягчить горечь утраты?

— Слезами горю не поможешь, сынок, — тихо сказал пулеметчику комиссар, — кто из нас, блокадников, не потерял своих родных! Возьми себя в руки и быстрее поправляйся. Мы должны за все отплатить врагу...

Дранишников записал адрес бойца, пообещал узнать о судьбе племянника. Солдат несколько приободрился и проводил комиссара благодарным взглядом.

Захотелось выяснить, как работается, как живет моя «крестнице» — старшей сестре госпиталя А. В. Сергеевой.

Ее теперь не узнать. Она бодрa и энергична, алиментарного истощения как не бывало, за стеклами очков молодо поблескивают внимательные глаза. Мы посидели, поговорили, повспоминали общих знакомых по Пушкинской городской больнице, ее сына Дмитрия, который служит сейчас в зенитных частях. Его я знаю еще с колыбели.

В этом же госпитале с недавнего времени появилась и невысокая бледная женщина средних лет, с интеллигентным добрым лицом и пепельными, чуть посеребренными волнистыми волосами. Любовь Леонидовна Волпян, в прошлом член коллегии ленинградских адвокатов, а теперь вольнонаемная сотрудница госпиталя.

Я застала Волпян в комнате за столом, на котором ярко горела начищенная до блеска старинная керосиновая лампа. Вокруг было много раненых. Кружок света падал на раскрытую страницу. Любовь Леонидовна читала о времени, когда еще не было ни железных дорог, ни самолетов, а были кибитки и возки, уносившие в ночь по сибирскому тракту молодых женщин, способных на жертвы и лишения во имя большой любви.

Мы обнялись. Я передала Любаше привет от ее сестры Надежды Волпян, в те дни работавшей в Колпине, и попросила ее не забывать про ужин.

— Это верно, что я не всегда поспеваю к ужину, — спокойно ответила Любовь Леонидовна. — Обязательно кто-нибудь из больных попросит меня рассказать об авторе прочитанной книги. Для меня это самые драгоценные минуты. Весьма сожалею, — продолжала Волпян, — что я не хирург, как моя сестра, а юрист и поле моей деятельности сейчас ограничено чтением раненым. Но мне хочется надеяться, что это приносит кое-какую пользу... Мне однажды один больной сказал, что своим чтением и рассказами я «заговариваю зубы», притупляю боль...

— А это совсем не плохо, — смеясь заметил вошедший в комнату Кондратьев и, обращаясь к Волпян, сказал: — Я вот не умею заговаривать зубы. Я советую при необходимости их удалять. Пойдемте-ка ужинать, а то вы опять за разговорами останетесь голодной.

Мы спустились в полутемную столовую, поели перло-

вую кашу — «шпраннель» и выпили горячий подслащенный чай с черными сухарями, присланными с Большой земли.

Уже при последующих встречах Любовь Леонидовна Волпян, увлеченная своим делом, говорила, что эти контакты с ранеными и больными, когда помимо чтения книг она вела с ними нескончаемые беседы о жизни и отвечала на множество пытливых вопросов, останутся в ее памяти на долгие-долгие годы.

Суп со стеариновой свечкой

Чем ближе к Новому году, тем забот и дел у нас все больше. На Колпинском участке не прекращаются боевые действия, и наши маломощные хирургические госпитали заполнены ранеными.

Наконец-то пришел долгожданный приказ санитарного управления фронта, предписывающий сформировать госпитальную базу армии — несколько двухсоткоечных эвакуогоспиталей и один на тысячу мест для легкораненых. С вводом в действие новых госпиталей значительная часть раненых оставалась в пределах армии и после выздоровления следовала в свои части.

...Развернуть эвакуогоспитали по-прежнему было крайне тяжело. И сестрам, и санитаркам пришлось изрядно потрудиться — таскать воду из невских прорубей, носить кирпичи, складывать печи, скоблить, очищать давно пустующие здания школ... Постоянно недоедая, девушки стойко переносили все невзгоды, делясь скудным пайком с более ослабевшими товарищами.

Помогали жители ближайших к госпиталю домов. Они приносили все, что могло пригодится раненым, — посуду, мебель, книги.

Рабочие Невской заставы тоже считали своим патриотическим долгом помочь госпиталю. Печи, сложенные из кирпича, железные печурки-временки, разборные домики-санпропускники, электродвижки... Всех бесценных подарков рабочих и работниц не перечислить! А главное, у всех нас крепло чувство неразрывной связи военных и гражданских жителей города, фронта и тыла.

Неутомимо работали интенданты госпиталей. Их, хозяйственников, и в мирное, и в военное время чаще поругивали. А они заслужили похвального слова. Израненные в боях нестроевые командиры, а именно ими и были интенданты госпиталей Д. М. Милютин, А. Соколов, А. Н. Финкельштейн и другие, самоотверженно трудясь,

Начальник инфекционного госпиталя № 823 55-й армии майор медицинской службы М. Б. Певзнер.

немало способствовали успешной деятельности своих медицинских учреждений.

Точно в установленные санитарным отделом сроки один за другим доложили о своей готовности к приему раненых госпитали на Куракиной Даче, на улице Ткачей, на проспектах Села Смоленского и Обуховской Обороны, в Белевском переулке у Троицкого поля, у завода «Большевик». В этом огромная заслуга начальников госпиталей Л. И. Кнырко, И. Н. Корнилова, М. Б. Певзнера, П. П. Саксонова, Ц. А. Облонской, И. В. Шеремета, политработников госпиталей С. Д. Голубева, Г. Е. Гроздечника, К. Н. Григорьяна, Н. И. Ивапова-Омского, И. И. Корчагина, И. Н. Матвеева, П. В. Павлинова и других.

И еще один подарок получила санитарная служба. Была введена должность армейского терапевта. Если армейский хирург руководил всей хирургической помощью раненым, то на армейского терапевта возлагалась серьезнейшая задача: координировать работу по оказанию терапевтической помощи больным и раненым в войсковом и армейском районах — в медсанбатах и госпиталях. Раненный в грудь, живот, в конечности нуждается, естественно, не только в хирургической обработке ран, но и в лечении после операции. Разработку системы ухода за больными и их лечения взяли на себя военно-полевые терапевты. Начались поиски новых путей лечения воспаления легких у раненных в грудную клетку, больных к то-

му же алиментарным истощением. На Ленинградском фронте, в условиях блокады, все эти проблемы имели свою неповторимую особенность.

Военврач первого ранга, кандидат медицинских наук, преподаватель Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова Максим Юльевич Раппопорт был назначен к нам армейским терапевтом. Он пешком пришел в село Рыбацкое из Инженерного замка, где размещалось санитарное управление фронта, проделав более двадцати километров. Уже добравшись до завода «Большевик», как он потом рассказывал, внезапно почувствовал такую сильную слабость и головокружение, что с трудом удержался на ногах. Превозмогая слабость, заставил себя идти дальше. Раппопорт был высок, немного сутуловат, очень бледен. Войдя к нам в санотдел, он застывшими пальцами долго не мог развязать концы шапки-ушанки, расстегнуть планшетку. Новиков взял у Раппопорта продовольственный аттестат, посмотрел на часы и торопливо вышел из комнаты.

— Аттестат «прикрепили», земной пищей теперь обеспечены, — сказал он ему, воротясь. — Скоро ужин, не пропустите, отдохните немного, а после ужина зайдите.

С военфельдшером Наташей Валюгиной, моей помощницей, мы пригласили нового нашего товарища к себе на квартиру.

Шел пятый час. Рыбацкое быстро погружалось во тьму. Она наплывала с правого берега Невы. Было очень холодно и ветрено. За поворотом дороги, возле засыпанных снегом трамвайных путей, тяжело рвались снаряды. Идти было недалеко, мы жили подле школы.

Острый луч фонарика «лягушка» осветил небольшую комнату, две железные койки, две табуретки, стол и холодную печурку. Раппопорт устало стянул шалку, вытащил зажигалку, зажег бумагу и березовую лучину. Яркое пламя вырвалось из раскрытой дверцы, лизнуло холодный воздух и разлилось теплом по комнате. Наш гость постепенно согревался, но снять шинель не решился.

— Отдохните немножко, товарищ военврач, — приглашала Наташа. — А я сейчас сбегая в столовую, принесу вам поесть.

Наташа быстро вернулась. В одной руке она держала котелок, от которого поднимался чуть заметный пар, в другой — свечку.

— Спасибо, милая девушка, — поблагодарил Наташу Максим Юльевич. — По правде сказать, я чертовски голоден.

Наташа поставила котелок и уронила в него свечу, жалобно охнув.

Пока искали фонарик, свеча почти вся растаяла, и в комнате остро запахло стеарином.

— Забавно,— сказал спокойно Раппопорт.— Я еще никогда не пробовал супа со стеариновой свечкой. Не огорчайтесь, милая девушка. Я понимаю, что второго ужина не будет, и поэтому сейчас все съем.— Он вытащил из мешка замерзший кусочек хлеба, постучал им об стол и опустил в котелок.

Так мы познакомились. Прошли годы, и мы потом часто вспоминали «суп со стеариновой свечкой».

Раппопорт быстро вошел в наш дружный коллектив. Широко образованный кадровый военный, он часто консультировал наших армейских врачей, много бывал в войсках, умело направлял работу терапевтической службы армии. Его доклады и научные статьи отличались глубиной мысли и четкостью формулировок. Они были посвящены волнующим проблемам того времени: лечению дистрофии, клинической характеристике цинги — и открывали целую серию работ военных терапевтов медсанбатов и госпиталей, с которыми они выступали на конференциях и которые публиковали в медицинских сборниках.

Новый 1942 год мы встретили в семье учительницы средней школы села Рыбацкого Ольги Сергеевны. Муж и сын нашей гостеприимной хозяйки погибли от дистрофии. Дочь удалось спасти.

Часы пробили полночь.

С Новым годом, наши боевые друзья! С Новым годом, наши близкие, родные в Ленинграде и за пределами осажденного города! Мы будем крепко держаться, трудиться, чтобы приблизить победу над врагом.

Наша хозяйка не в силах сдержать слез. С 25 декабря увеличили норму выдачи хлеба гражданскому населению — рабочим и ИТР на 100 граммов, всем остальным — на 75 граммов. Может быть, именно этих граммов и не хватило ее сыну и мужу, чтобы выжить...

Вспомнилось, как днем ко мне с видом заговорщика подошел армейский инфекционист Романенко. По привычке потирая руки и поглаживая редкие поседевшие волосы, он сообщил о своем потрясающем успехе: убил ворону!

— Уверяю вас, к новогоднему столу это не так плохо.

— Но... Николай Николаевич...

— Э, матушка, все это предрассудки! Ворона как ворона! Не хуже другой птицы. Я ее приготовлю с перцем,

лавровым листочком и назову «пуляркой», — шутил Романенко, потешаясь над моей брезгливостью.

В противотанковых рвах в новогоднюю ночь стояла настороженная тишина. Изредка постреливали. Яркие горели морозные звезды.

«Бесследно увяли вражеские мечты штурмовать Ленинград. Мужество и стойкость ленинградцев не знают предела», — писала «Правда» в первый день нового года.

Это было давно...

У всех нас в замерзшем, но борющемся городе остались родные и близкие. Им было труднее, чем нам. Один раз в неделю кто-нибудь из нас выбирался в город, чтобы развезти по домам небольшие пакетики продуктов — плод нашей жестокой экономии. Но иногда наша помощь запаздывала. Мне не забыть почерневшее, землистое лицо начальника политотдела тыла 55-й армии батальонного комиссара Каганова. Вечером он вернулся из города, зашел в санитарный отдел и сказал нам: «Мои родители умерли, я приехал слишком поздно».

У меня в Ленинграде остались мама и тетя. Одной было около шестидесяти лет, другой — без малого семьдесят. Мама работала в поликлинике, тетя — во 2-й психиатрической больнице. Там же она с октября и жила. Внешне очень разные, они обе отличались сильным характером. И по-настоящему верили, что фашисты никогда не войдут в Ленинград.

В горячей сутолоке непрерывных дел мне редко удавалось выбираться к ним. Я очень беспокоилась о матери. Лишь 19 января сорок второго, после длительного перерыва, я смогла вновь повидать маму. Это был день ее рождения. Стоял настоящий крещенский мороз, с ветерком. Я доехала попутной машиной до Невского, а оттуда пешком пошла на Васильевский остров. Во всех направлениях по замерзшей Неве были протоптаны тропинки, чернели свежие воронки. И чем ближе к стоявшему на Неве крейсеру «Киров», тем воронок было больше. Когда я подошла к нашему дому на 6-й линии, заметно стемнело. Старый двор-колодец, раньше такой оживленный, теперь казался безмолвно-настороженным. Через плотно занавешенные окна не проникала ни одна щелочка света.

Поднявшись по крутой темной лестнице на третий этаж, я открыла дверь своим ключом. Луч фонарика вспыхнул на заледенелых окнах кухни, щепках и поленьях на полу.

Ко мне бросилась мама. Она прижалась мокрой щекой к моей замороженной шинели, что-то шепча. Через несколько минут я уже сижу у жарко горящей печурки. Бурлит, закипая, вода в старом чайнике.

— Сегодня день твоего рождения,— говорю я маме и обнимаю ее, глажу побелевшие, пушистые кудри. В горле стоит ком. Мама не то, чтобы стала очень худой, она как-то сразу сделалась очень маленькой. Я вручаю ей подарки: одеколон «Руслан и Людмила», купленный в военторге, несколько кусочков засохшего хлеба, собранных за десять дней, мыло, граммов сто сахара, черные сухари, свечу.

— Хлеб и сахар тебе нужнее, ты молодая,— говорит мама.— Как все, так и я. У нас в поликлинике всегда есть дрожжевой суп, а это совсем неплохо, в домоуправлении можно взять кипяток...

Мама смотрит на меня своими выразительными, проникающими в душу глазами и улыбается. У ее ног трется наш старый кот и неотступно следует за ней по пятам. У кота отвисли бока, но так же, как и раньше, до войны, воинственно щетинятся длинные усы.

Кота зовут необычно. Не Барсик или Мурзик, не Пушок, а Фосген. В его имени и судьбе сыграли роль некоторые обстоятельства.

Это случилось на пятом курсе. Мы готовились к сложному экзамену по токсикологии боевых отравляющих веществ. С волнением и жалостью к животным — кроликам, бездомным кошкам — наблюдали будущие врачи за действием иприта, люизита, фосгена на живой организм.

Весной, незадолго до экзамена, мальчишки принесли и продали на кафедру молодого кота. Мы упросили ассистентку не подвергать его опытам с ипритом. Для изучения кожно-парывного действия иприта я предложила использовать... свою руку.

Ассистентка доложила об этом заведующему кафедрой, видному ученому-токсикологу профессору Владимиру Михайловичу Карасику. Профессор зашел к нам, посмотрел на притихших студентов, потом на кота, уже сидевшего под большим прозрачным колпаком, погладил свою черную бороду и разрешил поставить опыт на моей руке. Уходя, добавил, что кот будет подарен тому, кто лучше всех сдаст экзамен.

...На кожу внутренней поверхности предплечья левой руки нанесена капелька боевого иприта. Через несколько часов появился пузырек. Когда он лопнул, осталась мокнувшая поверхность. Она углубилась, преврати-

лась в болезненную, долго не заживающую язвочку. Памятью о ней на моей руке остался белесый широкий рубец.

Ни один предмет я не учила столь тщательно, как токсикологию. Сдавала ее дважды. Получив наконец пятерку с каким-то «хвостиком», была награждена большеглазым тигровым котом, названным по предложению группы Фосгеном. Он стал общим любимцем в нашей квартире, но свое сердце безраздельно отдал моей матери. С ним она делилась своим скромным пайком, и он вместе с ней пережил блокаду.

...Мы сидим с мамой обнявшись в нашей десятиметровой комнате. Окно плотно закрыто старым одеялом, неяркое пламя печурки освещает мамино доброе, живое лицо. Она гладит Фосгена и смотрит на меня. Я перестаю дрожать, согретая теплом родного очага, но стрелки часов идут и идут. Через полчаса я должна уходить. Мама рассказывает о своей работе в поликлинике, о блокадном житье-бытье.

— Не думай обо мне, не беспокойся. Я не опускаюсь. Приношу воду из Невы, каждый день умываюсь, поддерживаю порядок, иначе нельзя. Если ослабить волю — жизни конец, а она даже теперь прекрасна! Как же будут жить люди, когда кончится эта война! И ты держись! Помни: побеждает в жизни тот, кто хочет, а не тот, кто может.

В тот вечер я поздно вернулась в Рыбацкое. Неяркий свет подфарников ощупывал дорогу пустынного проспекта, бывшего Шлиссельбургского тракта. В ледяных заводских цехах рабочие делали оружие для фронта, печурки для госпиталей, чинили военное имущество и санитарные носилки, повозки, ремонтировали танки. На проспектах Села Смоленского, Обуховской Обороны, Деревни Мурзинки встречались редкие прохожие, попался военный патруль. На нечищенных панелях навеки уснули те, кто в дни ленинградской блокады потерял последние силы. С Невы к узким щелям подфарников тянулся млечный путь снежинок.

Через несколько дней я перебежала по деревянному обледенелому мосту через Пряжку и вошла в проходную 2-й психиатрической больницы. Пожилая женщина в овчинном полушубке и в противогазе впустила меня в больничный двор, на котором виднелись свежие воронки от снарядов, и указала дверь, ведущую в подвал.

В небольшой полутемной комнате, заставленной аппаратурой, сидела моя тетья в стеганом ватнике, надетом

поверх халата, и через стекла очков смотрела в окуляр микроскопа. От горевшей свечи на стеклышко падал слабый луч света. Она оторвалась от микроскопа и, увидев меня, обрадованно протянула замерзшие руки с узловатыми пальцами.

— Всем сейчас трудно, — говорила тетя. Ее исхудалое лицо с высоким прозрачным лбом было непоколебимо спокойно. — Понимаешь, наши пациенты особого рода. Сегодня днем уже были две воздушные тревоги. В это время мы должны уводить больных в бомбоубежище, но попробуй увести шизофреника, кататоника. Упираются, кричат, не идут. А сил у нас маловато...

Я смотрела на нее, теперь такую хрупкую, высохшую, с гладко зачесанными назад, будто выгоревшими добела, прямыми волосами. За старомодным пенсне мигали близорукие зеленоватые глаза под покрасневшими припухшими веками. В черных широких зрачках метался огонь блокадных плашек, скупо освещавших рабочий стол, пробирки, реактивы, микроскоп, книги по психиатрии.

Вдруг настоящее куда-то отошло. Будто приоткрылись наглухо затворенные створки моей памяти. Теперь до моего сознания доносились лишь ее отдельные слова. Я увидела себя девятилетней на перроне Московского вокзала в Петрограде в туманное холодное утро двадцать первого года. Мои взрослые попутчики вывели меня на площадь.

Какой необыкновенной она мне показалась! Из конца в конец мчались экипажи с седоками, пробегали одновагонные трамваи. Это было необычайное зрелище!

— Вот твой трамвай, — сказал мне попутчик. — Поезжай на Каменноостровский проспект. Спросишь Песочную улицу, да не потеряй адрес. Прощевай, значит!

Короткий ноябрьский день угасал, когда, вдоволь насмотревшись, поблуждав, я завернула на Песочную, подошла к серому двухэтажному старинному особняку и робко нажала на кнопку звонка.

Дверь бесшумно открылась, и на пороге появилась приветливая старушка в ослепительно белом халате.

— Кого ты ищешь, девочка? — спросила меня старушка.

— Тетю...

Она задала мне еще несколько вопросов, и через несколько минут, не веря, что настал конец моим блужданиям, я вошла в скромно обставленную комнату на третьем этаже. С фотографии на стене на меня посмотрели живые глаза дяди Володи. Я почувствовала себя дома.

Скрипнула дверь. В комнату быстрыми шагами вошла женщина средних лет в темном строгом костюме. За стеклами пенсне ласково улыбались глаза. Тетя обняла меня, прижала к себе.

— Наконец-то ты приехала. Но как же так, одна... Где твои вещи?

На полу лежал небольшой узелок, вместивший все мое имущество. Тетя перехватила мой взгляд, кашлянула, взяла за руку и повела умываться.

Началась новая жизнь.

Тетя, доктор медицинских наук Д. И. Пескер, была одним из создателей единственного в стране Воспитательно-клинического института для нервнобольных детей, его главным врачом. Первую половину дня она работала во 2-й психиатрической больнице, а вторую половину дня отдавала детям. Шефом института, его научным руководителем был известный ученый, профессор Владимир Михайлович Бехтерев. Не только взрослые, но и воспитанники института, и мы, дети сотрудников, радовались посещениям Бехтерева. Далеко по этажам разносился его окаяющий сочный баритон. Красивая голова с подстриженными по-купецки волосами и окладистая седеющая борода, щедрая, ласковая улыбка оставили в детской памяти неизгладимый след.

Ушло детство. Я уже не «поддежуривала» в дни тетиних дежурств у «Николая Чудотворца», как раньше называли 2-ю психиатрическую больницу на Пряжке, а сама работала медицинской сестрой, помощником санитарного врача.

— Ты обязательно должна учиться дальше,— твердила мне тетя.— Иди на вечерний факультет.

Я подала документы, но, прежде чем стать студенткой, работала в больнице на сыпняке и заболела. Только молодость помогла перенести тяжелую болезнь да... тетя, не отходившая от меня все две недели вплоть до кризиса. Не зря в народе сыпной тиф зовется «головным». Мучительные головные боли, тяжкий бред надолго приковали меня к постели.

Коротко остриженная, я переступила порог аудитории. Шел тридцать второй год. Начинался первый курс. Первые лекции, первые волнующие впечатления.

Нам, вечерникам, было нелегко. Мы все работали. Приходили на лекции и семинарские занятия после дежурств, многочасовой работы. Служебными обязанностями не пренебрегали. Стипендию не получали.

Через короткое время мы поняли, как велика разли-

ца между высшей и средней медицинской школой. Перед нами раскрылись интереснейшие проблемы общебиологического характера, прозвучавшие в лекциях профессоров анатомии, гистологии, биологии, химии.

— Не бойтесь, не пасуйте перед обилием материала. Читайте, учите, и вы быстро овладеете знаниями,— говорили нам наши преподаватели.— Надо только продержаться первый курс. Как сдадите анатомию, так сразу легче станет.

Первый курс подходил к концу. Неудержимо сокращался срок, отделявший нас от первого экзамена по анатомии. Я занималась на дежурствах в больнице, в поезде, медленно идущем из Детского Села до Ленинграда.

Ночи, почи... Как коротка июньская ночь! Но в глазах песок, в голове туман. Последнюю ночь перед экзаменами нас, несколько человек вечерников, служитель по нашей просьбе запер до утра в анатомичке.

Страшнее всего для нас... зубы. Их так много на длинной проволоке, закрученной обручем,— спутать очень легко. Тогда прощай мечта о втором курсе. Профессор Ошкадеров обязательно протянет обруч с зубами. Кто-то подает светлую мысль спрятать зубы. Предложение принято с энтузиазмом. Зубы спрятаны надежно... в дымоходе. Нас поблагодарят все группы.

Анатомия сдана! Счастью нет предела. В трамвае номер 6, везущем нас на Васильевский остров, резко запахло формалином. Им пропиталась вся наша одежда, волосы, все мы пасквозь. Вагоповожатая громко чихает и закрывает нос рукой, смотрит на нас с неммым укором. И люди вежливо встают, когда мы садимся рядом. Но кто сказал, что формалин отвратительно пахнет? Он лучше любых духов, когда в матрикуле вполне хорошая отметка за первый сданный экзамен. И этот экзамен — анатомия! Впереди вырисовывается второй курс.

Последующие годы сменялись незаметно. Каждый год в разгар белых ночей мы учили, читали, запоминали. Медленно взрослели. Уже не прятали зубы на проволоке. Только изредка пользовались шпартгалками...

В марте тридцать восьмого мы сдали последний государственный экзамен.

В последний раз весь курс — нас более шестисот человек — собрался в Доме учителя на свой торжественный выпуск. Здесь были и «утренники» — вчерашние школьницы, и вечерники — умудренные опытом медицинские сестры, лаборанты, фельдшера. Все мы теперь врачи. У

всех своя дорога. И одна общая. Мы служим своему народу.

Более двух часов продолжался концерт звезд. Выступали С. П. Преображенская, И. М. Нечаев, Г. Уланова, М. Неллеп. В первом ряду — организатор безгонорарного концерта, наш любимый профессор Михаил Дмитриевич Тушинский, бессменный врач Театра оперы и балета имени С. М. Кирова.

Мы расходимся под утро и клянемся встретиться через тридцать лет...

Тетя, когда-то представительная, строгая, теперь иссохшая от голода, но сильная духом старушка. Жизнь смягчила ее характер. Глаза потеплели. Вероятно, в детстве я доставляла ей немало забот и огорчений. «Но жизнь — не те дни, что прожиты, а те, что запомнились».

— Большие изменения наступают в белках крови при алиментарном истощении. Это очень интересное явление. Ты слышишь меня? О чем ты думаешь?

Слабый голос тети вернул меня в реальный мир. Все стало на свои места. Створки памяти наглухо закрылись. Я взяла из ее дрожащих рук несколько листков, исписанных ее характерным крупным почерком. Только буквы, когда-то ровные, четкие, теперь кривились, косились и поровили упасть.

На заглавном листе название работы: «Клиническое и биохимическое исследование крови при алиментарном истощении». Это научное исследование, начатое в блокаду в отсеках сводчатого подвала 2-й психиатрической больницы при огарке свечи, было потом опубликовано.

День подходил к концу. Мне надо уходить. Воздушные тревоги следовали одна за другой. Снаряды неслись будто над головой, разрывались на набережных Мойки и Пряжки, на канале Крунштейна. На деревянном мосту упала женщина. Из ее холодеющих рук выпала сумка, а оттуда на снег вывалился кусочек хлеба. Я подбежала к ней. На меня смотрели широкие немигающие зрачки. На них ложилась снежинка.

Пустыми глазницами смотрели когда-то светлые окна блоковской квартиры.

Военфельдшера

Колпинский участок фронта до середины декабря 1941 года считался относительно спокойным. В ноябре бои шли у устья реки Тосны, откуда части нашей армии пробивались навстречу войскам, наступавшим с Невского плацдарма. Но успеха эти бои не принесли.

В декабре 1941 года войска 55-й армии под командованием генерала В. П. Свиридова перешли в наступление, имея задачей овладеть поселком Красный Бор и станцией Ульяновка, перехватить основную магистраль, питающую вражескую мгинско-синявинскую группировку, а затем развивать наступление на Тосно навстречу войскам Волховского фронта, двигавшимся к Ленинграду с востока.

Ударная группировка 55-й армии продвинулась до северной окраины поселка Красный Бор. Фронт вражеской обороны прогнулся, но не дал глубокой трещины. Чтобы не допустить прорыва наших войск к станции Ульяновка, фашисты перебросили на свои позиции под Красным Бором новые силы и предпринимали непрерывные контратаки. Войскам 55-й армии пришлось перейти к обороне.

Выдвинутые в Колпино на время наступательной операции медсанчасти полков сразу попали в тяжелую обстановку, так как гитлеровцы держали город под непрерывным артиллерийским огнем.

Снаряды рвались на улицах, пробивали стены и кровли домов. В доме на Красной улице, где расположилась

санчасть 213-го полка 56-й дивизии, снарядом пробило крышу, завалило только что организованную перевязочную кусками штукатурки, щебенки, разбитой посуды. На первый раз, к счастью, обошлось без жертв. Но некоторое время спустя у крыльца этого дома разорвалась мина, осколком которой тяжело ранило в ногу военфельдшера Веру Дудину, а другим осколком оторвало кисть правой руки у медсестры Нины Никифоровой.

На той же Красной улице находилась и другая медчасть — 37-го полка 56-й дивизии. Здесь принимали раненых врачи М. И. Кулебякин и К. И. Саутина. Во время артиллерийского обстрела Саутину ранило и контузило.

Не повезло и санчасти 184-го полка той же дивизии, принимавшей раненых на улице Труда. Мина пробила стену дома, разметала медицинское имущество. Начальник медснабжения полка старший военфельдшер Екатерина Ефимова получила тяжелую контузию, но осталась в полку до конца войны.

А многим военным медикам приходилось действовать непосредственно на поле боя.

В последнюю неделю декабря после тяжелого перехода занял траншеи за Колпином 2-й батальон 184-го полка. Всю ночь перед наступлением командир санитарного взвода батальона военфельдшер Владимир Конухин провел в траншеях вместе с бойцами роты. А утром, когда началась атака, пошел следом за атакующими.

У подбитого танка на снежной равнине лежал, уткнув лицо в снег, комбат старший лейтенант Литвинов. «Может, ранен». — подумал Конухин, подполз к Литвинову, повернул его на спину и увидел широкие бездонные ямки. Комбату уже не поможешь... На истоптанном поле, насколько хватал глаз, бежали и лежали солдаты в шинелях, полушубках, маскхалатах. Конухин издали заметил, как упала, разбросав руки, военфельдшер Наталья Михайлина. Он быстро пополз к ней и обрадовался, увидев, что Наташа зашевелилась и стала отползать к ложине, тяжело переваливаясь с боку на бок.

В тот же день тяжело ранило командира санитарного взвода 1-го батальона ветерана дивизии военфельдшера Константина Степанова... Много выходило из строя медиков. Им на смену приходили другие, тут же оказывали раненым первую помощь, вытаскивая их из зоны огня в укрытие. А затем отправляли в полковую санчасть.

Командир санитарного взвода 213-го полка 56-й дивизии старший военфельдшер Иван Куратов, как и Кону-

хин, выдвинул свой батальонный медпункт к самому переднему краю.

Около полудня 23 декабря невдалеке от Красного Бора тяжело ранило командира роты лейтенанта И. Дзюбу. Когда Куратов подполз к нему и приступил к перевязке, внезапно почувствовал острый толчок. Ранило и его. Закружилась голова, и военфельдшер упал в окровавленный снег. Напрягая силы, Куратов пополз, чтобы выбраться из зоны обстрела. Но в пути его догнала вторая пуля, которая прошила коленный сустав. От острой боли Куратов потерял сознание. А когда очнулся, увидел и на всю жизнь запомнил голубоглазую Аннушку Кузнецову — военфельдшера 1-го батальона. Она перетянула ему ногу жгутом выше колена и прокричала на ухо:

— Ползи, Ванюша, сколько сможешь.

А сама стала пробираться к другим раненым.

Он полз, оставляя за собой кровавый след. От жгута нога онемела, застыла. Руку он тоже плохо чувствовал. Временами впадал в забытие.

Пришел в себя Иван Куратов в санчасти, куда его притащила Кузнецова. Увидел он здесь и военфельдшера Володю Конухина, который перевязал его раны, напоил горячим чаем.

Из медсанбата, где внимательно осмотрели раны Куратова, его отправили во фронтową госпиталь. Но санчасть не забыла своего верного товарища. Как только Куратову стало легче, его забрали «домой», в Колпино.

Колпинские медсанбаты

Вслед за своими медсанчастями в Колпино вошли и медсанбаты нескольких дивизий. Путь их проходил через железнодорожный переезд, мимо контрольно-пропускного пункта и вел на улицы безлюдного фронтowego города. Одни медсанбаты въезжали на территорию Ижорского завода, другие — в многоэтажный серый Дом инженерно-технических работников, в Дом партийного просвещения или в школу. Устраивались на земле и под землей, нередко в нескольких десятках метров от полковых медицинских пунктов. Такое приближение медсанбатов к санчастям полков противоречило принятым правилам, но условия тех дней требовали поступать именно так.

Дальняя транспортировка резко ухудшала состояние раненых, усугубляла шок, увеличивала кровопотери и нередко вела к преждевременной гибели. Поэтому санитарный отдел и принял решение максимально выдвинуть

вперед медсанбаты с их сильным коллективом хирургов. Старшим хирургам при этом было рекомендовано обратить особое внимание на тщательную сортировку раненых, оперировать на месте всех, кто в этом срочно нуждался и кому была противопоказана транспортировка.

Дом инженерно-технических работников в Колпине в течение двух лет был главной операционной армией.

Еще в начале октября 1941 года, когда в Колпине действовал лишь один медсанбат 90-й дивизии, санитарный отдел выдвинул на линию полковых медпунктов полевой хирургической госпиталь № 2237. Его новый начальник, военврач третьего ранга З. С. Эпельбаум, по старой специальности акушер-гинеколог, бывший командир роты медсанбата ополченческой Московской дивизии, быстро организовал в отсеках подвала этого дома отделения госпиталя: перевязочные, операционные, приемные, небольшой стационар. Для бесперебойной квалифицированной помощи раненым санитарный отдел армии направил туда половину хирургов и сестер автохирургического отряда.

В подвалах дома хирургической госпиталь принимал раненых, а на втором этаже развертывала операционную и перевязочную группа медиков из 268-й дивизии — ее полки занимали оборону за Колпином. Основное отделение медсанбата осталось в Понтонной, куда перевозили из Колпина всех, кому врачи передового отделения медсанбата делали неотложные операции.

В дни советских праздников фашисты обстреливали город с удесятеренной силой. Так было и 7 ноября сорок первого, когда сорвало часть крыши и пробило перекрытия между вторым и третьим этажами, но, к счастью, на втором этаже, где был медсанбат, никто не пострадал.

В тот день начсанарм был в Колпине и дал указание командиру медсанбата 268-й дивизии Банщикову перевести всех раненых на основную базу медсанбата и не позже следующего дня уйти из Дома инженерно-технических работников. Санотдел принял решение впредь на этажах этого дома медицинских учреждений больше не размещать, сосредоточив оказание хирургической помощи только в подвальном помещении.

Внимание Банщикова привлек бездействующий кинотеатр «Луч». Его старинной кладки кирпичные стены казались достаточно надежными, а просторное фойе могло служить неплохим стационаром. Приемное же отделение и операционную Банщиков решил разместить в палатках.

*Начальник санитарной службы
72-й стрелковой дивизии полковник
медицинской службы
К. П. Алексеев.*

Вычистили помещение, поставили железные печурки, стеллажи, носилки. К концу вторых суток санотдел получил письменный рапорт комбата о готовности к работе.

Из полков и батальонов дивизии начали доставлять раненых, обмороженных, ослабленных и больных. Много поработали в те дни в Колпине врачи И. С. Хоменко, Н. И. Ильина, М. В. Орлова и помогавшие им медицинские сестры. Вечером обработанных раненых переправляли в Понтонную.

Прошло три-четыре дня, и во время обстрела Колпина вражеский снаряд пробил угол здания кинотеатра. Над ранеными, лежавшими на носилках, пронеслись осколки. Больше всех пострадал сам комбат. Взрывной волной его пивырнуло на землю.

Сознание вернул испуганный крик врача Ильиной: «Пожар!»

Банщикова вскочил на ноги и бросился к тлеющей палатке.

Вечером бледный, с головной болью, он приехал к нам в санитарный отдел. Было решено полностью вывезти медсанбат 268-й дивизии из Колпина в Понтонную, а полковые медпункты усилить армейским транспортом. Мы долго и безуспешно уговаривали Банщикова лечь на несколько дней в госпиталь. Как-никак его контузило, но он наотрез отказался, сказав, что отлежится в своем медсанбате...

Через некоторое время и хирургический госпиталь ушел из Дома ИТР. Единственным хозяином этого дома на долгие месяцы стал военврач второго ранга Константин Петрович Алексеев, возглавлявший последовательно санитарные службы 125-й, а потом 72-й дивизии. В медсанбатах этих дивизий, в Доме ИТР, постоянно бывали представители санитарного отдела, все время работали группы усиления, а иногда и весь хирургический отряд вместе с армейским хирургом.

...В подвале не определишь: ночь сейчас или день. Слабо горят прикрученные фонари, освещение от движка подается только в операционные и перевязочные.

Воздух спертый, душно. В коридоре на скамьях и стульях, носилках и топчанах лежат и сидят раненые. У некоторых подсыхают гипсовые повязки — таких в холодное время стараются не эвакуировать. График работы при больших поступлениях раненых обычно шестнадцатичасовой. При восьмичасовом отдыхе. Но практически все отдыхают не более 5—6 часов. Когда много раненых, старший хирург вызывает запасные бригады врачей и сестер. Такой уплотненный график у операционных столов, да еще при весьма слабом питании, при нехватке кислорода, тяжел для всех. Но неутомимо работали в подвалах Дома ИТР М. А. Могучий, Г. М. Фрадкин, Б. Н. Аксенов, Ф. М. Беленицкая, Н. Л. Волмян, Б. И. Копелювич, С. Н. Ситник, Е. Я. Сабуров, Л. Л. Либов.

Поражала своей исключительной работоспособностью и преданностью делу старшая операционная сестра Мария Эдуардовна Ковалевская. Не было случая, чтобы группы усиления, выезжая в медсанбаты, не имели при себе запаса стерильных шариков, салфеток, простыней, полотенец, медицинского инструментария. Ни артиллерийский обстрел, ни бомбежка — ничто не могло помешать уже немолодой женщине, участнице двух войн, старшему воеффельдшеру Ковалевской строго и придирчиво проверять качество стерилизации, готовить аппараты для переливания крови, разворачивать операционные и, что самое главное, учить молодых сестер всему тому, что она сама узнала за долгую жизнь.

Долгие часы отдавали медицинские сестры Е. Васильева, Ю. Дегтярева, М. Иванова, А. Соколова, В. Маршания и другие приготовлению стерильного материала, нарезая многие сотни больших и малых марлевых салфеток, тампонов, треугольников. Только они, хирургические сестры, умели в сложной боевой обстановке мгновенно наводить свой особый, неповторимый хирургический порядок.

Мне часто приходилось бывать в Доме ИТР, видеть их всех, моих старых товарищей по двум войнам, на боевых постах у операционных столов, возле носилок с ранеными, пакладывавших большие гипсы, мывших усталые, опаленные спиртом и йодом, истертые щетками руки, отдыхавших за скромной едой, пивших крепчайший перепревший чай с куском хлеба или черным сухарем. Видала я за операционным столом и главного врача Колпинской больницы Александра Николаевича Хрусталева. Он был до предела загружен в своей больнице, заполненной больными и ранеными колпинцами, но умел найти силы и время, чтобы оперировать еще и раненых бойцов.

Военврач Надежда Волпян как-то говорила мне, что, стоя за операционным столом, нередко теряет представление о времени. О наступлении утра напоминает ей лишь резко нарастающее чувство усталости, когда иссякают последние силы. Она отдавала работе не менее шестнадцати часов. Отдых — всегда тревожный, настороженный; в любую минуту Волпян была готова прервать его и вновь отправиться к постулавшим раненым.

Двери Дома ИТР практически никогда не закрывались — через них то вносили раненых, то выносили. Закрывались они только тогда, когда бушевал артиллерийский обстрел, чтобы осколки не влетели в подвал. Санитары и сандружинницы различных частей, воевавших на колпинской земле, фельдшера, врачи — все хорошо знали этот дом, стоявший на семи ветрах, на пересечении дорог, ведущих к близким и далеким противотанковым рвам, где окопались наши бойцы.

Когда же фронт на короткое время затихал (а это было по вечерам и ночами), во двор дома въезжали большие утепленные санитарные машины. Начиналась эвакуация раненых. Она проходила четко, организованно, в сжатые сроки. Одних раненых подвозили к санитарному поезду, стоявшему у переезда, других везли в специализированные армейские госпитали.

Уезжали машины, и серый дом снова замирал. Ни одна щелочка света не просачивалась из подвала, где ни на мгновение не прекращалась работа. Круглосуточно стучали движки, освещая операционное поле, руки врачей и сестер в резиновых перчатках, бледные лица под марлевыми масками, усталые покрасневшие глаза.

Запомнился уходящий зимний день, когда, выполняя задание санитарного отдела, я посетила санчасть 37-го полка 56-й дивизии. Быстро темнело. Возвращаясь, я попала под минометный обстрел. Только успела вбежать в

подвал Дома ИТР, как мина разбила стоявшую возле дома порожнюю санитарную машину.

В приемном отделении я застала начсандива К. П. Алексеева, мирно беседующего с женщиной в темном зимнем пальто. Это был председатель Колпинского горсовета Александр Васильевич Анисимов.

— Шел мимо и решил заглянуть на огонек, — говорил он, приглаживая густо посеребренные волосы. — Вижу, медикам скучать некогда, — невесело улыбнулся он, поглядывая на ряды носилок.

— Это верно, ни скучать, ни отдыхать некогда, — грустно согласился Алексейев. — В наш медсанбат идет большой поток раненых. Хирурги чертовски устали. В операционных проводят без малого сутки, а когда сменяются, не могут заснуть...

Собеседники долго молча смотрели на пламя, бушевавшее в печке.

— Случилось что-нибудь, Константин Петрович? — спросила я, заметив необычное для Алексеева угнетенное состояние. Тот кивнул и протянул донесение о потерях медиков дивизии, среди которых значилось и имя его друга, старшего врача 466-го полка Алексея Вигдергауза. Он погиб на глазах Алексеева. Вместе с военфельдшером Ковалевым они в тот день втроем возвращались из противотанковых рвов, и уже в Колпине Вигдергауза смертельно ранило.

— Горько все это, — сказал Анисимов и встал. — Много погибает людей в Колпине и среди гражданского населения. Они погибают, как солдаты, у станков и на пути домой.

Прощаясь, Анисимов предложил:

— У нас на складе есть немного легкого вина. Может, подбросить его раненым для подкрепления? Как на это смотрит медицина?

— Весьма положительно, — поторопился ответить Алексейев, которому это предложение явно пришлось по душе.

— Тогда давайте двух санитаров с санками, только таких, чтобы по дороге не стали вино дегустировать. Пришлю бочонок, его хватит раненым, и даже уставшим докторам с начсандивом останется. Прощайте, друзья!

— Не прощайте, а до свидания, — серьезно поправил гостя Алексейев.

Анисимов поднял воротник и, подсвечивая себе под ноги, вышел из подвала.

Александр Васильевич Анисимов был передким гостем в наших медицинских учреждениях. Он обходил город, предприятия и учреждения, как заботливый хозяин. Помогал санитарной службе, чем мог. Словом и делом. То подскажет, где расположить медсанчасть или медсанбат, то раздобудет топливо или распорядится выделить койки и другое необходимое имущество.

В первую военную осень и зиму в помещениях ряда цехов Ижорского завода, в лаборатории и заводоуправлении развертывались медсанбаты 43, 56, 70-й дивизий. Последний, 21-й медсанбат занял механический цех и лабораторию, проработав в них 35 зимних дней.

Заметно вырос и окреп коллектив врачей, среди которых были известные ленинградские хирурги кандидаты медицинских наук Л. Е. Рухман, Д. К. Хохлов, терапевты А. И. Абезгауз, Л. А. Тимченко.

Н. Никифоровский, В. Каверина, Е. Штромвассер стали настоящими военно-полевыми хирургами, работали уверенно, со знанием дела.

Четко организовала эвакуацию раненых из больших палаток эвакуотделения военврач второго ранга Галина Чуб.

Когда я пришла сюда после Нового года, в механическом цехе, разгороженном простынями, на нескольких столах шли операции.

За плотно закрытыми ставнями тяжело ударил снаряд. Закачалась и замигала аварийная лампа. Старший хирург медсанбата Рухман продолжал спокойно обрабатывать большую огнестрельную рану бедра, перевязывать сосуды. Закончив операцию, он сел на табурет у столика сестры и положил на колени руки с вздувшимися венами. Так отдыхают рабочие после тяжелого физического труда.

Я подошла к нему, поздоровалась. Увидела его запавшие глаза и отекавшие ноги.

— Ничего, это пройдет, — сказал Рухман. — На живом все заживет, а вот Алешка Чаусов не вернется. Вы ведь знали нашего командира медсанбата хирурга Чаусова?

...Это случилось в конце октября 1941 года. 21-й медсанбат сдал раненых, свернул палатки, ожидая приказа о переходе из 42-й в 55-ю армию.

Командир медсанбата Чаусов предложил Рухману использовать передышку и навестить своих в городе. У обоих в Ленинграде были жены и дети. Врачи быстро

оформили отпускные удостоверения и двинулись пешком. Как назло, дул порывистый встречный ветер, и они с трудом добрались до проспекта Обуховской Обороны. Тут Чаусов вскочил в трамвай номер 7 и помахал рукой своему спутнику.

Некоторое время спустя трамвай номер 24, на котором ехал Рухман, нагнал на Старо-Невском разбитый, попавший под обстрел вагон «семерки». Врач соскочил с подножки и, мучимый дурным предчувствием, побежал вперед. Он еще успел увидеть Чаусова. Тот лежал на носилках без кровинки в лице: нога, перетянутая жгутом, была неестественно повернута в сторону. Расширенные зрачки смотрели на него в упор.

...Рухман замолчал. Я пожала его руку. Потеря друга — вечно не заживающая рана.

Мы подошли к операционному столу, куда только что положили раненного в грудь сержанта.

Он лежал на столе бледно-серый, неподвижный. Дыхание было редким и поверхностным. Пульс едва уловим. Когда сестра разрешила рубашку и сняла повязку, стягивавшую грудь, мы увидели в области левого соска небольшую ранку. Из нее медленно стекала струйка потемневшей крови. Похоже было, что ранено сердце. Но только ли оно?

Врач Тимченко, повернувшись к сестре Поляковой, распорядился немедленно поставить систему для переливания крови и кровезамещающей жидкости. Полякова побежала выполнять распоряжение. Другая сестра измерила у сержанта артериальное давление и растерянно сказала:

— Верхнее — пятьдесят, нижнее — двадцать, едва-едва...

Единственный шанс для спасения — немедленная операция. На предварительную подготовку к ней времени тратить было нельзя. Дали эфирный наркоз. Обескровленный, ослабленный больной через несколько минут заснул.

По вскрытии грудной полости слева мы увидели напряженный, практически неподвижный перикард — околосердечную сумку, заполненную кровью. Перикард был вскрыт, кровь и сгустки удалены. В области левой половины слабо сокращавшегося сердца была ранка 1 на 0,5 сантиметра, из которой била струйка крови, усиливаясь при слабых толчках сердца. При более детальном осмотре оказалось, что в этой ранке виден кусочек металла — осколок. Это обстоятельство было, по-видимому, спасительным для больного: с одной стороны, осколок ранил

сердце, с другой — препятствовал более сильному излиянию крови.

Не составляло труда удалить осколок, что и сделал Тимченко. Захватив кусочек металла длинным пинцетом, он положил его на столик возле инструментов. А ранка была тщательно зашита. В вену между тем медленно поступали кровь и кровезамещающие жидкости.

Сержанта бережно сняли со стола и повезли на каталке в угол цеха, к разогретой грелками кровати. Рядом, держа в руке систему для переливания крови, шли сестра Полякова и санитарка Настя Тихонова. Тимченко ополоснул холодной водой лицо и руки, надел чистый халат и маску. Он молча посмотрел на небольшой острый осколок металла, извлеченный из сердца, завернул его в марлевый тампон и сказал, что, когда сержанту полегчает, отдаст этот «сувенир» ему.

— Изолированное ранение сердца у нас третье,— сказал Тимченко.

— Не третье, а пятое,— поправил его Рухман и назвал фамилии всех пяти раненых и даты всех этих редких операций.

Мы еще раз подивились его феноменальной памяти.

Я не видала многих врачей медсанбата с сентябрьских дней сорок первого, когда медсанбат уходил из пушкинского Арсенала. Женщины-врачи выглядели здоровыми. Мужчины, особенно немолодые, поразили худобой, бледно-серым цветом лиц, отеками, набрякшими веками. Сразу было видно: алиментарное истощение протекало у мужчин много тяжелее, чем у женщин.

...Это чисто практическое наблюдение нашло теоретическое обоснование на второй научной конференции терапевтов фронта в январе 1942 года, обсудившей клинические проявления болезни, связанной с недостаточным питанием, ее профилактику и лечение.

При одной и той же физической нагрузке, при одинаковых условиях, в одной и той же возрастной группе заболели алиментарным истощением в первую очередь мужчины и только спустя некоторое время — женщины. Их организм, предназначенный давать жизнь потомству, оказался более стойким к лишениям, более сильным биологически, чем мужской. Выяснилось также, что особенно расположены к алиментарному истощению люди высокие, худые, астенического склада, у них чаще развивалось резкое истощение, не поддающееся лечению. Люди

*Начальник санитарной службы
45-й гвардейской дивизии майор
медицинской службы П. Г. Ев-
сеев.*

полные значительно худели, но были больше склонны к отечной форме.

Последняя встреча с 21-м медсанбатом в Колпине у меня состоялась в феврале сорок второго, незадолго до выхода дивизии из нашей армии. Командиру медсанбата военврачу второго ранга Павлу Григорьевичу Евсееву было явно не по душе пребывание медсанбата на Ижорском заводе. Об этом он не раз говорил в санитарном отделе:

— Каждый день кого-нибудь из медиков ранит: не на месте стоит медсанбат. Крайне велика нервная нагрузка...

С доводами Евсеева пельзя было не согласиться. Выдвижение медсанбатов на линию полковых медсанчастей было оправдано на короткий срок, и то лишь исключительными обстоятельствами. Теперь же вряд ли целесообразно было держать медсанбаты чуть ли не под вражеским прицельным огнем. Но переводить медсанбат в Понтонную или в Усть-Ижору не пришлось. Дивизия уходила на другой участок Ленинградского фронта...

Я взяла наградные листы и другие документы о лучших людях медицинской службы и собралась уехать, но Евсеев меня задержал, сказав, что на КП у переезда исправляют дорогу, разбитую снарядами, и не пропускают машины.

...Принесли на носилках раненного на улицах Колпи-

на старшего врача артполка Германа Лебедева. Комбат послал за отдохавшими на втором этаже медицинскими сестрами Лелей Поляковой и Лидой Смирновой. Девушки побежали по лестнице вниз, а в это время на их кровать, пробив перекрытие в потолке, упал снаряд. Он, к счастью, не взорвался.

Из полковых медсанчастей вернулся начсандив Буков, которого в санотделе частенько называли «начсанбуком». Был он почему-то очень мрачен, много курил и без конца вышагивал по узкому проходу между койкой и столом. Вконец расстроили его посещения батальонных медпунктов — опытных санитаров и санитарных инструкторов оставалось все меньше.

— Надо собирать крупицы их огромного опыта, — сказал Буков сердито. — Смекалисто действуют. Вот вам пример. В старой траншее их без конца обстреливали, и раненого было не пронести. Тогда они в глубоком снегу параллельно старой сделали новую траншею и пробирались по ней во весь рост...

На столе у Букова лежала готовая к печати рукопись — доклады к очередной конференции военных медиков. Среди них — научная статья Рухмана, посвященная ранениям грудной клетки. Я полистала ее. По данным автора, у раненых преобладали осколочные ранения. У многих осколки поразили оба легких. Значительно реже, но все же встречались одновременно ранения и грудной клетки, и брюшной полости. В докладе ставились принципиальные вопросы действий хирурга при этих сложных ранениях.

Рядом с работой Рухмана лежала еще не законченная статья самого Букова «О некоторых аспектах работы медсанбата в зимних условиях».

Как это бывает между старыми товарищами, мы, попив чайку, стали вспоминать былое. Не забылась финская кампания. Заснеженный лес на Карельском перешейке, вражеские мины-ловушки, прикрытые каской или саперной лопаткой. Вспомнили добрым словом комдива 123-й полковника Федора Федоровича Алябышева. Буков тогда был тоже начсандивом. Полевая рентгеновская станция, которую я возглавляла, работала в медсанбате этой дивизии во время боевых действий под Выборгом. Моим помощником был молодой сержант, умело совмещавший обязанности и шофера нашей трехосной рентгеновской машины, и рентгентехника, и электрика. Снимки, которые мы делали в полевых условиях, помогали диагностике сложных ранений и повреждений. Один из

первых рентгеновских снимков мы сделали раненному в руку комдиву Ф. Ф. Алябышеву.

Помню тринадцатый день марта сорокового года. Он на всю жизнь запечатлелся в памяти.

Сменившись утром после ночного дежурства, мы, врачи, отдыхали в палатке на меховых одеялах, разостланных поверх еловых веток, густо покрывавших пол. Наш комбат, мой бывший сокурсник Иван Григорьевич Ушаренко, предусмотрительно поставил палатку под защитой огромного валуна, поросшего с северной стороны густым мхом. В расщелине валуна когда-то поселилась и теперь тянулась к солнцу тонкая елочка.

Артиллерийская дуэль в тот день началась рано, и с каждым часом огонь все нарастал. В палатку принесли свежую почту, несколько посылок. Их тут же вскрыли. Все было общим.

Мы пытались уснуть, но вой летевших снарядов прогнал сон окончательно. Внезапно палатку рвануло. Раздался близкий резкий разрыв снаряда.

— Вы живы? — кричал комбат, пробираясь к нам сквозь разорванную палаточную стену. — Крепко вам повезло! Снаряд ударил в валун, и осколки отлетели вправо и влево. Посмотрите, что произошло...

Мы выбежали из палатки и увидели на нашем валуне лишь небольшую вмятину. Справа же, буквально в нескольких метрах от нашей палатки, лежали убитые наповал двенадцать лошадей артдивизиона.

Близился полдень. В медсанбат приехал начсандив Буков. Он отвел в сторону комбата Ушаренко и что-то ему тихо сказал. Заметно повеселевший комбат быстро ушел в штаб, а начсандив уехал.

Мы между тем заметили, что молодые артиллеристы из полка корпусной артиллерии, стоявшего недалеко от медсанбата, укрывшись за стволами старых елей, старательно начищали пуговицы и пояса. К чему бы это? Раненых все несли. Артиллерийская дуэль становилась все яростней.

Ровно в полдень внезапно замолкли орудия. Оборвалась артиллерийская дуэль. Стало очень тихо.

— Ура-а-а-а! — вдруг донеслись до наших палаток дружные голоса артиллеристов гаубичного полка.

— Ура! — загремели артиллеристы корпусной артиллерии слева.

И в это время раздалась команда:

— Медсанбат, на построение! Конец войне!

Еще дымились воронки. Санитары вели и несли ране-

ных. Медсанбат свертывался и готовился к последнему переходу в Выборг.

День стоял солнечный, какой бывает в наших широтах в марте. С елей тихо падали снежные пушинки. В лесу обрадованно и победно стучал дятел. А история уже отсчитывала время на часах недолгого мира. И никто из нас тогда не знал, сколько спокойных дней отделяло нас от новой войны...

На следующий день начсандив Буков выехал на рекогносцировку под Выборг. Связной вернулся с дурной вестью: лошадь, на которой поехал Буков, наступила на мину. Буков слетел с лошади и был контужен. Из ушей шла кровь.

123-я дивизия входила тогда в 50-й корпус. Начсанкором был военврач первого ранга Федор Федорович Булгаков, человек представительный, отменно любезный. Под стать Булгакову был и его помощник, военврач второго ранга Криштоф. Никак ему было не приучить себя к четкому военному языку — в свои устные доклады он неизменно вставлял лишние словечки. Когда ранило и контузило Букова, на вопрос комдива, что же случилось с начсаном, Криштоф по телефону доложил:

— С вашего разрешения, я извиняюсь, начсандив налетел на мину...

— Я ему этого не разрешал! — серьезно ответил полковник Алябышев.

Буков, несомненно, был одним из наиболее инициативных и образованных работников санитарной службы нашей 55-й армии. Чувствовалась хватка научного работника. Личная храбрость и ответственность сочетались в нем с душевной простотой и сердечностью.

Перед уходом 70-й дивизии из 55-й армии были произведены перемещения: начсандивом назначили командира медсапбата П. Г. Евсеева, а на его место — Д. К. Хохлова. Буков оставался в нашей армии начальником головного отделения полевого эвакуопункта. На этой большой работе, связанной с эвакуацией раненых из войскового района в госпитали армии и фронта, на какое-то время нашла выход его активная натура. Но и эта работа его, видимо, не целиком удовлетворяла, потому что произошло непредвиденное...

Как-то глубокой ночью в Военный совет армии были вызваны начсанарм Гофман и военком Павлинов. Они прибыли на стадион завода «Большевик», где тогда раз-

мещался командный пункт армии, и вошли в большую землянку командарма В. П. Свиридова. Тут же в приемной они увидели Букова и его комиссара Соколовского.

— Что случилось, почему вы здесь? — спросил начсанарм.

Оба встали, как провинившиеся школьники. Буков выглядел смущенным.

— Товарищ начальник, — после мгновенного замешательства ответил за обоих старый большевик полковой комиссар А. Соколовский. — Мы подали заявление в Военный совет с просьбой направить нас на строевую работу.

«Это все Буков, — решил Гофман, — ему нужен оперативный простор», — а вслух сказал:

— Плохо, если вы, руководители большого и важного армейского медицинского учреждения, считаете свою работу ненужной, второстепенной.

— Вы же знаете, товарищ начсанарм, какая убыль в командном составе, а мы сильные, здоровые... — объяснял Буков.

Командарм не поддержал просьбы Букова и Соколовского.

— Мы понимаем ваш порыв и благодарим за службу, — сказал им генерал Свиридов. — Но сейчас не гражданская война! Для того чтобы командовать батальоном, нужны специальные знания, подготовка. Их у вас нет. Вы, военные медики, дело свое знаете и весьма полезны на своем месте...

Близился рассвет, когда медики покинули землянку командующего.

— Высыпать бы вам на орехи, чтобы рапортов не писали через голову своих прямых начальников и нас по ночам не тревожили, — сказал Иван Васильевич Павлинов. И добавил насмешливо: — До свидания, товарищи командиры стрелковых батальонов! До встречи утром в санитарном отделе.

На следующий день Гофман потребовал от меня списки и характеристики на выдвижение руководящего медсостава и удовлетворенно качнул головой, прочитав развернутую характеристику на Букова.

— Надо двигать его дальше. У него сильные крылья. Ясная голова. Он будет хорошим начсанармом.

И действительно, спустя несколько месяцев Букова отозвали в санитарное управление фронта, затем в Москву. Из его письма мы узнали, что он получил назначение на Калининский, затем на Степной фронт, стал начса-

ном 13-й армии. Закончил он войну на немецкой земле. Крупным армейским госпиталем в той же 13-й армии руководила и подполковник Г. С. Чуб (жена Букова).

Но и на берегах Эльбы не забывал Буков Неву, ленинградские белые ночи, Тайцы, колпинские медсанбаты, землянку командарма, тревожные блокадные ночи и дни на переднем крае и в ближайшем тылу.

Подлинными ветеранами Колпина были, несомненно, медики 107-го медсанбата 56-й дивизии.

Разве когда-нибудь ими забудутся напряженные дни и часы в операционных, ощущение ни с чем не сравнимого счастья, когда обескровленные, резко ослабленные раненые, доставленные с передовой в состоянии шока, после их длительных усилий оживали.

107-й медсанбат пробыл на Ижорском заводе 135 суток. Они слились в один незабываемый отрезок жизни, полный тревог за вверенных раненых и много меньше — за свою судьбу.

Колпинские дни и ночи 107-го медсанбата — это десять прямых попаданий вражеских снарядов в здание второго механического цеха, где был расположен медсанбат, медицинские вахты под огнем, невозполнимые потери друзей и боевых товарищей.

Когда медсанбат еще находился на Петровской набережной, в доме под номером 2/4, и в помещении детского садика в Болдыревом переулке, он эпизодически попадал под артиллерийские обстрелы. Здесь же, на Ижорском, эпизодической, неправдоподобной была кратковременная тишина.

Да, трудно было жить и работать в таких условиях. Но когда из полков привозили раненых, у которых едва теплилась жизнь, и время на их спасение измерялось минутами, ни у кого не возникало сомнения в том, что медсанбат работает именно там, где ему и надлежит быть. В дивизии любили свой медсанбат, раненые верили его врачам, неохотно уходили в госпитали армии.

— Нет ничего прекрасней, чем сознание честно выполненного врачебного долга, — часто повторял своим младшим товарищам командир операционно-перевязочного взвода М. Я. Ильин. Сам он работал в любой обстановке уверенно, спокойно.

В Колпине в любую минуту можно было ждать беды, но каждый раз она все же приходила неожиданно-негаданно.

Командир операционно-перевязочного взвода 56-й стрелковой дивизии военврач 2-го ранга М. Я. Ильин. Погиб в феврале 1942 года на Ижорском заводе.

8 февраля 1942 года комиссар медсанбата батальонный комиссар Антонов провожал летучку с ранеными и ушел только тогда, когда поезд благополучно отошел от Колпина в армейский тыл.

— Словно гора с плеч,— откровенно радовался Антонов, покидая свой пост. Он очень устал: ведь несколькими днями раньше его ранило в голову. Сам комбат обрабатывал раны комиссара, решительно отказавшегося от госпитализации.

Вернувшись в медсанбат после проводов летучки, батальонный комиссар, согретый горячим чаем, вызвал к себе на совещание несколько человек. Едва они уселись вокруг столика Антонова, начался ожесточенный обстрел заводской территории; один из первых же снарядов пробил стену комнаты, обрушив на сидевших камни.

Всех их положили вместе — старшего хирурга Ильина, комиссара Антонова, врача Мартсена, рядового Терехова. Над раскрытой могилой жёпа Мартсена медсестра Бойцова заявила тогда:

— Я отказываюсь от зарплаты до конца войны. Пусть мои скромные сбережения пойдут на усиление мощи Красной Армии.

— Тяжело мы переживаем эту утрату,— говорил над свежей могилой павших командир медсанбата Александров, и на его низко опущенную обнаженную голову ложились крупные хлопья снега.— Погибшие были заме-

чательными людьми, большими патриотами. Всем нам будет их очень недоставать.

Вражеские снаряды падали совсем близко от раскрытой братской могилы и подавленных горем людей.

На помощь медсанбату наш санитарный отдел направил группу усиления Л. Л. Либова, проработавшую там более месяца. И каждый раз, попадая на Ижорском заводе под артиллерийский налет, Либов и Аксенов невольно вспоминали дни и ночи в дивизии Бондарева на берегах Ладоги, медицинские палатки, продырявленные, как решето.

В создании и сплочении коллектива медсанбата была немалая заслуга безвременно ушедшего из жизни старшего хирурга, бывшего преподавателя Военно-медицинской академии Михаила Яковлевича Ильина.

Вскоре после описанных событий, снова оказавшись в медсанбате Александрова, я спросила знакомых медсестер Славиковскую, Любимову, Пеньковскую, Вязьменскую, Токленок, не хотят ли они вернуться в институт для завершения образования.

— Еще не время,— ответила Вязьменская.— Мы еще мало поработали.

— Мы остаемся! — резюмировала Наташа Славиковская, милая девушка с припухшими, подсиненными от сердечной недостаточности губами. «Ей-то нельзя тут жить и работать»,— подумала я, но промолчала.

— Не в сорок втором, так в сорок третьем студенты старших курсов будут обязательно откомандированы в институты,— сказала я на прощание девушкам и подарила им газету «Комсомольская правда», в которой было напечатано взволновавшее меня стихотворение.

Славиковская пододвинула лампу. На газету упал кружок света. Мы сели вокруг стола, Наташа начала читать:

Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола как слеза...

Чувствовалось, что девушкам очень понравилось стихотворение Алексея Суркова. Как замороженные, они повторяли про себя:

До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти четыре шага...

Заплакала Бойцова, жена погибшего врача Мартсена. Всем нам казалось, что стихотворение написано здесь, на Ижорском, где в печке горят такие же смоляные дрова...

К концу января сорок второго года активные боевые действия на участке 55-й армии постепенно затихли. Если раньше в условиях суровой зимы из ста человек, доставленных в медсанбаты, восемьдесят были ранены пулями или осколками и лишь пятнадцать-двадцать — больны, то к февралю положение в корне изменилось. Раненых в медсанбаты поступало куда меньше, но втрое увеличилось число больных воспалением легких, кишечными расстройствами. Из-за низкой сопротивляемости организма раны заживали долго, нередко загнаивались, силы прибывали медленно.

Отличные дубленые полушубки, валеные сапоги, теплое обмундирование, в которое одела своих защитников страна, не всегда предохраняли от простудных заболеваний. Не спасали порой мазь и присыпка от обморожения, получившие столь широкое распространение на фронте. Причиной низкой сопротивляемости организма были блокадная дистрофия и растущий авитаминоз.

В колпинских медсанбатах оседали тяжелораненые, которых нельзя было перевозить. И только мужество и великое мастерство врачей медсанбата сохранило многим жизнь.

Новая тактическая обстановка потребовала от санитарного отдела армии нового плана размещения полевых санитарных учреждений. Вывести из Колпина одновременно все медсанбаты не представлялось возможным. Это следовало делать постепенно, но как можно быстрее.

Военный совет армии утвердил новый лечебно-эвакуационный план, по которому медсанбаты прибывавших в армию дивизий не заходили в Колпино, а развергивались на правом берегу Невы, ставили палатки в лесу, в районе Веселого поселка, речушки Оккервиль, — в местах, ныне столь хорошо знакомых ленинградским новоселам.

После ухода в Невскую оперативную группу 70-й дивизии, перемещения в колпинскую больницу медсанбата 43-й дивизии, на Ижорском заводе, часто подвергавшемся вражескому артиллерийскому обстрелу, оставался лишь медсанбат 56-й дивизии. Люди его, вместе со своим деятельным и неутомимым комбатом Александровым и энергичным интендантом капитаном Марашем, вооружившись кирками и ломом, долбили мерзлую землю на кирпичном заводе «Победа», строя в нескольких километрах от Колпина укрытый под землей медицинский городок. Если вопреки всем трудностям удалось возвести этот городок, да еще в сжатые сроки, то только благодаря крепкой сплоченности замечательного коллектива.

Уже говорилось, что еще с осени на улице Ленина, в каменном двухэтажном здании, занимаемом до войны Домом партийного просвещения, поселился 26-й медсанбат 90-й дивизии. Он стоял в стороне от Ижорского завода, и его предполагалось вывести из Колпина во вторую очередь, но жизнь внесла свои коррективы...

Старшина Овчинников

В начале февраля я побывала в госпитале для раненных в голову на правом берегу Невы, где встретила знакомого санинструктора 952-го полка 268-й дивизии старшину Овчинникова, приехавшего из Колпина навестить земляка, которого он вынес в январе с поля боя.

В госпитале только что закончился обед. Час отдыха, в который раненых не полагалось беспокоить, я провела с Овчинниковым. Рассказывал он просто и интересно. Слушая его, я мысленно прошла с ним темной безлунной ночью от окраины Колпина к противотанковому рву, где ожидали помощи наши раненые бойцы.

...По открытой местности, минуя запорошенные рыхлым снегом ходы сообщения, в кромешной тьме ползли трое. Резкий северный ветер обжигал лицо, перехватывал дыхание. Вперед вырвался военфельдшер Сергей Крылов, а ползущий за ним молодой санитар часто припадал к земле, при каждом шорохе вздрагивал и замирал.

Яркий пучок света скользнул по равнине и равнодушно прошелся по распластанным и замершим на снегу людям.

— Пропали! — прошептал молодой санитар, вцепившись дрожащими руками в мерзлую землю.

— Молчи! — прошипел санинструктор Овчинников.

— Боязно! А как увидит...

— Очень ему такой дурак нужен!

Некоторое время лежали молча. Когда тьма вновь все поглотила, поползли дальше.

Минут через сорок добрались до той части противотанкового рва, что расположена севернее Красного Бора, между Московским шоссе и Октябрьской железной дорогой. Первым в ров скатился Крылов и коротко свистнул. Санинструктор и санитар последовали за ним. Мигающий свет фонарика осветил прижавшихся друг к другу раненных. Послышались приглушенные возгласы и стоны.

— Помогите, совсем помираю, ноги не чувствую!

— Пить дайте, дышать нечем...

— Заждались, полдня лежим!

— Санитар, чего стоишь! Помоги подняться!

Военфельдшер вынул из сумки повязки и пузырек с жидкостью. Пошарив, он из какого-то тайника вытащил шину, оставленную прошлой ночью, и привычными ловкими движениями стал накладывать повязки. Посмотрев на светящийся циферблат, Крылов озабоченно рассудил: «Десять часов. Всех сразу не забрать».

— Берите двух тяжелораненых и уносите,— приказал он санинструктору и санитару.— Я останусь здесь до вашего возвращения. Не задерживаться. Понятно?

— Все ясно, товарищ военфельдшер,— ответил Овчинников и, обращаясь к санитару, распорядился:

— Лешка, бери раненого и клади на плащ-палатку, да прихвати автомат. Да не бойся ты, слышишь? Ползи смело за мной, а я потащу вон того.— И он показал рукой на бойца с окровавленной повязкой на лице.

Обратный путь был более долгим и опасным. Приходилось ползти медленней, дышать было тяжело. Санитарная сумка, автомат, лямки плащ-палатки оттягивали плечи. Раненые нет-нет да и стонали от острой боли.

Наконец добрались до цели. За поваленным, засыпанным снегом деревом их ждал санитар с небольшой повозочкой на колесах.

Тут только санинструктор Овчинников разглядел того, кого тащил, и от изумления невольно отшатнулся.

— Так это же Илья Иванцов из разведроты,— воскликнул он.— Илья, ты слышишь меня, узнаешь?

Раненый в ответ глухо застонал, в горле у него заклокотало. Овчинников почувствовал, как спазмы сжали ему горло.

— Коли жив буду, обязательно отпрошусь проведать.— И он с мужской неловкостью провел рукой по колючей щеке Иванцова. И вдруг ему мучительно захотелось узнать, где они, эти безусые парни и бородатые отцы семейства: вытащенные им и его товарищами из траншей и оврагов, из разбитых танков и машин в такие вот ночи и дни, когда, казалось, в целом мире нет ничего, кроме пурги и трассирующих пуль. Боясь расчувствоваться, Овчинников стал гнать от себя столь не ко времени возникшие мысли. Быстро откинув полог палатки, он отстегнул флягу и глотнул из нее без всякого удовольствия, потом вытащил потертый кисет и смастерил замысловатую самокрутку для себя, а вторую, поменьше, для санитаря. Тот с опаской посмотрел на своего сумрачного товарища, но отказаться не посмел. После неловкой затяжки закашлялся.

— Эх ты, Лешка, Лешка! Совсем теленочек! Ладно, брось ее к черту! На лучше, подкрепись.— И он протянул санитару краюху хлеба и кусочек сахара.

— Не возьму я, товарищ старшина. Ешьте сами.

— Не возражай, парень, бери, коль приказывает старший.

Выждав несколько секунд и убедившись, что Леша принялся закусывать, стал рассказывать:

— А знаешь ли ты, браток, что впереди противотанкового рва, где мы только что с тобой были, в сорока метрах от гитлеровцев, под железнодорожной будкой окопались наши солдаты! Их прозвали фодосеевцами — по имени ихнего лейтенанта. Как стемнеет, к ним ползут подносчики пицци и наши медики. Днем туда никак не добраться, да и ночью очень опасно — легко сбиться и прямо во вражескую траншею загреметь. А приползут наши к фодосеевцам, накормят, напоят, перевяжут и, кого надо, на себе потащат назад. И кто все это делает, знаешь? Головой качаешь — неизвестно тебе. Так я скажу. Санитары эти — не хлопцы, как мы с тобой, а девчонки. Одну, помню, звали Машей, других Надей, Ниной... Вот только фамилии их позабыл, — сокрушенно покачал головой старшина.— Вот такие дела, браток. Девчонки эти на поверку оказались и смелее, и выносливее, и хитрее нас, мужиков. Ни черта не боятся!

Внимательно всмотревшись в худого бледного санитаря, Овчинников, застегивая полушубок, вдруг предложил ему:

— Устал ты чертовски. Может, взять вместо тебя кого другого? По-первости достаточно и одного раза.

— Что вы, товарищ старшина! — испуганно воскликнул санитар.— Разрешите мне пойти вместе с вами.

Усталые чистые глаза паренька впились в Овчинникова и смотрели просительно.

— Ну, коли так, пошли...

...Овчинников, закончив свой рассказ, встал, оправил гимнастерку, пригладил желтую и красную нашивки за ранения, провел сильной, широкой ладонью по коротко остриженным волосам.

— Пришел я проведать дружка: как он здесь? Да, видно, возвращаться придется, не повидавшись. Порядки здесь строгие. Надо успеть поспать часок-другой и ночью идти в роту.

Я пошла к заместителю начальника госпиталя военврачу Ц. А. Облонской. Сердечная, приветливая, она вышла к старшине и сама отвела его в палату, где лежал

Иванцов. В большой комнате стояло двенадцать коек. На всех лежали раненые с повязками на лицах. Медицинские сестры Ираида Шур и Анна Ивановна Роосон, держа чайники в руках, кормили раненых — осторожно вливали в чуть приоткрытые рты теплое молоко, чай.

Иванцов полулежал в среднем ряду на приподнятых подушках. Нижняя челюсть была укреплена металлической шинкой. Из нагромождения бинтов и повязок на нас глянули большие страдальческие глаза. Он узнал Овчинникова, зашевелился и крепко сжал его руку.

Я вышла из палаты, взволнованная рассказом Овчинникова и встречей боевых друзей. Разыскала хирурга Александру Степановну Спивак. Она принимала Иванцова, оперировала его и помнила, в каком тяжелом состоянии он был доставлен в приемное отделение госпиталя — с огнестрельным ранением челюсти, языка, головы. Через несколько дней его состояние осложнилось воспалением легких. Но сейчас Иванцов поправлялся. Вот уже пошла вторая неделя, как температура стала нормальной, раны очищались, заживали. Металлическая шинка держала в состоянии покоя раздробленную челюсть.

Вскоре Овчинников покинул палату, поблагодарив врача и сестер за доброе лечение и ласковый уход за товарищем. Он был счастлив, что сдержал данное себе слово и навестил одного из тех, кого вынес темной ночью из злополучного противотанкового рва.

В День Красной Армии

Вот и 24-я годовщина Красной Армии. Кончается тяжелейшая зима. Ленинградцы — и горожане и военные — ждут весны, солнца, тепла, дальнейшего облегчения положения, прежде всего продовольственного. Ленинград стоит непоколебимо.

Для меня день 23 февраля сорок второго года — очень памятная дата. Один день вместил множество незабываемых впечатлений.

Утром вместе с полковником Иваном Васильевичем Павлиновым, заместителем начсанарма по политчасти, я выехала в Колпино. Часов с десяти гитлеровцы повели интенсивный обстрел города. Снаряды беспорядочно падали на улицах, у железнодорожного переезда, на коротком отрезке шоссе параллельно заводской стене. Случилось и такое: на крыльцо деревянного дома, где рас-

положилась санчасть 56-й дивизии, упал вражеский снаряд, проломил крыльцо, откатился и... не взорвался.

Днем противник вел огонь по Ижорскому заводу и окрестным улицам.

— Начсанарм торопит с переездом из Колпина, — сказал комбат Александров, — но как уйдешь, когда к нам несут тяжелейших раненых. Транспортировать их невозможно — погибнут. Вот и сегодня доставили тяжело раненого сержанта. Осколок задел легкое, сердце. Его сейчас оперируют.

Когда мы зашли в операционную, над раненым склонились врачи Либов и Аксенов. Операция близилась к завершению.

...Рука хирурга в тонкой резиновой перчатке осторожно приподняла сердце. На самой его верхушке темнела небольшая ранка. По крупным сосудам, синевшим по поверхности, толчками пробегала кровь. Вынимая из окологердечной сумки сгустки крови и мелкие осколки, Либов сказал:

— Мы сделали все, что могли.

Выслушав сообщение сестры: пульс 58 ударов в минуту удовлетворительного наполнения, врачи обрадовались.

Операция закончена. Либов и Аксенов сняли больного со стола, закрыли его одеялом... Из-за неплотно сжатых розоватых губ доносится приторный запах эфира. Бледное лицо в испарине.

— Чудо! Волшебное мастерство, — восхищенно говорил Иван Васильевич Павлинов, снимая в предоперационной белый колпак. — Вернули человека с того света. — Он вынул из брючного кармана большой платок и вытер пот, выступивший на голове и побледневшем лице. — Я не медик и впервые видел живое человеческое сердце. Честно скажу: мне стало не по себе, когда вы, Леонид Леонидович, просто и обыденно зашили на нем дырочку.

— Вот для таких, как этот сержант, который наверняка бы погиб в сантранспорте по дороге в госпиталь, мы и живем и работаем в Колпине. Все же скоро переедем на Кирпичный завод, только не уверен, будет ли там спокойнее.

В операционной боролись за жизнь человека, а в другом помещении тем временем шла подготовка к вечеру самодеятельности.

— Народ у нас закаленный, ему никакой обстрел не страшен, — сказал Александров, и опять что-то забытое,

озорное промелькнуло на его резко исхудавшем и побледневшем за зиму лице.

Перед ранеными готовились выступать те, кто их оперировал, лечил, помогал переносить страдания.

Тепло простившись с медсанбатовцами и пожелав им «ни пуха ни пера», мы вышли за ворота.

— Толковый этот Александров, все у него спорится, — сказал после небольшого молчания Иван Васильевич Павлинов. — И хирург сильный, и организатор отличный. Широкая у него дорога...

...Вражеские снаряды опять разрываются вблизи заводских построек. Воздушные волны накатываются на больничные стены. Позже один из снарядов пробил стену, и в комнату ворвались ледяной ветер, снег, на кровати раненых посыпались осколки, куски штукатурки. Сестры и врачи выносили раненых из разбитой палаты, устраивали на новом месте, успокаивали.

В тот день был повторно ранен еще не долечившийся политрук 708-го полка 43-й стрелковой дивизии С. В. Гольверк. Попал он сюда в очень тяжелом состоянии недели две назад. Жизнь едва теплилась в его израненном теле. Артериальное давление упало столь критически, что старший хирург медсанбата М. К. Грекис решил немного поднять давление, а потом уже начать операцию.

Операция шла напряженно. Грекис и ассистировавший ему Либов зашили рану легкого и не сразу нашли в диафрагме небольшое рваное отверстие, пробуравленное мелкими осколками.

Прошло десять дней, и политрука, доставленного в медсанбат в состоянии, близком к клинической смерти, поставили на ноги, возвратили к жизни во фронтовом Колпине, в сотнях метров от передовой. И вот новое ранение 23 февраля на госпитальной койке в медсанбате. Политрук потом долечивался в одном из армейских госпиталей, навсегда сохранив чувство огромной признательности ко всем, кто принимал участие в его судьбе.

Проведя весь день в Колпине, вечером я отправилась на машине с ранеными в Ленинград, на улицу Льва Толстого, в Первый мединститут. Меня просили приехать на торжественное собрание, рассказать о питомцах института, с которыми довелось встречаться на фронтовых дорогах.

В историческом зале имени Ленина, насквозь промерзшем, сидели преподаватели института и студенты, надев на себя все теплое, что каждый из них имел. Со-

брание вел крупный мужчина с седеющей копной волос и открытым, приветливым лицом — профессор И. Д. Страшун, известный историк медицины, старый большевик, назначенный директором института вскоре после начала войны.

Среди знакомых врачей, занявших места в президиуме собрания, сидела небольшая остроносенькая женщина, закутанная поверх пальто в большой белый оренбургский платок. Я ее никогда раньше не видела. На маленьком худом лице выделялись умные пронизательные глаза под припухшими веками.

Я рассказала собравшимся, в каких условиях работают в Колпине воспитанники института, о своих многочисленных встречах с врачами и выпускниками института Аграчевым, Гультяевым, Марковым, Кавериной, Рухманом, Резниковым. О студентках — сестрах медсанбатов Вязьменской, Пеньковской, Любимовой, Славиковской, которые отказались вернуться к прерванной учебе, считая, что их долг быть на фронте, разделять с товарищами и горечь больших страданий и теплоту боевого содружества.

— Где бы ни служили врачи Первого мединститута, — говорила я, — в стрелковых, танковых частях, в авиации или на флоте, они честно и достойно представляют родной институт. Многие уже награждены орденами и медалями.

Сказала и о том, что наши врачи с гордостью повторяют имена своих учителей, стремятся походить на них и внести свою, пусть малую, лепту в коллективный опыт военной медицины.

Вечер закончился поздно. Я зашла в клинику госпитальной хирургии, где работала до войны. В палатах и коридорах полумрак. Всюду больные и раненые. Холодно и голодно.

Странно все-таки устроено наше сознание. Почему-то в настуженном рентгеновском кабинете мне вдруг вспомнилась вступительная лекция одного профессора на третьем курсе.

— Что такое здоровье? — спросил он у аудитории.

Мы вежливо промолчали.

— Это изоония, изотермия, изоосмия, — глубокомысленно и учено сказал профессор.

Нам стало не по себе. Что-то очень неясно...

— Что такое болезнь? — спросил опять профессор и сам ответил: — Это такое состояние, когда нарушается соотношение между изоонией, изотермией и изоосмией...

...Интересно, какая у меня сейчас изоония и изотермия да еще изоосмия?

Знобит от холода и усталости. Тошнит от голода. Ломит затылок и болит голова. И очень хочется побыстрее вернуться в армию, в село Рыбацкое.

Я вышла на Карповку, подошла к большому эвакуационному госпиталю и около двенадцати ночи вернулась на санитарной машине к себе, где меня поджидали Наташа, чай, комочек каши и черный сухарь.

Из того памятного вечера навсегда сохранилась еще одна волнующая встреча. После окончания торжественного собрания ко мне подошла незнакомка из президиума и, улыбнувшись, спросила — пишу ли я?

Я ответила, что кое-что записываю, собираю письма военных лет, фотографии военных медиков.

— Обязательно пишите, — сказала мне женщина в платке. — Все, что вы говорили, чрезвычайно интересно. Потом о днях блокады люди будут собирать сведения по крупицам. Я тоже немного пишу... Заканчиваю поэму. Она будет называться «Пулковский меридиан». Это о Ленинграде, о блокаде. Когда она будет закончена и опубликована, я подарю ее вам. Я беру с вас слово обязательно писать. До свидания! Мы еще свидимся!

Как читатель догадался, «женщиной из президиума» была известная поэтесса Вера Михайловна Инбер. Потом я узнала, что она была женой профессора И. Д. Страшуня и всю блокаду жила в Ленинграде.

Вера Михайловна выполнила свое обещание и подарила мне «Пулковский меридиан» — героическую поэму о героическом времени.

Весна

Приближалась долгожданная весна сорок второго. Она принесла надежду, что солнышко если не накормит, то согреет измученных непосильными тяготами ленинградцев. Под его лучами исчезли снежные траншеи, укрывавшие раненых, и леги рядом с пароконными повозками теперь непригодные для работы легкие лодочки-волокуши.

Но весна принесла не только тепло. Весна забрала остаток сил. К началу марта почти у каждого третьего бойца кровоточили десны, на теле у многих появилась мелкая темная сыпь, опухли и болели, как у стариков, коленные суставы. Это была цинга.

При обычном режиме жизни к весне истощается витаминный запас в организме. Как же он должен исто-

щаться при усиленной физической нагрузке в условиях войны, голода, блокады!

В эти дни вся деятельность санитарного отдела была направлена на то, чтобы не допустить в армии цинги и других авитаминозов, нередко вызывавших серьезные кишечные расстройства. В войска чаще обычного выезжали эпидемиологи и инфекционисты. Действовал строжайший приказ санитарного отдела: при первых проявлениях болезни немедленно изолировать заболевшего в инфекционные госпитали.

Ежевечерне краткие сводки-донесения превращались в строгую эпидкарту. Сведения тщательно уточнялись, составлялся оперативный план на следующий день. В конце каждого дня начсанарм докладывал о положении дел Военному совету армии.

За большой работой мы не заметили, как отошли суровые морозы. Стало заметно теплее. На оголенных ветках деревьев собирались стайками голодные взъерошенные воробы, пережившие блокадные осень и зиму.

Неизбежного прихода цинги весной 1942-го ждали, к ней готовилась система продуманных мер органами здравоохранения — военными и гражданскими. Уже в феврале на армейский санитарный склад стала поступать аскорбиновая кислота и другие лекарства для активной борьбы с авитаминозами. Но аскорбиновой кислоты, конечно же, не хватало для населения Ленинграда и войск. И ученые-медики посоветовали обратиться за помощью к лесу. Ведь при сравнительно несложной обработке из зеленых иголок хвои можно готовить отличный кисленький напиток, содержащий значительное количество аскорбинки. Она поможет одолеть цингу.

Помню раннее весеннее утро сорок второго. Резче обычного бросаются в глаза побледневшие за зиму одутловатые лица моих товарищей. У многих мужчин среднего возраста неожиданные огорчения: расшатались и выпали дотолпе не болевшие зубы. Это все авитаминоз. На борьбу с ним направлены все наши усилия.

В марте в инфекционный госпиталь № 823 на всеармейский семинар по борьбе с цингой и другими авитаминозами срочно собраны начсандивы, командиры медсанбатов и санитарные врачи. Среди прибывших вижу Д. И. Банщикова, А. И. Юровского и В. А. Букова, К. П. Алексеева и А. Н. Цветкова, И. Ф. Милюкова, старшего врача запасного полка В. Н. Лебедева, медиков от танкистов В. П. Маркова, А. М. Резникова, старшего врача полка связи А. Н. Смолжа и других.

— Нам с вами когда-то в академиях и медвузах читали лекции о витаминном настое из хвои, о технологии его изготовления. Мы все это позабыли. А жаль! — сказал, заключая семинар, начсанарм. — Надо вспомнить.

И он вручил каждому подробную инструкцию по изготовлению хвойного настоя.

— Не только сами этим займитесь, но научите всем премудростям своих помощников. Мы обязаны ликвидировать цингу в самом зародыше. Пить настой надо всем! Командирам и рядовым. Пусть у каждой полевой кухни в часы раздачи обеда станет опытный санинструктор или военфельдшер. Выпьет боец чарку хвойного настоя — тогда и протянет повару котелок.

Началась витаминная эпопея. Поголовные осмотры. Выявление ранних форм цинги. Активное лечение всеми видами аскорбиновой кислоты.

На участке армии хвойные деревья не росли. Для прорубки веток нам был выделен участок за Мельничьим Ручьем, в 20—40 километрах от места нашей дислокации. Вечерами, шурша зелеными ветками, машины дивизий проносились через Рыбацкое в свои части, оставляя на шоссе запах хвойного леса.

В каждом полку и батальоне стали готовить витаминный настой. Без охоты, но под сильнейшим нажимом медиков бойцы и командиры привыкали к зеленоватой кисленькой водичке, получая таким образом изрядную дозу аскорбиновой кислоты. И когда незаметно для себя люди поздоровели, перестали ощущать боль в суставах, побледнела, а потом и совсем прошла на теле сыпь, не кровоточили десны — все поверили в чудодейственную водичку.

Наступление на цингу шло и в госпиталях. На пришкольных участках, вскопанных выздоравливающими ранеными и персоналом, посеяли редис, морковь, лук. Шефы госпиталей — завод «Большевик», Литографская фабрика, 5-я ГЭС и другие щедро делились посадочным материалом. Летом возле каждого госпиталя зазеленели грядки, кое-где даже взошел картофель, распустились первые капустные листочки. Огороды были предметом гордости и соревнования руководства наших госпиталей и еще долго служили большим подспорьем в организации дополнительного витаминизированного питания больных и персонала.

823-й госпиталь, в стенах которого проходил противцинготный семинар, был создан, как и многие госпитали 55-й армии, в конце сорок первого года. Организовать

его было трудно, так как в то время мы не имели в резерве не только врачей-инфекционистов, но и сестер и сандружинниц. Все они охотно шли в строевые части, медсанбаты, хирургические госпитали, с меньшим желанием — в терапевтические и уж всячески избегали инфекционных. Пугали необычно сложные условия ухода в них за ослабленными тяжелыми больными.

В те дни в нашу армию прибыло крупное лечебно-эвакуационное учреждение. Начальником его оказался столь нужный нам инфекционист. «Находке» так обрадовались, что сразу, несмотря на поздний час, за ним послали машину в Понтонную.

— Что случилось? Почему такой срочный вызов ночью? — удивленно спрашивал меня военврач третьего ранга М. Б. Певзнер, торопливо снимая и стряхивая в коридоре шинель, густо посыпанную снегом. Армейский инфекционист Романенко, хитровато улыбаясь, попросил гостя сесть.

В тот поздний час нас в комнате было трое. Романенко осторожно, но в то же время тщательно и чрезвычайно деликатно прощупывал кандидата на должность начальника госпиталя. Ему, возглавлявшему противоэпидемическую службу в армии, хотелось видеть начальником инфекционного госпиталя хорошего организатора и сведущего специалиста.

Певзнер вспомнил о довоенной работе в больницах имени Конашина и Пастера в Ленинграде. У Романенко и у кандидата в начальники госпиталя оказалось немало общих знакомых среди эпидемиологов и инфекционистов. К концу второго часа беседы морщины на потемневшем и постаревшем за последние месяцы лице Романенко окончательно разгладились. Он был доволен, улыбался, уводя Певзнера к начсанарму. А я стала диктовать моей помощнице, старшему военфельдшеру Наташе Валюгиной, обладательнице чудесного почерка, проект приказа о назначении М. Б. Певзнера начальником инфекционного госпиталя.

Романенко вернулся от начсанарма в отличном настроении. Он с удовольствием «поджаривал» руки у печки и тихонько напевал мелодию, которая, по авторитетному мнению Наташи, лишь отдаленно напоминала популярную арию из оперетты «Роз-Мари». Дойдя до «прерий», Романенко оборвал пение, обернулся ко мне и удовлетворенно сказал:

— Сдается мне, что за этот госпиталь можно будет не беспокоиться.

*Старшая медицинская сестра инфекционного госпиталя № 823
лейтенант медицинской службы
В. Д. Курова.*

Через несколько дней начальник нового инфекционного госпиталя привел к нам батальонного комиссара И. И. Кулагина. У него добрая улыбка на отечном бледном лице. Мы скоро привыкли к тому, что, если в дверях показывался высокий, подвижный Певзнер, за ним тут же появлялась коренастая фигура комиссара Кулагина.

В этот госпиталь санотдел вскоре послал врачей Л. В. Зиглинг, А. Ф. Новикову, начальника аптеки старшего военфельдшера М. Я. Марона, старших сестер Веру Курову, Екатерину Виткалову, Екатерину Максимова, Асю Кононову, сандружинниц Лидию Васильеву, Валю Ретинскую, Шуру Ануфриеву, Шуру Кузнецову.

Организационный период застал персонал формируемого госпиталя на Куракиной Даче. Поначалу было холодно, голодно, отчаянно дымили неумело поставленные печи. Но молодой коллектив госпиталя взялся налаживать порядок в новом учреждении. Прежде всего сестрам, сандружинницам надо было привыкнуть к новым условиям и новым требованиям. Ведь инфекционные заболевания представляли серьезную опасность и для всего обслуживающего персонала. Врачи учили своих помощниц и были требовательны и строги к неукоснительному выполнению всех правил санитарии. Тут действовал закон: «Никто не должен заразиться. Здоровье каждого — в его руках!»

Мылом, щетками, лизолом, хлорной известью бессчетное число раз в день сестры и сандружинницы мыли предметы ухода за больными и свои руки. Запах хлорки надолго стал неотделим от них самих...

Весной госпиталь перевели в школу в Белевском переулке, в район Троицкого поля. К тому времени персонал приобрел уже некоторый опыт, быстро привел в порядок новое помещение, со знанием дела вывел трубы печурок, устроил изоляторы, построил большой санитарный узел, столовую, пищеблок. Над умывальниками появились предупреждающие надписи: «Помните: через грязные руки передаются заразные кишечные болезни».

Внимание наших эпидемиологов и инфекционистов было постоянно приковано к запасному полку, через который шло в армию пополнение. Там оседали ослабленные и заболевшие и через санитарную часть переправлялись для лечения в инфекционный госпиталь № 823.

В конце февраля вместе с Романенко я провела несколько часов в этом госпитале. Радовали чистота и порядок в палатах, столовой, приветливость персонала.

Шел обеденный час. Сестры разносили больным протертый суп, булку, сухари, кисель. Наливали в мензурки желудочный сок, соляную кислоту с пепсином. Некоторые больные поражали своей апатией, даже безучастностью к собственной болезни. Удивляло обилие на лицах ярких пятен, пузырьков, наполненных жидкостью, или присыхающих струев.

— Это авитаминоз группы В₂-целлагра, — сказал мне в коридоре Певзнер, — к счастью, встречается не столь часто. В запущенных случаях трудно поддается лечению.

Надеюсь, читатель простит меня, если я несколько нарушу хронологический ход повествования и расскажу о том, что было потом с маленьким стокоечным госпиталем. В январе сорок четвертого он двинулся вперед вслед за войсками, разгромившими осаждавшие Ленинград вражеские дивизии. В труднейших условиях бездорожья на лесных опушках и проталинах люди 823-го госпиталя принимали и лечили инфекционных больных, готовили микстуры, вливали в вены солевые растворы и по укоренившейся привычке то и дело мыли руки хлоркой, лизолом, карболовой кислотой. Путь их к победе пролегал через Нарву, Тарту и Восточную Пруссию.

Весной 1945 года 2-я ударная армия, в составе которой находился тогда госпиталь, под городом Гданьском освободила лагерь смерти. За стеной из проволоки, по

которой был пропущен ток, погибали 1400 женщин и детей, свезенных туда из многих стран Европы.

Передо мной газета «Отважный воин» 2-й ударной армии за 5 апреля 1945 года. В ней ленинградский журналист Д. Славентатор рассказал, как воины Красной Армии и люди инфекционного госпиталя спасли умиравших женщин и детей, как выносили на своих руках невесомые скелеты, обтянутые кожей. Густо завшивленное тряпье сожгли. Узниц, похожих на призраки, отмыли, переодели в госпитальную одежду, обогрели, накормили. В чистых уютных домах местных бюргеров развернули первый советский госпиталь, где и разместили освобожденных узниц. Эпидобстановка в этом районе была неблагоприятной: в госпиталь стали поступать сыпнотифозные. В горячечном бреду, не остывшие от боя больные сыпным тифом солдаты вскакивали с коек и с криком: «В атаку!» — выпрыгивали из окон, убегали в одном белье, доставляя много волнений и тревог ухаживающему персоналу.

Тогда, в сорок пятом, еще не применялись антибиотики, десяток лет спустя совершенно изменившие течение паразитарных тифов.

Многих женщин и детей спасли в тот год врачи, сестры, санитарки госпиталя. Сами пережившие тяжкие страдания войны и девятьсот дней блокады Ленинграда, потерявшие многих близких, родных, люди 823-го госпиталя и на чужой сторонешке взяли на свои плечи человеческое горе.

Прошел первый мирный год. Настал черед и госпиталю сняться с места и возвращаться домой. Наших медиков тепло провожали жители Ципплау, провожали счастливее ими бывшие узницы — плача и смеясь, они обнимали своих спасителей, засыпали вагоны цветами.

Под стук колес, бегущих в родные края, люди инфекционного госпиталя вспоминали лютые декабрьские морозы на Куракиной Даче, отчаянный холод первых зимних блокадных дней, молчаливых заторможенных больных с темно-багровыми пятнами на кистях рук и лице, лагерь в Ципплау — его им никогда не забыть.

Они были людьми с чистой совестью.

Фронтовые подруги

Но вернемся в год сорок второй, в село Рыбацкое. После праздника 23 февраля мне пришлось побывать в нескольких медсанбатах. По укоренившейся привычке,

приехав в Колпино, зашла на Ижорский завод. Там проходила конференция лучших медичек 56-й дивизии. Встретила многих знакомых из тех, кто начинал свой боевой путь в этом славном коллективе, кто пережил бомбежку в Тайцах, кого укрывал от осколков старый Шереметевский парк. Теперь они, по прошествии шести-семи месяцев, повзрослели, научились владеть собой, быть верными товарищескому долгу, делу, которому служили от всего сердца.

Когда 107-й медсанбат стоял еще в Ленинграде, на Петровской набережной, к ним доставили политрука 5-й роты 2-го батальона 184-го полка Солдатенкова. Уже выздоравливая, политрук рассказал девушкам, что в подразделении почти не осталось санитаров, и звал их пойти в полк. Под впечатлением разговора с Солдатенковым Зоя Браже, Паня Гайдова, Зина Ефремова, Мария Мишина, Шура Стрельцова, Надя Степанова, Таня Ольгина, Надя Кондратьева обратились к комбату Александрову с просьбой перевести их в полк. По-разному сложились судьбы этих девушек.

Зоя Браже стала санинструктором 5-й роты 2-го батальона 184-го полка. Вместе с ротой на лыжах она пришла из Урицка в Петрославянку, затем в Колпино. Вместе с ротой в конце декабря участвовала в бою, шла в атаку вслед за своими бойцами, не испугалась свиста пуль, разрыва снарядов. Она вся была во власти одной думы — о помощи раненым, и это придавало ей силы и мужество. Смело она ползла туда, где лежали раненые. Негнуцимися руками, волнуясь, наложила свой первый жгут пострадавшему на колпинской земле и потащила его в трашею. Потом было много раненых и много жгутов, она не помнит, как сгустились сумерки и затих бой.

Так закончился самый длинный день в ее жизни. Из-за облаков показалась луна. Она осветила поле боя,хватила из темноты поврежденный танк, неподвижных людей в трашеях... Луна в ту памятную колпинскую ночь очень помогла ей среди бездыханных отыскивать живых. Зоя с горечью вспоминала потом, как ночью в противотанковый ров доставили термосы с супом и замерзшие мясные консервы. Еды впервые оказалось больше, чем едоков...

Тогда же, на Ижорском, мне рассказали грустную историю о черноокой Пане Гайдовой, санинструкторе отдельного лыжного батальона, и подарили ее фотографию.

Несколько чрезвычайно трудных дней провела Гай-

дова в противотанковом рву. Устала и мечтала добраться к себе в полковую санчасть, помыться, выспаться. Уже в Колпине на пути в санчасть ее остановил старшина, сопровождавший взвод в боевое охранение, попросил вернуться с ними на передовую: не ровен час, кого ранит, некому будет оказать помощь.

Гайдова вернулась на передовую, хотя от санчасти и заслуженного отдыха ее отделяли несколько минут ходьбы. На следующий день ее убило в траншее. Раненый, которого Паня перевязала, остался в живых, пришел в санчасть и рассказал об отважной девушке.

Конференция лучших медичек 56-й дивизии на Ижорском приняла обращение ко всем медицинским работникам 56-й армии. В нем были и такие волнующие строки:

«Фронтowymi подругами, сестрами называют нас героические защитники Ленинграда. Их доверие и любовь обязывают нас ко многому. По примеру наших боевых товарищей мы учимся преодолевать страх перед смертью, презирать опасность, идти сквозь вражеский огонь рядом с отважными воинами, атакующими врага. Десятки раненых обязаны своей жизнью заботе молодой сандружинницы, кандидата в члены ВКП(б) Марии Мишиной. Под огнем врага она перевязывала раненых, налаживала эвакуацию в тыл. Во время вражеского налета на пункт медицинской помощи бесстрашно оставалась на своем боевом посту в операционной старшая медсестра Надежда Волконская. Вокруг рвались авиабомбы, но операция продолжалась, и жизнь раненых была спасена... Пусть будут нам лучшей наградой любовь и благодарность бойцов, сознание того, что тысячи советских воинов возвращены в строй нашими заботами, готовы к новым подвигам во славу Родины».

Международный женский день отметил и штаб нашей армии, организовав торжественное собрание в зале школы в Рыбацком. Собралось много медичек, прибывших из частей и госпиталей. На гимнастерках у них сверкали ордена и медали.

Много раз форсировали реки Неву и Тосну санитарные инструкторы 46-й дивизии А. Пятницкая, А. Глотова, Н. Мухина, И. Лукина... Среди присутствующих я с радостью увидела медсестру отделения для раненных в лицо Анну Ивановну Роосон. Когда война еще шла по эстонской земле, Роосон, захватив медикаменты и перевязочный материал из своего медпункта, вступила в одну из частей Красной Армии и прошла с ней большой, трудный путь. Скольким раненым она оказала медицинскую

помощь на берегах Чудского озера! Бойцы звали ее «мамой», а она их «сыночками». Только под Колпином Роосон из инженерно-строительного батальона перевели в госпиталь. Не было ласковей, человечней сестры, чем Анна Ивановна Роосон.

Среди делегатов на вечере встретила я и мужественного военфельдшера 690-го артиллерийского истребительно-противотанкового полка Евгению Крамер, и санинструктора батареи этого полка — инженера Валентину Пальчевскую. На собрании присутствовали многие врачи и сестры госпиталей, чей труд был отмечен в приказах по армии.

Вторая армейская конференция

До открытия 2-й армейской врачебной конференции оставалось три недели. Начсанарм объявил об этом на утренней летучке и каждому из начальников отделений дал конкретные задания по подготовке материалов. Цель конференции — проанализировать, в какой мере было правильным выдвигание в Колпино медсанбатов на время активных боевых действий, справились ли наши медики с задачей оказания первой помощи на ротном участке.

Подготовку к конференции армейский хирург М. А. Могучий и армейский терапевт М. Ю. Раппопорт начали с объезда медсанбатов. Они углубленно знакомилась с итогами зимней работы в Колпине. Огромная разносторонняя деятельность наших войсковых и армейских учреждений получила свое выражение в больших таблицах-диаграммах.

Я тоже готовлюсь к конференции. В отличие от главных специалистов армии у меня нет никаких диаграмм, никаких схем. Есть только короткие зарисовки, краткие памятные записи, фотографии, рисунки, письма... По ним можно воссоздать многое. Рассказать о людях, их работе в боевой обстановке — операциях под артиллерийским огнем и санитарно-эпидемиологической разведке под носом у противника, когда забор питьевой воды на анализ может стоить жизни... Ведь моя работа — это люди, их дела, рост мастерства. Санитарный отдел не минует ни военный врач, ни фельдшер, ни медицинская сестра. С каждым прибывшим из санитарного управления фронта военным медиком надо познакомиться, продумать, на какой работе с большей целесообразностью следует применить его знания и боевой опыт.

Мне нравится моя работа, если не очень зарываться в бумаги. Мне очень помогают мои помощницы, и я убеждена, что они самые лучшие. Вначале была военфельдшер Наталья Валугина, умный, целеустремленный человек. В сорок втором санитарный отдел дал ей путевку в Первый медицинский институт и временно перевел для сменной работы в армейский эвакогоспиталь, принимавший раненых в Доме культуры работников пищевой промышленности на улице Ткачей. Натаншу сменили две подружки, очень веселые и деловитые, — старшие военфельдшера Антонина Кузнецова и Елена Васильева — Тося и Леля. Тося мечтала после войны остаться в кадрах армии. Леля — вернуться к прерванной войной деятельности акушерки.

Девчата помогают мне вовремя сдавать множество отчетов, сведенных в различные формы, строгому педантичному помощнику начальника кадров санитарного управления фронта военврачу второго ранга М. Е. Буркату. С их помощью мне удалось подготовить к аттестации значительную группу молодых санитарных инструкторов, имеющих законченное среднее медицинское образование и боевой опыт. Потом я их, получивших звание «военфельдшер», не раз встречала в различных частях. Они были горды первым командирским воинским званием и часто поглядывали на свои сверкающие эмалью красные кубики в полевых петлицах.

Лучших санитаров и санитарных инструкторов рот и батальонов хорошо знали врачи и фельдшера полков. В каждой санчасти велся строгий учет работы санитаров.

Учет учетом, но нередко наградные документы на них, путешествуя из частей в штаб армии, претерпевали сложные и таинственные превращения. Случалось порой, что заслуженная награда догоняла смельчака через два-три десятилетия после того, как отгремели залпы победного салюта.

Я знакомилась и часто встречалась со многими санитарями и санитарными инструкторами в самой различной обстановке. Я видела их в работе на льду замерзшей Невы, везущих раненых в санках или лодочках...

Иногда лишь метко оброненное слово, внешний облик помогали лучше понять человека. Эти люди в потемневших, закопченных ватных куртках и штанах, почерневших дубленках, при всем их индивидуальном различии, были схожи в одном — в полной отдаче сил медицинскому долгу.

Как-то во время артиллерийского налета на Колпино я укрылась в траншее, вырытой за зданием горсовета. В ней уже было несколько человек. Снаряды рвались близко, и на нас падали комья мерзлой земли, куски дерева, со свистом проносились осколки. В углу небольшой траншеи примостились двое санитаров, держа в руках плащ-палатки. Из-за голенищ валенок выглядывали черенки алюминиевых ложек. Они оказались из 2-й роты 173-го полка. Только что сдали на Ижорский в медсанбат раненного в ногу автоматчика и возвращались к себе. Сказав это, один из них порекомендовал мне не высываться из траншеи, а присесть на ящик от патронов. Обстрел продолжался, но разрывы снарядов отодвинулись от нас куда-то в сторону, и обстановка для беседы сложилась самая подходящая.

Первым заговорил широкоплечий смуглый санитар, назвавшийся сержантом Василием Покатовым. Его товарищ Антон Классен по-северному бледнолик. Его светлые спокойные глаза под льяными бровями смотрели внимательно, серьезно. Он иногда дополнял Покатова, вставляя меткое словечко. Покатов с ним соглашался. По всему было видно, что они близкие друзья.

Оба участвовали в наступлении своей 2-й роты. Оба были ранены, но вернулись в родную часть. Скучный харч не покрывал расхода энергии, и тогда друзья договорились работать вместе, вдвоем — пусть им в карточку пишут одного раненого на двоих, зато легче, справиться можно. А то сердце от натуги и слабости бьется так, что даже дышать трудно. Вот уж второй месяц, как они вдвоем выходят на свой участок. По очереди тащат плащ-палатку или лодочку с раненым, по-братски делят хлеб, табак, сахар, консервы.

Из множества звуков на поле боя они научились улавливать один — слабый стон и пробираться к раненому. Привычными к темноте глазами, «кошачьими», как уточнил Классен, они различали на равнине белые бугорки, нередко оказывавшиеся на поверку еще живыми, присыпанными снегом солдатами. Как же рады они были, что спасли своих полузамерзших товарищей...

Покатов и Классен возвращались в свою землянку, где никогда не остывал очаг, а на нем — большой чайник. Закусив чем было, согревшись кипятком, они засыпали возле печки на полу...

Проснувшись, они зачастую не помнили сновидений, только знали, что прошел еще один день войны.

Свой боевой участок санитары рассматривали и изу-

чали еще засветло. Плоская равнина, поваленное дерево, бесчисленные воронки, пулеметные гнезда. Когда вновь наступят сумерки, они выползут сюда, чтобы обязательно разыскать и спасти раненых.

...Одна из последующих моих встреч с этими санитарами состоялась в селе Рыбацком. Помню, каким счастьем светились глаза Покатова и Классена, когда командарм поблагодарил их за работу и поздравил с боевыми наградами, вручив каждому по ордену Красной Звезды.

День 21 марта был светлым, долгим. В Усть-Ижору, на свою 2-ю армейскую конференцию, уже с утра прибывали войсковые врачи. До отказа заполнена просторная землянка под холмистым невским берегом, ярко горят фонари. С неослабным вниманием слушают врачи доклад армейского хирурга М. А. Могучего о хирургической деятельности в медсанбатах и госпиталях армии за истекшие шесть месяцев.

С каждым месяцем войны совершенствовалось оказание помощи раненым, и в то же время с началом весны раны у ослабленных блокадой больных заживали дольше, состояние нередко утяжелялось.

Объем хирургической помощи в медсанбатах за истекшие месяцы заметно возрос, хирурги дивизий практически оперировали всех, кого доставляли из полковых медпунктов, и время, затрачиваемое на доставку раненых с передовой, заметно сократилось. Этому немало способствовали временное выдвижение нескольких медсанбатов в район боевых действий — в Колпино, усиление полковых медпунктов санитарным транспортом. Больше чем половине раненых оказали первую помощь на поле боя медики рот и батальонов, главным образом санинструкторы.

Половина из тех, кто пострадал, сами добрались в батальонные медицинские пункты, остальных доставили на лодочках-волокушах, лыжно-носилочных установках, на плащ-палатках, вытащили волоком на шинелях, вывезли на лошадях.

Зимние месяцы изобиловали тяжелыми осколочными ранениями, кровотечениями, глубоким длительным шоком. С успехом применялась противошоковая жидкость по рецепту профессора Жорова. Проверка этого нового средства, проведенная начсандивом 70-й В. А. Буковым, показала его большую эффективность. 20%-ный раствор спирта с добавлением 20 ампул морфия на литр, выдаваемый по 30—50 граммов, значительно успокаивал, облегчал состояние раненых, хорошо действовал как противошоковое средство.

— Девять месяцев истекшей войны,— сказал в своем выступлении главный хирург фронта Куприянов,— явились хорошей школой, создавшей военно-полевых хирургов.

Куприянов призвал к усилению роли старших хирургов медсанбатов, госпиталей, армейского хирурга в организации и совершенствовании помощи раненым.

Из-за стола поднялся высокий пожилой военврач первого ранга, главный судебно-медицинский эксперт Ленфронта профессор Владимирский.

— Среди многих тысяч воинов, беззаветно защищающих свою Родину,— сказал он,— встречаются отдельные негодяи, которые трусливо хотят сохранить себе жизнь и идут на различные преступления: вызывают у себя болезни, наносят себе повреждения и спокойно проходят через наши армейские учреждения, нередко оседая в госпиталях ближнего и далекого тыла.

— Помните,— сказал в заключение Владимирский,— выпустить из армии в тыл хотя бы одного такого симулянта, членовредителя — это значит ослабить мощь Красной Армии.— И он дал обстоятельное определение членовредительства и способов его распознавания.

Я внимательно слушала доклады. Всмотривалась в висевшие таблицы, колонки черных цифр. Отдельно взятые, они были математическими символами. Это люди — рядовые и сержанты медицинской службы — сделали их объемными, наполнили содержанием. Это они ползли под вражеским огнем к раненым, тянули за собой облегченные лодочки-волокуши или тяжелые, неудобные лыжно-носилочные установки, подставляя свои плечи ослабевшим, закрывали собою раненых во время обстрела, не отходили от операционных столов, когда осколки влетали в помещения.

Гляжу на цифры сухих таблиц, и за ними вижу живые знакомые лица. Они медленно проходят перед глазами. Все очень разные, но обязательно добрые. А может ли ежечасно рисковать собой для спасения чужой жизни человек по натуре злой, завистливый, трусливый, любящий лишь самого себя?

Когда выбыли по ранению или были убиты многие ротные санитары, их тяжелую обязанность в 184-м полку взяли на себя девушки. Сами голодные, донельзя усталые, они работали из последних сил и часто из своего очень скудного пайка урывали кусочек хлеба или ложку каши, чтобы подкормить ослабевших товарищей. Так могут поступать только люди большого сердца.

Вспомнила тогда я двух замечательных сандружинниц-ополченок Нину Лебедеву и Клаву Голосуи, с которыми незадолго до конференции познакомилась в 184-м полку в Колшине. Роты автоматчиков и минометную, где служили подруги Лебедева и Голосуи, ночью подняли по тревоге. Комиссар полка старший политрук Михаил Николаевич Сергеев пожелал подругам военного счастья... В тридцатиградусный мороз, на пронизывающем ветру, в одних гимнастерках, чтоб было сподручней, разгоряченные, охваченные порывом наступления, при свете повисших в небе осветительных ракет они отважно боролись за спасение жизни своих однополчан.

На рассвете боевая задача была выполнена. Обе сандружинницы вышли из боя без единой царапины, но до смерти уставшие, потрясенные картиной ночного боя. Им пришлось участвовать и раньше во многих вооруженных столкновениях; их, к счастью, миновали ранения, но с большой горечью говорили они мне о гибели их любимцы санинструктора Тамары Боровик.

— Тамару забыть невозможно, — сказала статная красивая Лебедева, — она была очень человечна. Открыта душой, общительна, проста. Она все время служила санинструктором роты, которой командовал ее отец старший лейтенант Боровик. Когда он погиб под Красным Бором, Тамара твердо решила остаться в подразделении. Она многим спасла жизнь, а свою не сохранила.

Тамара Боровик имела среднее образование и мечтала после войны закончить медицинский институт, чтобы потом работать врачом где-нибудь очень далеко, как она говорила, «за Уралом или за Байкалом в белой-белой больнице». Зимой сорок второго она везла раненых из батальона в полковую санчасть. Уже в Колшине, недалеко от дома итээровцев, настиг ее вражеский снаряд. Сраженная осколками, обливаясь кровью, упала возле однополчанина тоненькая восемнадцатилетняя девушка с каштановыми кудрями.

Цифры, цифры. Оторвавшись от нахлынувших воспоминаний, вновь разглядываю строгие таблицы, развешенные по стенам. Они убедительно доказывают: санитарная служба за истекшие месяцы окрепла, хирургическая обработка ран производится правильно. Приближение медсанбатов к войскам осенью сорок первого и зимой сорок второго года спасло жизнь многим сотням раненых. Совместная работа групп усиления и хирургов медсанбатов и госпиталей словно сплотила всех в один большой хирургический коллектив. Полностью оправдал себя

опыт создания специализированных госпиталей для раненных в живот, грудь и голову.

Санитарный отдел привлек внимание участников конференции к авитаминозу, цинге, желудочно-кишечным болезням, паносившим ущерб боеспособности армии; потребовал улучшить лечение раненых и больных в медсанбатах и госпиталях. Вернуть фронту, в строй не менее 75% раненых — вот задача всех медицинских работников. И еще: следует постоянно прививать труженникам наших армейских медицинских учреждений умение работать в полевых условиях, быстро сниматься с места, не обрывать вестями. Настанет же счастливый час, когда наши медсанбаты, полевые госпитали, а за ними эвакуационные тронутся с места, двинутся вперед. Только тогда, в марте сорок второго, мы еще не знали — когда это будет...

Радостная весть ожидала нас в конце заседания. Начальник санитарного управления фронта доложил конференции, что за большие заслуги по оказанию помощи раненым на первом этапе войны, особенно в 168-й дивизии, Военный совет фронта наградил орденом Ленина старшего хирурга группы усиления Г. М. Фрадкина, орденом Красного Знамени — бывшего командира отряда М. А. Могучего, орденами Красной Звезды хирургов отряда Ф. М. Беленицкую, Н. Л. Волпян, Б. З. Копелновича, старшую сестру отряда М. Э. Ковалевскую и многих других. Участники конференции сердечно поздравили награжденных.

26 марта сорок второго

А 26 марта в санитарный отдел армии пришла горестная весть.

— От хозяйства Контора одна треть осталась, — услышала я в трубке глухой и петвердый голос начсандива-90 Ивана Флегонтовича Милюкова. Связь внезапно прервалась.

Потрясенная услышанным, я молча положила трубку. Ни начсанарма, ни его заместителя по политчасти Павлинова на месте не оказалось. Оставшийся за начальника Новиков пошел разыскивать начальника санитарного отдела армии Гофмана, а я на машине автосанитарной роты немедленно выехала в Колпино.

День был хмурый, серый. Машина быстро неслась по шоссе. В ушах все время звучала фраза, подавленно произнесенная Милюковым: «От хозяйства Контора одна

треть осталась». Кто жив? Кого уже нет? Беда стряслась как раз тогда, когда медсанбат уже готовился оставить Колпино.

Переезд у Колпина машина проскочила на большой скорости. Молодая регулировщица проверила документы и сказала, что недавно в сторону Понтонной пропустила две машины с ранеными и имуществом из медсанбата 90-й дивизии. Снаряды рвались у железнодорожной ветки, осколки царпали когда-то белую степу, отделявшую территорию Ижорского завода от дороги. На потемневшем песке валялись куски кирпича.

Наша машина быстро повернула направо, проехала мимо завода, через канал и остановилась на улице Ленина. Каменное двухэтажное здание, в котором размещался медсанбат 90-й, было расколото от крыши до основания на две неравные части.

Снег вокруг дома потемнел. У разбитого дерева стояли командир медсанбата военврач второго ранга Валентин Иванович Коштор и военком старший политрук Елизавета Яковлевна Куксина. Мне показалось, что за несколько часов они постарели на много лет.

Подознали артиллеристы. В дом попал, сказали они, снаряд из дальнобойного орудия типа «Берта». Снаряд расколот здание, похоронив под его обломками более 50 медсанбатовцев и всех тех раненых, которые находились в левом крыле здания. По редкой случайности меньше других пострадал лишь один человек — лежавший на операционном столе, «фиксированный» ремнями. Он провалился вместе с операционным столом на первый этаж и... остался в живых.

Много лет спустя научный сотрудник Военно-медицинского музея Л. Б. Зильберберг показывал мне операционный журнал медсанбата 90-й дивизии. За 26 марта 1942 года в нем имеется лишь одна запись: «Куфтин Михаил Иванович. 229-й артдивизион. Слепое ранение мягких тканей правой голени. Окружность раны обработана йодом. Кровеносные сосуды перевязаны. Первичную обработку проводил военврач Давидовский. Раненый отправлен в госпиталь для легкораненых».

Военврач в тот день был ранен. Погибли медицинские сестры Аня Максимова, Дуся Дырикова, Клава Егорова, Зоя Конусова, Лида Кунякова, Клава Михеева, повар Пшенка, молодые хирурги Павел Рабичев, Василий Потапов, Василий Мошкара, Анатолий Лукаш...

Я стояла, потрясенная страшной картиной. Одна за другой отъезжали санитарные машины, увозили раненых.

В марте 1942 года в здание на улице Ленина в Колпине, где размещался медсанбат 90-й стрелковой дивизии, попал тяжелый снаряд. В живых остался только один раненый боец...

Ветер разносил обрывки бумаг и ваты. Прислонившись к стене, рыдала Куксина. Никак не могла примириться с внезапной гибелью стольких близких и дорогих ей людей. Особенно горестна была потеря девочек — молодых медицинских сестер. Всех их она привезла в Колпино после окончания ими курсов Красного Креста в Московском районе. В медсанбате они закончили медицинскую сестринскую школу. В их обучение и становление Елизавета Яковлевна Куксина вложила много старания и умения.

Подошел начсандив, взял ее под руку и повел к машине. Вместе с командиром батальона они отправились в санотдел.

Я тоже собралась было уезжать, но что-то удержало меня. Подумала: пройдут годы, здание восстановят или выстроят на его месте что-то лучшее и красивое, и никто в Колпине даже не вспомнит о той трагедии, что разыгралась здесь 26 марта 1942 года. Надо бы заснять это расколотое здание, стоящее как памятник погибшим. Взглянув на этот снимок, может, колпинцы на новом здании прикрепят мемориальную доску?

Фотоаппаратов у нас в отделе не было, рисовать я не умела и решила обратиться за помощью к старшему врачу запасного полка военврачу третьего ранга Владимиру Николаевичу Лебедеву: он всегда выручал сани-

тарный отдел, выявляя среди пополнения людей нужных специальностей. Съездила к нему из Колпина в Ленинград, на улицу Бабушкина, и через два часа вернулась вместе с молодым художником. Он сел на обгоревшее бревно и развернул школьную тетрадь для рисования...

Я смотрела на страшные развалины, и мне вспомнилось, что вот совсем недавно я была в этом здании вместе с заместителем командующего 55-й армией генералом Цветковым на вечере накануне Международного женского дня, когда сандружинницам присвоили звание сержантов. А теперь они лежат под развалинами — молодые медицинские сестры и их учителя — врачи.

Художник закончил рисовать. На Комсомольском канале тяжело разорвались несколько снарядов. Он молча встал с пенька и протянул мне листок. На нем я увидела расколотый дом, серое небо, носилки с ранеными и потемневший от гари и пыли снег. Я поблагодарила художника, вложила небольшой кусок ватмана, вызывавший глухую боль, в планшетку и направилась к контрольно-пропускному пункту. Долго ожидала попутной машины. Меня бил озноб. Ноги в сапогах застыли. Невесть откуда налетевшая короткая яростная метель закружила замысловатый хоровод. Вспомнилось блоковское: «Ветер, ветер, белый снег. На ногах не стоит человек». Капризная мартовская метель унеслась дальше. Из-за туч показалась луна.

Под парами стоял поезд — санитарная летучка. Подошел ко мне командир и передал для Новикова донесение. К поезду быстро несли и вели раненых. Через несколько минут санитарный поезд без гудка отошел от платформы, держа путь в эвакоприемник к посту Мария.

Последнее ЧП в медсанбате Александра

Пришел апрель, а за ним и май. Теперь в Колпине оставалось одно отделение медсанбата Александра для самых тяжелых раненых, которых нельзя было в первые дни после неотложных операций перевозить на машинах в госпитали.

В первомайские дни сорок второго года Ижорский завод, как всегда в праздники, особенно интенсивно обстреливался. Зажигательная бомба попала в помещение, где лежали раненые после операции, и вызвала пожар. Из-за решетчатых окон потянуло едким дымом. Командир эваковзвода старший военфельдшер высокий сильный И. Миценгендлер, всегда предусмотрительно носивший в

кармане напильник, перепилил прутья и разогнул их. Через окно в помещение забрался политрук Кочетков и врач Алексеева. Они перенесли всех больных к окну и стали передавать их Миценгендлеру. Это было последнее чрезвычайное событие в бурной истории медсанбата Александра на Ижорском заводе.

В просторных землянках на кирпичном заводе «Победа» было где разместиться медсанбату. Земля надежно укрыла операционные, перевязочные, стационар, жилье для персонала.

В подземном медсанбате было тепло, чисто. Под потолком покачивались электрические лампочки. Электрик, старший сержант Юрий Бродель, осветил площадь, равную четырем километрам, и быстро устранял аварии, вызванные артиллерийскими обстрелами.

В своем рапорте на имя начсанарма Александров докладывал, что отделения медсанбата могут одновременно принять шестьсот раненых и больных. Все под землей было сделано добротное.

Однако и здесь, на кирпичном заводе, медики часто попадали под артиллерийский огонь; в первые дни после переезда медсанбат потерял начальника приемно-сортировочного отделения военврача третьего ранга неутомимую хлопотунью Зинаиду Белову.

Осваиваясь на новых местах, развертывая большие подземные стационары, военные медики неустанно готовились к движению вперед, к работе в условиях наступления. Интендантская служба медсанбата под руководством интенданта Г. Мараша изготовила десятки железных печурок, умывальников, печных труб, прицепов, тележек. Создали неприкосновенный запас карбидных фонарей — всего того, что станет нужным, как только дивизия выйдет из траншей и двинется в наступление.

Здесь, на кирпичном, коллектив 107-го медсанбата отметил свою первую годовщину. По поручению санитарного отдела я присутствовала при торжественном построении медсанбата.

В сгущающихся сумерках собрались врачи, сестры, санитары, хозяйственники — все те, кто своими руками создал этот замечательный подземный медицинский городок для раненых. С волнением все слушали обстоятельный, взволнованный доклад организатора медсанбата Николая Николаевича Александрова.

— Год назад в Ленинграде, в школе на тринадцатой линии, родился наш родной медсанбат, — говорил Александров. — Из всех концов города к нам пришли добро-

вольцы — юноши, девушки, врачи, квалифицированные фельдшера, студентки, работницы, дружинницы Красного Креста. Партийные и советские организации, штаб Ленинградской армии народного ополчения снабжали нас всем необходимым. А в самом начале мы имели лишь несколько топчанов и матрацев да пару-другую рокковских сумок.

Слушая доклад комбата, все вспоминали начало своего пути — Павловск, Тайцы, Пушкин, Колпино — и всех, кто пришел в медсанбат по велению сердца и кто ушел из него навеки. Медсанбат принял и поставил на ноги многие сотни раненых и больных, и Александров назвал эти цифры.

Но не только в количестве раненых, в тележках и прицепах был главный итог их плодотворной работы за год.

Медсанбатовцы поначалу были рыхлым коллективом медиков, но военная закалка, общие беды и общая борьба сроднили, сплотили людей, сделали их мужественными, превратили их в одну дружную военную семью.

Наука, что зовется военной медициной, санитарной тактикой, преподается и изучается в медицинских школах, но больше, чем какая-нибудь другая наука, она познается и подкрепляется практикой.

Суров и подчас трагичен опыт военного медика. Это и ремни, что оставляют на плечах и руках кровавые ссадины и мозоли, это — дни и ночи, полные тревог за введенные тебе жизни, это операции, каких не знает хирургия мирного времени, подчас под артиллерийским огнем, когда снаряды пробивают стены и в операционной свистят осколки. Сводит патруженные руки, побелевшие пальцы, редеют и белеют на висках волосы, но упрямо делают свое дело врачи, не знающие покоя. Наверно, по всему по этому военные хирурги заслужили столь благодарную память современников и потомков.

Опытные врачи знают, что человеческий организм поражает своей необычайной стойкостью — кажется безнадежным состояние раненого, а он вопреки всему выздоравливает. Бывает, однако, и наоборот... Борьба за жизнь человека должна идти до последнего его вздоха. В этом порой чрезвычайно изнурительном, но вдохновенном труде есть истинное призвание настоящего врача. Важно, чтобы при любом пеходе этой борьбы врачебная совесть могла сказать: «Ты сделал все, что мог».

Клариса Чернявская

Как-то сразу стало тепло. Зазеленела листва на деревьях, пробилась на пустырях густая сочная трава. Мы собираем молодой щавель и крапиву и с наслаждением едим вкусные кисленькие щи.

Горожане-блокадники вычистили город, его улицы и дворы. Чистимся и мы в Колшине, Саперной, Металлострое и Корчмино — всюду, где стоят наши части, где открыты сотни траншей, землянок, ровиков, колодцев.

23 июля сорок второго пятичасовой бой закончился взятием на Московском шоссе Путролова, прикрывавшего мост через реку Ижору. Через несколько дней была отвоевана Ям-Ижора. Оба эти населенных пункта противник захватил в середине сентября сорок первого, когда ему удалось пробиться к стыку железной дороги с Московским шоссе. Его попытки продвинуться дальше, в Колпино, были тогда решительно отражены.

Прошло девять месяцев. Враг превратил Путролово и Ям-Ижору в сильные узлы сопротивления, опоясал их колючей проволокой, заминировал вокруг них всю местность. Долговременные огневые точки в подвалах разрушенных зданий и разбитой церкви держали под огнем все подходы к Путролову, простреливали открытую низкую местность.

Смелые и решительные атаки этих удобных для врага плацдармов 947-м и 952-м полками 268-й дивизии, батальонами 213-го и 37-го полков 56-й дивизии, поддержанные артиллерией, минометами и авиацией, увенчались успехом.

В течение десяти последующих дней враг предпринимал многочисленные контратаки, но наши части удерживали отвоеванные у него рубежи.

Основной поток раненых из Путролова и Ям-Ижоры шел на Колпино. Санитарный поезд-летучка доставлял их в эвакуприемник на пост Мария, а оттуда они, в обход медсанбатов, развозились по специализированным госпиталям армии.

Эвакуация шла четко. Раненых было много меньше, чем предполагалось. Тут сыграли важную роль внезапность и стремительность боевых действий наших частей.

В боях за Путролово и Ям-Ижору наши бойцы и командиры проявили необыкновенное мужество, стойкость, возросшее боевое мастерство. Эти качества отличали и многих медиков. О некоторых из них я сейчас расскажу.

В те дни я услышала о старшем враче 942-го полка Николае Кругликове, выдвинувшем свой передовой отряд на окраину Колпина. От переднего края его отделяло не более полутора-двух километров. Сюда, в подвал разбитого дома, где, несмотря на сильный обстрел и пожар, работал врач Владимир Ермолаев с группой сестер, санинструкторы и санитары Болотин, Богатыренко, Джантаев и Овсянников доставляли всех, кто нуждался в медицинской помощи. Нередко они несли, сменяя друг друга, тяжелые носилки по полтора-два километра.

Когда затихал бой и наступала ночь, санинструкторы и санитары осматривали каждую канавку, траншею и находили раненых, нуждавшихся в их помощи.

У них был добровольный и очень надежный помощник — лаборант санитарного взвода медсанбата техник-интендант первого ранга Клариса Чернявская.

...Пришла Клариса в 268-ю дивизию с мужем — молодым лейтенантом Василием Хорошевичем. Это было в небольшом старинном зеленом подмосковном городе Загорске. Ее — лаборантку кондитерской фабрики — зачислили в санитарный взвод медсанбата. С большим желанием взялась Клариса за работу и была вначале очень довольна. В августе сорок первого, когда дивизия ожесточенно сражалась на земле Эстонии, ее постигло большое горе — погиб лейтенант Хорошевич. У Кларисы пропал интерес к своей лаборантской работе, она рвалась на передовую. В те дни из медсанбата ушли в полки несколько раненых; они оставили записки: «Не ищите нас. Ушли в часть». Кларису их поступок восхитил.

Как-то вечером прискакал на коне в медсанбат старший врач 952-го полка Александр Лебедев и доложил пачсандиву: вдали от дороги, в тылу дивизии, на местности, где уже бродят группы противника, в старой

Лаборантка медсанбата 268-й стрелковой дивизии Клариса Чернявская. Погибла в Ивановском у реки Тосны в августе 1942 года.

баньке лежат раненые — передвигаться никто из них не может, у всех ранены ноги.

Узнав об этом, Чернявская попросила начсандива Лучаева послать ее за ранеными. Ночью она вместе с шофером разыскала заброшенную в лесу баньку, но за один рейс всех раненых забрать не удалось; она успокоила оставшихся, клятвенно пообещав вскоре вернуться. К пяти часам утра, когда над лесом еще не рассеялся спасительный туман, последние восемь человек были погружены на машину. По дороге их обстреляли, заглох мотор. К счастью, его удалось вскоре завести, и машина с ранеными умчалась по уже знакомому пути.

268-я дивизия с боями отходила на новые рубежи. Перейдя Нарву, полки вступили на ленинградскую землю. Затем они оказались на Ораниенбаумском плацдарме. Оттуда ненастной сентябрьской ночью на транспортах по Финскому заливу перебрались в Лисий Нос. Одна из бомб попала в баржу с имуществом и потопила ее. Подверглись бомбежке, громко ржали и били копытами испуганные лошади. По мокрой скользкой палубе в кромешной тьме к лошадям пробиралась Клариса. Она гладила их спутанные гривы, совала в губы мелкие куски сахара, что-то шептала и... лошади успокаивались.

Транспорт благополучно разгрузился в Лисьем Носу, а затем дивизия пришла на Колпинский участок фронта.

...Лаборатория опять на замке. На микроскоп надет футляр. Пробирки покрылись свежей пылью. Обвязав

уключины тряпками, чтобы не скрипели, Клариса Чернявская ночью перевозила раненых по реке Ижоре. На ее глазах вражеская мина разорвалась в реке и взрывная волна и осколки накрыли соседнюю лодку с людьми. Преодолевая дурноту, Чернявская налегла на весла и благополучно пригнала свою лодку к берегу, укрыла раненых за кустарником.

Погибла Клариса Чернявская на Ивановском плацдарме.

Она появилась там с первым отрядом медиков 952-го полка 268-й дивизии. С санитарной сумкой через плечо, исхудавшая, прокаленная солнцем, Клариса неустанно носилась по траншеям, где воевал батальон старшего лейтенанта Кукореко.

Ее видели в дыму сражений на «пяточке» все: и врывающиеся на плацдарм балтийские моряки в тельняшках и бескозырках, и отважные саперы, и герои-радисты, корректировавшие стрельбу нашей артиллерии из подвала полуразрушенного здания...

Связь защитников плацдарма с командным пунктом дивизии оборвалась. Вышла из строя рация. На исходе боеприпасы. Срочно требуется пополнение. Но как передать донесение на КП? Кто отважится пробраться вплавь по простреливаемой реке? Вызвалась Чернявская. Клариса ползком добралась до берега и, уцепившись за полузатонувшую доску, поплыла вниз по течению реки. Вокруг свистели пули, с грохотом взрывались мины, поднимая фонтаны воды, а Чернявская все плыла. Ледяная вода пронизывала насквозь, сводила ноги и руки... Все превозмогла мужественная женщина и добралась до цели. Связная машина привезла ее к командиру дивизии Семену Ивановичу Донскову, которому она и вручила донесение с «пяточка».

— Спасибо вам за все! — благодарил Чернявскую комдив, крепко сжимая ее холодные влажные руки. — А теперь — немедленно в машину и в медсанбат, отдыхайте!

— Я нужна на «пяточке», товарищ генерал, — сказала Клариса, безуспешно пытаясь унять дрожь.

— Немедленно в медсанбат и без разрешения не отправляться на плацдарм, — строго приказал комдив.

Чернявская вернулась в медсанбат. Тогда-то произошла моя последняя с ней встреча.

Глаза у Кларисы впали. Черты лица стали строже. В уголках губ залегли тонкие, едва заметные складки. Вид у нее был совсем неважный. Угнетенное, подавлен-

ное состояние было вызвано думами о «пяточке», где оставались ее друзья, куда она обещала старшему врачу 952-го полка Лебедеву тотчас же вернуться, как только вручит донесение командованию. В глубокой задумчивости бродила Чернявская вокруг палаток, нервно перебирала смуглыми пальцами головки полевых ромашек — ее любимых цветов.

— Санитаров там почти не осталось, — с горечью говорила мне Клариса. — А я ведь знаю каждую траншею, каждый ее уголок на участке полка... Я обещала Лебедеву вернуться.

Я молчала. А чем могла ее утешить, как успокоить? Все слова были уже сказаны. Они потеряли для нее всякий смысл.

Вскоре вернувшийся с «пяточка» комбат Банщиков привез новую тяжелую весть: на его глазах осколком мины, разорвавшейся недалеко от медпункта батальона, наповал сразило Владимира Николаевича Лебедева. На бледном лице Банщикова нервно подергивалось правое веко... Комбат поддержал перед комдивом просьбу Чернявской — ей разрешили вернуться на плацдарм.

Вечером на пробитой осколками санитарной машине Чернявская с врачом Андриановым и санинструктором Арбузовым выехала из Поптонной в Усть-Тосно. Врач Мария Васильевна Орлова и Денис Иванович Банщиков молча смотрели вслед удалявшейся машине.

...Лодка неслышно подошла к плацдарму села Ивановского в третьем часу ночи. Было тихо. Изредка постреливали. Приплывшие на лодке бесшумно выпрыгнули на твердый прибрежный песок и быстро пробежали несколько метров к землянке, где работал передовой отряд санчасти.

Наступил рассвет. Медленно, словно бы неохотно поднялось на горизонте кровавое солнце. Занялся новый день, и гитлеровцы вновь пошли в атаку. Враг стремился во что бы то ни стало ликвидировать наш плацдарм.

Чернявская вместе с другими санитарями оттаскивала раненых к реке, укрывала в землянках, перевязывала раны... Все заметнее редели ряды защитников героического «пяточка». В один из критических моментов боя, когда смертельно устали солдаты и, казалось, больше не могут противостоять ударам фашистов, Клариса выскочила на бруствер окопа.

— Товарищи, за мной! — крикнула она и бросилась вперед. Ее голос потонул в сотнях голосов. Его заглушили звуки боя... Солдаты рванулись за Чернявской, обо-

гнали ее, стреляя на ходу, перескакивая через тела павших, крича охрипшими голосами: «Впере-ед, ура!», страшные в своей ярости, гоня гитлеровцев прочь от реки.

А та, что дала толчок этому стремительному удару, упала, подкошенная пулей, обнимая холодеющими руками вытопанную, выжженную, всю в осколках, избитую, политую кровью однополчан освобожденную землю...

Днем к нам в санитарный отдел приехал помпотех автосанитарной роты Завищевский.

— С плацдарма в Усть-Тосно, — сказал он, — привезли на лодке погибшую там...

Он осекся на полуслове, посмотрев на меня. Я сразу все поняла и встала. Можно было не называть фамилии. Погибшей на плацдарме женщиной сейчас могла быть только Чернявская.

Романенко развел руки, потом сжал могучие кулаки и с гневом посмотрел на Завищевского, будто он, Завищевский, принесший эту горькую весть, был причастен к гибели лаборантки санитарного взвода Чернявской.

Из Понтонной вернулся Гофман. Он рассказал, что в медсанбат привезли из Усть-Тосна Чернявскую...

Мы хоронили ее душным августовским днем. Легкий ветерок, набежавший с Невы, шевелил над неподвижным в мелких ссадинах лицом тонкие, темные, гладко причесанные волосы, покачивал в безжизненных руках бело-желтые головки ромашек и сине-голубые васильки. С Кларисой прощались ее товарищи по дивизии, моряки с катеров, представители санитарного отдела армии, жители поселка. Плакали мужчины и женщины, военные и гражданские. Рыдал боевой комбат, неустрашимый старший лейтенант Николай Кукоренко.

Вспомнилась моя последняя встреча с живой Кларисой в медсанбате. Мы вышли к дороге, сели на поваленное дерево. Над Невой неслись вражеские снаряды, падали на шоссе, разбивали дома в Понтонной. Клариса, казалось, ничего не слышала, провожая теплым взглядом каждую машину, следующую в сторону фронта.

— Зря меня держат в медсанбате — как на привязи, — с тоской проговорила она после длительного молчания. — Я нужна на плацдарме.

Теперь я смотрела на нее, навечно успокоившуюся, и мне виделась темная, безлунная, морозная ночь над Понтонной, другая Клариса, веселая, жизнерадостная, что тихо пела «Ноченьку» под перезвон надтреснутой гитары, и разрывы снарядов над замерзшей Невой...

Грянул прощальный салют с эсминцев по позициям врага, и мы проводили Кларису Чернявскую к сельскому кладбищу села Рыбацкого.

Ее посмертно наградили орденом Ленина.

Из записей в старом блокноте

Я перелистываю свои записные книжки, помеченные сорок вторым — сорок третьим годами. Они хранят отрывочные заметки по Путролову и Ям-Ижоре. По ним беспокойная память быстро восстанавливает прошлое, приближает его, делает ясным, зримым.

Вот запись о подругах-санитарках Мишиной и Стрельцовой и их верном товарище Василии Васько.

22 июля 1942 года в Колпине старший врач 37-го полка военврач третьего ранга М. И. Кулебякин вручил санинструктору 45-мм батареи Марии Мишиной большой пакет с перевязочным материалом и отправил ее в Путролово. Весь следующий день Мишина провела на передовой. Узнав, что в отбитой от врага землянке лежат наши раненые, она поползла к ним, но только взялась за скобу деревянной двери, как взрыв мины отбросил ее. Мария потеряла сознание. Когда очнулась, почувствовала, что из ушей и носа капает кровь... До утра без сна пролежала в землянке на нарах. Ее тошнило, болел затылок, но чуть полегчало, как Маша, верная своему долгу, вернулась на батарею.

...Они начали службу вместе, верные боевые друзья-ополченцы — военфельдшер Василий Васько, молодой паренек с васильковыми глазами, большим лбом и добрым, открытым сердцем, санинструкторы Михаил Железный, Шура Стрельцова, бывшая работница завода «Электроаппарат», и Мария Мишина — работница завода имени Коминтерна. Затем война их разъединила, и вот они снова вместе.

Днем 24 июля возле развилки дороги на Колпино рота автоматчиков отражала очередную контратаку противника. Наступил критический момент, когда бой приблизился почти вплотную к полуразрушенной стене и траншее, куда Васько и его товарищи укрыли раненых. Военфельдшер всем роздал гранаты, приказал не отходить от раненых и без его команды гранаты не бросать. К счастью, атака была отражена без помощи медиков и все раненые доставлены в полковую санчасть. А медики снова вернулись на передовую.

Солнце в тот памятный для них июльский вечер долго

не уходило за Пулковские высоты. Его косые лучи освещали руины, разбитую бомбами и снарядами многострадальную равнину, раненых, убитых. В душном летнем мареве плавал дым, тянуло гарью.

Девушки с вечера ничего не ели. Идти в санчасть далеко, да и портянки взмокли, гимнастерку не стянуть с влажного тела. Но голод не тетка! За приречными кустарниками нашла Шура Стрельцова чудом уцелевшую голубику. Жадно ест бледно-синие спелые ягоды. Они дурманят голову, к сердцу подкрадывается тошнота. Шура сжимает виски руками, пьет болотную воду, отдающую ржавчиной. Тошнота отходит. Вместе с Мишиной она несет на плащ-палатке связиста, раненого в ногу, к шоссе.

Санструктор Стрельцова — человек особой судьбы. Как-то после двухнедельного пребывания в противотанковом рву рядом с бойцами она возвращалась в санчасть полка. Но едва выбралась из рва на поверхность, как ее подстрелил снайпер. Раненная в голову, Стрельцова опрокинулась назад в ров. Ее вынесли оттуда ночью и переправили в Ленинград, в госпиталь на 2-м Муринском проспекте. Она долго не приходила в сознание. Когда раны стали заживать, ее продолжали мучить головные боли. Но демобилизоваться, как предложила ей врачебная комиссия, Стрельцова не захотела — накрепко связала она свою судьбу с боевыми друзьями, с военной профессией санструктора. Подлечилась чуть-чуть и вернулась на фронт, подстриженная «под мальчишку», похудевшая, бледная, но счастливая встречей с родным полком. И боевые друзья порадовались ее возвращению, встретили ее торжественно. Орден Красного Знамени — ее боевую награду, по обычаю фронтовиков, окунули в кружку с разведенным спиртом и прикрепили к гимнастерке. Выпили за ее здоровье, пожелали большого военного счастья, ну, а ей, после ранения головы и контузии, даже пригубить не дали...

Еще до ранения Стрельцова мечтала стать снайпером. Когда вернулась из госпиталя, ей разрешили постажироваться у известного снайпера дивизии Исаея Евгеньевича Колотова. Сила воли, крешкий характер помогли Стрельцовой не только одолеть слабость и головокружение, но и проявить свои снайперские способности. Помогли ей в этом и такие качества, как выдержка, хладнокровие, хитрость.

Исай Колотов был доволен своей ученицей, с которой не раз вместе выслеживал врага из засад. На снайпер-

ском счету у Стрельцовой числилось более пятидесяти уничтоженных гитлеровцев.

Но санитаров не хватало, и Стрельцова, сдав на временное хранение винтовку, снова вооружилась санитарной сумкой. Днем и ночью она спасала раненых, вынося их из огненного пекла, а по ночам постанывала от головной боли и звона в ушах — все-таки сказывались контузия и ранение.

В боях за Путролово участвовала и ранее служившая во 2-й гвардейской дивизии Валентина Чибор — санинструктор 175-го минометного полка.

Незадолго до начала боевых действий я разыскала Валентину Чибор в Колпине и подарила ей газету «На страже Родины» от 17 июля 1942 года, где была напечатана ее фотография в связи с награждением Валентины орденом Ленина.

— В боях оправдаю такую великую награду, — говорила, обнимая меня, Валя. — Вот увидите.

И, как всегда, слово свое сдержала. Когда начались бои за Путролово, она, невзирая на вражеский огонь, вместе с подружкой Зоей Павловой перебежала от одной батареи к другой, выносила раненых к реке, вывозила их на лодке, негодовала на белую, предательски светлую, ночь, позволявшую фашистам безнаказанно расстреливать безоружных санитаров.

Засевший на разбитой колокольне вражеский снайпер, очевидно, заметил проворную девушку с санитарной сумкой и тяжело ранил ее, раздробив ей плечо и ребра. Зою Павлову, работавшую рядом с ней, даже не цапнуло...

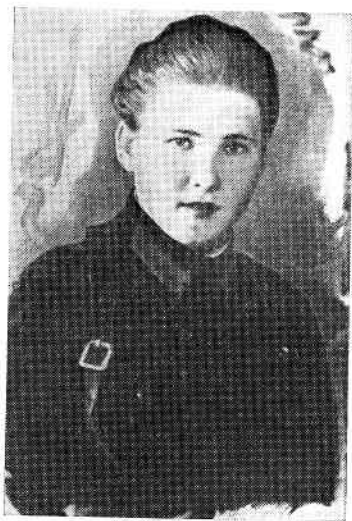
Я навестила Валентину Георгиевну Чибор в армейском госпитале. В тот день командарм Свиридов вручил ей орден Ленина. Валя молча протянула мне небольшую коробочку, в которой поблескивал орден. Рядом с ним лежала желтая нашивка — свидетельство о тяжелом ранении.

Но она все-таки вернулась в свой минометный полк, с которым в январе сорок третьего года участвовала в прорыве блокады Ленинграда.

...Еще одна запись в старом блокноте. Чтение ее и сейчас вызывает чувство глубокого волнения, заставляет мыслями вернуться к тем незабываемым дням, к девушке из Порхова, к свадьбе в противотанковом рву.

В батарее 213-го полка служила санинструктором Валентина Ульянова, стройная молодая женщина, быстрая, ловкая, умелая. И надо добавить — бесстрашная. Когда

*Санинструктор 56-й стрелковой
дивизии Валентина Ульянова.*

утром 24 июля батарея выкатила пушки на открытые позиции и прямой наводкой стала бить по церкви и другим огневым позициям противника, Ульянова находилась среди батарейцев. Поддержанные артиллерией, стрелковые цепи полка ринулись в стремительную атаку и ворвались в траншеи гитлеровцев. Но вскоре противник пришел в себя и повел ожесточенные контратаки.

— В крошечном аду, на открытой незащищенной местности, — рассказывал мне начарт полка капитан С. К. Хачатуров, — металась от одного орудия к другому санинструктор Ульянова. Она оказывала помощь раненым во всех расчетах, вытаскивала их из зоны обстрелов в более безопасное место. А когда не было раненых, помогала батарейцам: подносила снаряды. Когда пехота двинулась вперед и за ней потянулись поредевшие оружейные расчеты, раздался взрыв. Покалечило несколько человек. Среди них была и наша любимица Валентина.

Санинструктора отбросило в сторону, и она на какое-то время потеряла сознание. Возвращалось оно медленно, вместе с острой болью в глазах, тяжестью и звоном в голове. Валя лежала на носилках, покачиваясь в них как в лодке. Дрожащими пальцами коснулась израненных губ, распухших век, усеянных мельчайшими осколками. Страшная тревога охватила ее — целы ли глаза?

Батарейцы принесли ее в родной медсанбат. Кто-то отвел ее руку, кто-то сделал укол морфия, и она вновь по-

плыла, покачиваясь, как в лодке по реке своего детства Шелони.

Сквозь забытые она слышала стоны, будто кого-то бинтовала, падала в воронку, переползала через бруствер и снова падала и стонала от боли. Вокруг нее стояли ее друзья, но она их не видела.

Ее увезли в большой ленинградский госпиталь, принимавший раненых в больнице имени Нечаева у Витебского вокзала, и долго лечили: глаза, руки, ноги... Как-то раз у своей кровати она услышала знакомый голос. В ту пору в госпитале лечился старший врач 213-го полка 56-й дивизии военврач второго ранга М. Нехчин. Он случайно узнал о доставленной из Колпина тяжело раненной санитарке и с трудом признал в ней ту, которую так хорошо знал — юную разбитную Валю Ульянову.

— Держись, девочка, не сдавайся, — подбадривал он ее, присаживаясь на койку. — Глаза-то целы! Пройдет воспаление, снимут повязку, и ты снова увидишь свет.

И Валентина старалась держаться мужественно, не сдаваться. Но тяжелая мысль об ожогах лица сверлила ей душу, лишала покоя. И все же она решила, что вернется к тем, кто знал ее молодой и красивой, к своим верным друзьям, и с ними пройдет весь путь до конца. После встречи в госпитале с однополчанином она почувствовала себя менее одинокой. При своем военвраче старалась держаться веселее, а когда оставалась одна, сурово замыкалась.

У нее нет дома в Порхове. Его сожгли оккупанты. У нее нет отца — его повесили фашисты. Сейчас ее дом — землянки переднего края. Ее единственно близкие родные — ее боевые друзья. Она знала, что они ей помогут, не дадут пасть духом, не оставят в беде.

Лежа долгими часами на своей кровати среди таких же, как и она, раненых фронтовичек, она часто уносила мыслями в Колпино. Там пришли к ней первое и последнее в ее жизни большое счастье и первая настоящая боль незабываемой утраты.

— Горько! — раздавались приглушенные возгласы в низкой прокуренной землянке противотанкового рва. Чокались металлическими кружками, желали новобрачным счастливой долгой жизни. В ту январскую морозную ночь друзья одаривали Валю и Яшу скромными подарками. Валя была счастлива, как может быть счастлива женщина, впервые познавшая ответную любовь.

В полночь свадебный вечер внезапно оборвался. Раз-

далась команда, и фельдшер Яша Кац ушел с разведчиками за противотанковый ров.

Валя осталась одна в сырой землянке у остывающей печурки, и ей впервые стало страшно не за себя, а за него, за молодых ребят, ушедших с ним. Всю ночь чадил в землянке фитилек, стучали старинные ходики, кем-то принесенные из Колпина, и неумолимое время отсчитывало свой вечный ход.

Она ждала и надеялась, как могут ждать и надеяться только женщины.

Фельдшера, смертельно раненного, принесли незадолго до рассвета. Валя сама отвезла его в санчасть, а потом похоронила.

Так кончилось быстрое фронтовое счастье. Валентина не могла оставаться в санчасти полка и попросила ее перевести в разведроту дивизии. Не было отчаянее ее в роте. Она искала средства заглушить боль, еще не понимая, что ее может ослабить только время. Она как бы лишилась чувства страха, но где-то в тайнике души, даже не признаваясь себе, боялась одного — быть раненой в лицо. Валя видела молодого лейтенанта, которому взрывом мины покалечило лицо.

Вот теперь ранило и ее.

Еще болели и слезились глаза, горели и набухали на лице свежие рубцы, когда Ульянова выписалась из госпиталя и направилась в Колпино. То были последние дни августа. Ей было тогда девятнадцать лет.

— Как встретили вас товарищи? — спросила я.

— Как увидели, многие заплакали, — просто ответила она.

Затихли бои за Путролово и Ям-Ижору. Одни дивизии выводились во фронтовой резерв, другие приходили в нашу армию. В обстановке строгой секретности у нас продумывался в деталях план медицинского обеспечения новой боевой операции.

На Ивановском плацдарме

Начсанарм Гофман и оба начальника наших лечебно-эвакуационных учреждений Буков и Саксонов несколько раз выезжали в Управление Северо-Западного пароходства. В результате их переговоров в конце первой декады августа к берегу Усть-Ижоры пришвартовались речной трамвай «Онега» и буксирный пароход «Вальтер» с баржей «Кивач». Сами наши медики переоборудовали их внутренние помещения, превратили в образцовые ме-

дицинские палаты с перевязочными. Эта небольшая флотилия, переданная санитарному отделу 55-й армии, сыграла значительную роль в эвакуации раненых из полковых медпунктов дивизии и медсанбатов в госпитали во время августовской боевой операции на берегах Тосны и Невы.

На берегах Тосны наши воины еще в сорок первом сражались за каждый метр земли, стараясь не пропустить здесь врага, остановить его. Они выполнили тогда эту боевую задачу. А в августе сорок второго тут развернулась еще более ожесточенная борьба.

Берега Тосны и Невы у села Ивановского враг опоясал колючей проволокой, подходы к ним заминировал, все вокруг пристрелял. И потому тяжело пришлось тут действовать десантникам, танкистам, понтонерам, артиллеристам, связистам и не в меньшей мере — медикам.

Эвакуация раненых с захваченного плацдарма осуществлялась через медпункты дивизии преимущественно водным путем. Сюда, в удобную бухту, к просторной землянке медсанчасти 952-го полка в Корчмино, двадцать четыре раза приходило санитарное судно «Онега». Забрав раненых, «Онега» уходила к Понтонной или в Усть-Ижору, к медсанбатам. Оттуда эвакуация раненых в госпитали осуществлялась также по реке — на пароходе «Вальтер» и барже «Кивач».

По Неве плавали мины. Однажды вражеский снаряд угодил в «Онегу» и пробил ее корму. Взрывной волной выбросило за борт военфельдшера Егорова и санитаря Андреева, контузило неутомимую труженицу медсестру Аню Горюнову. Военфельдшер и санитар, хотя были несколько оглушены, оказались хорошими пловцами, преодолели сильное течение, подплыли к судну и забрались на палубу. Продрогшие, бледные, они сразу же взялись за дело, помогая ускорить погрузку, чтоб быстрее уйти из зоны обстрела.

Было и такое. Один из военных катеров, выделенный капитаном второго ранга А. М. Богдановичем, сел на мель и попал под обстрел. Капитан «Онеги», успевший к тому времени отойти от Корчмина, повернул обратно, помог выловить из воды тех, кто был на военном катере. С пробоинами на борту тяжело груженная «Онега» благополучно пришла в Усть-Ижору к эвакуационникам.

Десант на быстроходных военных катерах подошел к Ивановскому в полдень 19 августа сорок второго года. Начались подлинно героические дни и ночи Ивановского плацдарма.

Не буду излагать историю боев на этом «пяточке». Скажу только, что в те дни прославились имена мужественного командира 952-го полка майора Н. И. Ключанова, комбата того же полка старшего лейтенанта Н. Курореко и многих других.

Боевые действия на плацдарме были исключительно ожесточенными. Тонны раскаленного металла падали на землю Ивановского, на берега Тосны, где держались за отвоеванную у врага землю наши бойцы.

Вывоз раненых с плацдарма и подвоз туда боеприпасов были крайне затруднены. Для того и другого требовались смелость и бесстрашие. И все же эвакуация раненых не прекращалась ни на один день.

Семь бессонных дней и ночей работала группа военврача Страшинина в Корчмине. Через его руки и руки его коллег прошло много раненых. Каждому из них оказали необходимую помощь. В этом была особенность Страшинина — все делать обстоятельно. Он трудился неутомимо и никогда не поддерживал разговоров об усталости. Под стать ему была и вся небольшая команда помощников: фельдшера Михаил Алексашин и Федор Езерский да трубач из музкоманды студент медик Леонид Недзеляк.

Раненых с Ивановского плацдарма доставляли неразлучные друзья Александр Шарапов, Сергей Крылов и санинструктор Василий Поярков. Когда на понтонном мосту ранило Шарапова, он не ушел из полка и продолжал работать. Сергей Крылов был смертельно ранен во время одной из переправ через реку Тосну. Гибель товарища Шарапов перенес как свою личную тяжелую беду.

1 августа медицинский отряд полковой санчасти возвращался в Невскую Дубровку. В Корчмине, у самого берега, я увидела сидящего на перевернутой днищем вверх старой разбитой лодке Страшинина. Он поджидал катер с правого берега. На тронутом загаром красивом лице лихорадочным блеском светились глаза под покрасневшими веками.

— Для всех нас в эти семь дней и ночей отдых и сон были несбыточной мечтой. Мы, наверное, навсегда разучились нормально спать,— сказал медленно Страшинин. Голова его опустилась на грудь, и он мгновенно уснул, выронив из рук пилотку.

В десанте на Ивановский плацдарм принимали участие минометчики 239-го полка 70-й дивизии, прибывшие из Невской оперативной группы. С минометчиками шел на катере и старший врач полка Петр Гультяев. Невдале-

ке от Ивановского катер попал под обстрел и загорелся. Огонь быстро пополз к бензобаку. Спасаясь от взрыва, все, кто был на катере, бросились в Неву. Тогда-то Гульяев впервые испытал, как студена Нева даже летом. Ноги в тяжелых сапогах тянули ко дну, и он спасся благодаря тому, что вовремя ухватился за плавающее бревно. Преодолевая сильное течение, подтолкнул бревно к еле державшимся на воде раненым.

Укрываясь за бревном, группа минометчиков медленно приближалась к берегу. Находившиеся там бойцы помогли доплывшим и Гульяеву. Связисты переодели его во все сухое, дали несколько глотков спирта. В жаркий летний день его бил озноб, на шее кровоточила небольшая рана. Помог ему неожиданно встреченный на берегу сокурсник — старший врач полка 43-й дивизии Андрей Бадмаев; он увел Гульяева и всех раненых в небольшую землянку своей санчасти, расположенную недалеко от берега Тосны, и они вдвоем оказали всем медицинскую помощь.

Обстановка на плацдарме оставалась сложной. Однажды вражеские автоматчики почти вплотную подобрались к развалинам, где укрывались раненые. Пришлось и медикам взяться за оружие.

Под берегом реки Тосны для укрытия лодок были открыты узкие длинные щели, прикрытые маскировочными сетями.

Враг продолжал осыпать минами и снарядами защитников плацдарма. Несмотря на обстрел, к вечеру берега Тосны-реки оживали. Вытаскивались из укрытий лодки. По траншеям легкораненые сами брели к берегу. Их торопливо рассаживали, а тяжелораненых укладывали на дно лодок...

Нельзя не вспомнить добрым словом наших героев-понтонеров, многократно паводивших мост через Тосну. Гитлеровцы не раз разрушали его, но проходило немного времени, и вновь над беспокойной глубокой рекой качивался мост, по которому санитары переносили раненых.

Сменяя друг друга, на плацдарме трудились врачи А. В. Зотов, С. М. Грозовский, А. В. Буданов, военфельдшер М. И. Калинин, санитары Владимир Должиков, Ахмет Самратов, Александр Дроздов и многие другие. Каждый из них делал все, что мог.

С тех августовских дней сорок второго прошли десятилетия.

Все так же течет у побережья Ивановского мутная, глубокая, холодная Тосна-река, торопясь слиться с проз-

Гарнизонный врач Невского плацдарма в ноябре 1942 года военврач 3-го ранга П. А. Гульгяев.

рачными, студенными невскими водами. Висит над рекой железнодорожный мост. Сейчас он не огрызается огнем из всех своих опор и пролетов, мирно пропускает поезда на Мгу, Волховстрой, Петрозаводск...

Рано поутру встает над Невой солнце и занимается новый день. Солнце обходит заново возрожденный поселок Ивановское, скользит по его нарядным ярким домам, заливает лучами реку Тосну и надолго задерживается на белом скромном обелиске. Он высится на холмистом берегу Тосны, у впадения ее в Неву, возле шоссе моста. Здесь всегда много полевых цветов. Памятник поставлен в честь тех, кто пал в августовских сражениях сорок второго. На одной из граней высечено имя Кларисы Чернявской.

Положите свой цветок и вы.

Здесь когда-то проходил передний край. Он обозначен воткнутыми в землю алыми флажками. Они при ветре колеблются и чуть слышно шелестят. Вслушайтесь, и вы услышите:

«Не забудьте, помните...»

Канун сорок третьего

Постепенно затихли бои на берегах Тосны-реки. Войска укрепляли отвоеванный плацдарм, зарывались в землю. Пройдет еще восемнадцать долгих месяцев, пока двинутся в наступление части с Ивановского «пяточка» и их

удар сольется с общим сражением за полное освобождение Ленинграда.

На поля сражения, в окопы, траншеи пришла вторая военная осень.

Опустели многие землянки и пробитые осколками дома в Колпине, в Корчмине, в Саперной, славно послужившие нашим медикам. Лишь под обрывистым невским берегом в просторных, хорошо оборудованных землянках продолжали работать санчасти полков, занимавших оборону на этом участке фронта. Непривычно тихо и на обширной территории кирпичного завода «Победа».

Вслед за своими полками ушли и медики 56-й дивизии, так много сделавшие для спасения раненых в колпинских противотанковых рвах, на Ижорском заводе, в подземных отделениях медсанбата. Проводить свой родной коллектив приехал его первый командир Н. Н. Александров, работавший теперь нейрохирургом в армейском госпитале.

Октябрьским ненастным вечером в санитарный отдел заглянул начальник тыла армии полковник Евгений Иванович Цуканов.

— На участке Невской оперативной группы,— сказал он,— продолжаются боевые действия за удержание плацдарма в районе Арбузова. Там действует семидесятая дивизия.

...70-я дивизия, 21-й медсанбат. Вспомнились многие, кого я знала, с кем переписывалась, кого помнила еще с институтских лет. Мелькнула мысль: куда же поставил свой медсанбат начсандив Павел Григорьевич Евсеев? Удалось ли ему в Невской Дубровке создать лучшие условия для работы медсанбата? Где после колпинских противотанковых рвов работают медики батальонов и полков дивизии? Оставалось лишь ждать писем, надеяться на личные встречи. Я знала: боевые друзья рано или поздно откликнутся, поведают о себе.

За окнами нашего отдела, у сада имени Бабушкина, где с лета работал второй эшелон штаба армии, неистовствует непогода. Сильный порывистый ветер, осколки снарядов сбили с деревьев еще не успевшую пожелтеть листву. Землю заливают бесконечный дождь.

В санитарном отделе многолюдно. Начсандивы, командиры медсанбатов привезли отчеты о проведенной работе. Начальник лечебно-эвакуационного отделения Новиков внимательно их просматривает, уточняя каждую цифру.

Есть время все тщательно проанализировать, обобщить опыт военных медиков по оказанию помощи раненым в боевой обстановке, по эвакуации раненых через водную преграду... Характеристика раненных, данные о потерях побегут ровными строчками под руками нашей машинистки Оли Дедовой и лягут на стол в санитарный отдел фронта.

Днем мне передали телефонограмму: срочно представить в отдел кадров списки погибших врачей и фельдшеров.

Составляю этот скорбный список.

Врачи полков 268-й дивизии: Н. Андриянов, В. Еромолаев, В. Лебедев, И. Фейфер. Лаборант медсанбата техник-интендант первого ранга К. Чернявская.

Военфельдшер 329-го полка 70-й дивизии С. Крюлов.

Военфельдшер 708-го полка 43-й дивизии Н. Зайцев.

Старший военфельдшер 342-го полка 136-й стрелковой дивизии И. Дроздов.

В памяти встали хорошо знакомые молодые лица, живые голоса... Разве их забудут друзья-однополчане?

Год подходил к концу. 22 декабря сорок второго года мы узнали, что героизм защитников города будет отмечен медалью «За оборону Ленинграда». В новом, сорок третьем, ею будут награждены и медики частей нашей армии и госпиталей.

Наши чувства хорошо выразил военврач Петр Гультев:

Кто в город не пустил врага,
Кто в смертной схватке одолел блокаду,
Тому, как высший орден, дорога
Медаль «За оборону Ленинграда».

Подшел последний день прожитого года. Мы вновь собрались все вместе, во второй раз за историю нашей армии, чтобы в комнате за плотно зашторенными окнами проводить добрым словом уходящий 1942-й год — год непрерывной борьбы и самоотверженного труда.

За окнами зимняя темная морозная ночь. На улицах и дорогах пустынно. Лишь кое-где мелькают огоньки карманных фонариков, проносятся редкие машины, подмигивая узкими синими щелками.

Приехал из 67-й армии Л. Л. Либов и вручил мне письмо от Мушега Григорьевича Дурмишьяна. Он просил всем передать его новогодние поздравления. Бывший командир санитарной роты 2-й гвардейской дивизии Народ-

ного ополчения руководил в 67-й армии крупным лечебно-эвакуационным учреждением.

— Молодец, Дурмишьян: биолог — он стал заправским медиком, — сказал наш токсиколог Григорий Михайлович Муравьев. Новиков вспомнил жаркую полковую баню санчасти, созданную Дурмишьяном в Рыбацком, и его подарки — величайшее лакомство декабря сорок первого — кусочки замороженной конины.

В моем сознании вновь всплыло любимое Дурмишьяном древнее философское изречение: «Все течет, все меняется, и нет конца пути...»

На участке нашей армии наступило временное затишье. События медленно перемещались в 67-ю армию. Немного времени оставалось до решающих дней прорыва блокады Ленинграда, легендарных боев на левобережье Невы.

В район Невской Дубровки ушли от нас многие боевые дивизии, медицинские службы, хирургические группы **усиления.**

У переправы

Безгласны невские волны. Издревле течет студеноя Нева из глубокой Ладоги, прокладывает себе путь, петляя мимо низких берегов, в Финский залив.

С конца сентября сорок первого по январь сорок третьего на левом берегу Невы шли кровопролитные бои. Здесь сражались те же советские соединения, что в разное время преградили путь вражеским дивизиям у Мги, под Выборгом, громили их на берегу Тосны-реки.

«Первооткрывателями» Невского плацдарма у Московской Дубровки были воины 115-й дивизии и 4-й бригады морской пехоты. В ночь на 20 сентября 1941 года они внезапно форсировали реку и захватили на ее левом берегу, занятом гитлеровцами, небольшой «пяточок» земли, который затем расширили.

Бои за удержание этого плацдарма вели войска специально организованной Невской оперативной группы; они срывали все попытки врага обойти Ленинград с этого направления.

Врачи, медицинские сестры, санитары вместе с воинами преодолевали широкую быструю Неву, когда резкий порывистый ветер с Ладоги гнал крупную волну и крутил снежные вихри. На левом берегу медики не раз попадали под минометный и артиллерийский огонь и лежали, кочenea под обрывистым берегом, прикрывая собою раненых.

Сорок дней и ночей провели на плацдарме славные медики 2-го батальона 4-й бригады морской пехоты. Вспоминая о той тяжелой поре, военврач третьего ранга Фердинанд Бекер, находившийся с батальоном на левобережье, рассказал:

«Помню бой у разрушенного моста в начале октября сорок первого. К упавшему раненому офицеру бежала санинструктор Зоя Аверина.

— Зоя, подождите! — кричали ей вслед бойцы. — Гитлеровцы обстреливают мост!

Но офицер был, должно быть, ранен тяжело — не поднимался, и Зоя упрямо ползла к нему. Когда бой закончился, товарищи внесли в блиндаж бездыханное тело мужественной советской девушки. Она все-таки добралась до раненого, но тут же была сражена вражеской пулеметной очередью.

Никогда не забыть мне доброго, отзывчивого и безотказного в работе санинструктора Петра Лобковского. На поле боя он словно не замечал вражеского огня, спокойно перевязывая раненых, вынося их в безопасное место, подбадривал людей веселой шуткой и теплым словом. Смерть вырвала из наших рядов и этого смелого воина и замечательного человека.

Для эвакуации раненых лодок не хватало. Но многим требовалась срочная операция, и оставить раненых без квалифицированной помощи было нельзя. Тогда смельчак — подводник кок Владимир Зновенко вызвался переправить их днем на правый берег. Я понимал опасность переправы, но что было делать? И я разрешил Зновенко попытать счастья.

Два дня он доставлял раненых с левобережья в Невскую Дубровку. За его шлюпкой охотились фашисты и постоянно ее обстреливали, но Зновенко выиграл этот поединок. Совершая рейс за рейсом, мужественный моряк перевез 65 раненых. Он был награжден орденом Красной Звезды».

О себе же, о своей работе на левобережье врач ничего не рассказал. Но я сама прочла об этом в очерке «Фердинанд Бекер», напечатанном в газете 4-й бригады морской пехоты «За советскую Родину». Приведу оттуда отрывок:

«Блиндаж, в котором помещалась санитарная часть, служил для Бекера укрытием лишь в короткие часы сна. Днем и ночью он бессленно находился на переправе. Каждому раненому оказывал помощь. Каждую шлюпку с ранеными отталкивал своей рукой.

Много раз врач Фердинанд Бекер слышал посвист пуль у своего уха. Мины рвались у его ног. Осколками на нем была изорвана одежда. Но он делал свое благородное дело врача-патриота, доблестного воина».

В октябре и ноябре сорок первого года на плацдарме действовали еще несколько соединений. Затем здесь надолго обосновалась 86-я дивизия. Вплоть до весеннего ледохода 330-й полк 86-й дивизии оставался верным стражем Невского «пяточка». Вместе со своими подразделениями переправились на левый берег и медики батальонов и рот. Домом санитарных инструкторов, медицинских сестер Ольги Будниковой, Елены Ивановой, Софьи Поляковой, Марии Трошкиной стали полутемные землянки и блиндажи, тускло освещенные горевшими фитилями или огарком свечи, продуваемые злым осенним ветром траншей и окопы в полутора-двухстах метрах от противника.

Опасность подстерегала девушек на каждом шагу — в лодке или на плотках с ранеными на переправе и у самого берега при попытке зачерпнуть воды из реки.

То были трудные, но незабываемые дни и часы. Они навсегда запечатлелись в памяти, как и низкая равнина, перекопанная снарядами, с мокрой, липкой, гнилостной почвой осенью и окаменевшей, когда пришли морозы...

Работать медикам приходилось сверх всяких сил. Полковая санчасть на правобережье регулярно заполнялась ранеными, и командир санитарной роты военврач Борис Аграчев еле держался на ногах, но не покидал санчасть до тех пор, пока кто-то рядом нуждался в медицинской помощи. Он и сам часто переправлялся на левобережье. Многих спас тогда этот самоотверженный человек.

Остался в памяти однополчан и младший врач полка военврач третьего ранга Владимир Самойлович. Энергичный и мужественный Самойлович не щадил себя. Как бы ни свирепствовал враг, поливая свинцом Неву, он не покидал переправу. При его участии было доставлено с плацдарма более пятисот человек.

Длительно оказывал хирургическую помощь раненым на левобережье и талантливый хирург медсанбата Василий Русских.

...В полнодунье плацдарм кажется безлюдным, безжизненным. Тишину его нарушает лишь вой изредка пролетающих мин. В такую ночь восемнадцатилетняя медсестра Софья Полякова возвращалась в свою часть. Она осталась единственным медиком в своем заградбатальоне — военврач А. Лифшиц выбыл по ранению.

Полякова медленно шла к берегу. Болело разбитое колено. Скоро землянка — согреется у печурки, утолит мучительное чувство голода.

Неожиданно начался обстрел. Полякова прыгнула в темнеющую траншею и упала на замерзшую землю. Над траншеей со свистом проносились осколки. Остывшие тела погибших однополчан, за которыми она укрылась, спасли ей жизнь.

— Все медики считали для себя честью работать на плацдарме, но многие оттуда не вернулись, — рассказывала мне потом Софья Соловьева (Полякова).

Подошел ноябрь сорок первого. В праздничные дни фашисты усилили контратаки против гарнизона плацдарма, ожесточенно обстреливали оба берега Невы. В труднейших условиях санитарные инструкторы Ольга Будникова, Елена Иванова, Клара Терехова, Надежда Устинова вместе с фельдшерами Дмитрием Сысоевым и Дмитрием Дроздовым оказывали неотложную помощь раненым и в сумерки сосредотачивали их возле переправы. Медлить было нельзя. Состояние многих требовало неотложных операций и, едва вечерний туман скрывал 8-ю ГЭС, пострадавших укладывали в лодки или на плоты, и санинструкторы, санитары, фельдшера брались за весла. Немало мужества требовалось от вчерашних школьниц, восемнадцатилетних студентов и молодых работниц, чтобы в темноте переправляться через вздувшуюся по осеннему Неву. На реке беспокойно. То пролетит и разорвется в воде мина или снаряд. То повиснет в безлунном небе пущенный вражеской рукой «фонарь», демаскируя лодку...

Так уж было заведено в этом медицинском коллективе: раненых на правом берегу обычно принимал сам командир медсанбата Сергей Федорович Мамойко. Зная загруженность всех полковых медсанчастей, он быстро направлял в медсанбат всех, кто нуждался в более серьезном хирургическом вмешательстве.

В декабре плацдарм сковало морозом. По Неве плыла шуга.

Новый, сорок второй год группа медиков полка встретила в большой землянке под берегом реки. На короткое время стало очень тихо.

А потом ранило и контузило славную девушку, мужественного санитарного инструктора Елену Иванову, и ее доставили во фронтовой госпиталь. Когда же на десятый

день к Елене вернулось сознание, она слабым голосом, но категорически сказала врачу, что, как только чуть окрепнет, обязательно вернется в свою дивизию, на передовую, и слово свое сдержала.

Тяжелые потери медиков на плацдарме причиняли их товарищам большую боль. Теперь каждый трудился не только за себя, но и за погибшего товарища. А плацдарм жил, плацдарм сражался. Его защищали также воины с медицинской эмблемой в петлицах. И этими воинами были в большинстве своем женщины.

Тяжелая зима сорок второго года медленно, неохотно отступала. Дни становились длиннее, небо светлее. Мартовский день стремительно набирал силу. Близилась пора белых ночей, пора последних весенних боев легендарного 330-го полка на легендарном плацдарме.

Перед ледоходом, в конце марта сорок второго, по приказу командования всем женщинам было приказано покинуть плацдарм. Девушки-медики, привыкшие к невзгодам боевой жизни, хотели остаться, разделить участь с теми, на кого падали новые испытания: плацдарм мог оказаться отрезанным от тылов — река, забитая льдинами, сделалась непроходимой.

Но приказ есть приказ...

И командир медицинской роты 330-го полка военврач Б. Аграчев, и врач медсанбата В. Русских, и начальник полпитотдела А. Шуров трагически погибли в апреле сорок второго на Невском «пяточке» с последней горсткой его защитников.

Осенью сорок второго командование фронта вновь решило восстановить плацдарм на левобережье, в районе Московской Дубровки. Эту задачу успешно выполняла 70-я стрелковая дивизия. Особенно отличился 2-й батальон 329-го полка, которым командовал капитан А. В. Строилов.

Батальон смело и внезапно «зацепился» за левобережье. А за ним к левому берегу непрерывно подходили лодки, высаживая все новых бойцов.

И снова в первых десантных группах находились и военные медики. Перед ними ставилась задача: организовать неотложную медицинскую помощь.

С передовым отрядом санчасти 329-го полка переправился и старший врач П. А. Гульяев. Санинструктор Василий Поярков, двадцатилетний веснушчатый добродушный парень, с которым Гульяев много поработал в

колпинских противотанковых рвах, давно уже приготовил сумку с перевязочным материалом. Отдельно сложил сухари и консервы, курево. Лодка шла довольно быстро. Сильно и уверенно гребли военфельдшер Юрий Мельников, санитар Иван Чернышев. Гультияев сидел на корме, смотрел на взбудораженную минами и снарядами реку. В потревоженной памяти невольно встал солнечный августовский день, река Тосна и берег Ивановского. «Прорвались тогда наши, захватили берег. И сейчас прорвемся».

Наконец-то дно лодки ударилось о землю. Они достигли левобережья. Неподалеку, в траншее, их поджидал военфельдшер Геннадий Бусыликов. Он уже успел разыскать просторную землянку возле самого берега, траншея от нее подходила к самой воде.

Медики быстро привели помещение в порядок, выбросили пустые немецкие бутылки из-под рома, соорудили из ящиков стол и сиденье, зажгли фонарь, приготовили перевязочный материал и не успели еще по-настоящему обжиться, как стали подходить раненые.

С первыми ротами на побережье вступили старший военфельдшер Александр Шарапов, санинструкторы Екатерина Карпова, Надежда Ракитская и Мария Романова. Карповой вместе с Шараповым приходилось не раз перевозить раненых через Неву. Катя получила тяжелую коптузию и во время переправы едва не утонула. Восемнадцатилетние Ракитская и Романова вместе пришли на фронт после окончания курсов Красного Креста. Внешне очень разные, они крепко дружили, гордясь оказанным им доверием, и все силы отдавали спасению раненых.

Опять начались тревожные дни Невского плацдарма. Над флангом дивизии нависали железобетонные корпуса 8-й ГЭС. В руках захватчиков они превратились в мощные укрепления. С огневых точек ГЭС гитлеровцы вели губительный огонь вдоль реки и по ее берегам.

Условия на плацдарме были исключительно тяжелые, и медики едва успевали оказать всем неотложную помощь. Тяжело раненного тут комиссара дивизии бригадного комиссара Г. В. Журбу требовалось срочно оперировать, и моряки его засветло перевезли через Неву.

Как ни свирепствовал враг, яростно поливая «пятачок» свинцом, но вернуть потерянные позиции гитлеровцы не смогли.

Система эвакуации раненых с плацдарма оставалась такой же, как и в сорок первом. Медики полков доставля-

ли на левобережье из Невской Дубровки медикаменты, продовольствие, шины, носилки, а затемно увозили на правый берег раненых.

С плацдарма всегда с тревогой смотрели вслед уходящим лодкам. Так было и в тот предвечерний час, когда военврач Гульяев и санинструктор Поярков перевозили раненых в Невскую Дубровку. В метрах двухстах от левого берега разорвалась мина. У перевозчиков вырвало из рук весла, утлое суденышко понесло по течению. Гульяев и Поярков очутились в воде. Но им все же удалось доплыть до лодки и подтянуть ее обратно к берегу. Они перенесли дрожавших на холодном ветру раненых на плот и на этот раз благополучно доставили их через Неву.

Когда выбыли из строя старший врач 68-го полка В. Гнусов и прибывший на его место В. Мехтейс, гарнизонным врачом Невского плацдарма назначили П. А. Гульяева. На его плечи легла ответственность за судьбу всех раненых, за их быстрейшую и организованную эвакуацию. Верными его помощниками были опытные и мужественные военфельдшеры Александр Шаратов, Николай Виноградов, Лука Олейник и другие. Все восхищались необыкновенной смелостью Виноградова, нередко сопровождавшего раненых через Неву: он попал в ледяную воду, тонул, но точно в срок доставлял начсандиву Евсееву самые свежие сведения с плацдарма. Начсандив называл Виноградова своим «связным».

Мы встретились с Виноградовым после войны в Выборге, где он работал в санэпидстанции. Его светлые глаза с прищуром смотрели внимательно и сосредоточенно, и когда он улыбался, мелкие морщинки сбегали к вискам. Видно было: этот человек, что видел — запомнил, что пережил — не забыл.

Мы долго стояли на берегу залива, откуда вдаль уходили катера. Крепчал ветер, гнал крупную волну. Тревожно кричали чайки. Виноградов смотрел на беспокойный залив, на черную мохнатую тучу, наплывавшую на город. Вероятно, он ощущал себя снова в утлой, поврежденной осколками посудине с поломавшим веслом в онемевших руках.

Он зябко повел плечами, сказал глухо:

— Разыщите Луку Олейника и Федора Крючкова. Это — ветераны дивизии. Всю войну Лука вел дневник, записывал в него все, что казалось ему необыкновенным...

Я разыскала Луку Олейника и Федора Крючкова. Одного на станции «Скорой помощи», другого — на аптечном складе. Я попросила Олейника познакомить меня со сво-

ими записями. Глянул на меня Лука Андреевич недоверчиво, пронзил светлыми цепкими глазами.

— Дай же человеку почитать, — сказала Олейнику его жена, симпатичная приветливая женщина. Ладонь ее правой руки стягивал глубокий рубец.

Лука водрузил на нос очки, разгладил страницы, словно приласкал их, хранящих столь памятные и дорогие его сердцу записи, и протянул мне тетрадь...

Из этих записей я поняла, какой трудный боевой путь прошел командир взвода санитаров-носильщиков Олейник с первых же дней войны, как много и тяжело приходилось трудиться фельдшеру на передовой со своими санитарями.

Как-то в Невской /Дубровке воздушной волной от взорвавшейся на берегу бомбы военфельдшера подняло с земли и отбросило на несколько метров. Он потом не мог вспомнить, как после этого приполз в землянку санчасти и свалился на лежак. В глазах искрилось. Он тер лоб, сбрасывал и снова прикладывал мокрую прохладную тряпицу. О чем-то спрашивал врачей Бережного и Резникова, но голоса своего не слышал. В голове на все лады звонили колокола... Ему что-то вливали в рот, делали уколы. После долгого сна, похожего на забытие, он очнулся. Тогда повел его Бережной длинной траншеей подальше от передовой, в медсанбат. А через несколько дней он вернулся на плацдарм, боевая жизнь которого заставляла его забыть о собственных недугах.

Разные люди собрались в санчасти 252-го полка, где трудился Лука Олейник, но все они стремились как можно лучше выполнить свой медицинский долг. Л. Ф. Бережной был не только хорошим организатором, но и искусным врачом. Он умело лечил и любовно выхаживал людей. Человек смелый, он не раз ходил на боевые задания с разведротой. А в редкие минуты затишья брал гитару в руки и, аккомпанируя себе, напевал лирические песни тех лет... Коллега Бережного Леонид Резников тоже проявил себя заботливым врачом. Под стать им был и младший врач полка П. П. Барабанов, родом из Поповки. Он мечтал о том дне, когда вместе с войсками ворвется в Красный Бор и родную Поповку, где оставались его близкие, о судьбе которых он ничего не знал.

— Петр Петрович был приветливого, веселого нрава. Наверное, и ему было страшно, когда прилетали вражеские самолеты, — рассказывала мне бывшая сандружинница Шура Свиридова, — но вида не показывал. Бывало, крикнет: «Ложись! Стервятники! Я вас прикрою!» Пока

шутит, глядишь, самолеты и улетели — все довольны. Хорошо, тепло он разговаривал с ранеными, отвлекая их от горьких раздумий. Как-то принесли молодого солдата. Ну, просто мальчишка! Рана у него большая. Стонет, плачет, маму вспоминает. «Чего ты плачешь? Ты ведь женатый мужчина. Разве мужчины плачут?» — говорил Барбанов, обрабатывая ему ногу. «Неженатый я!» — кричит мальчишка сквозь слезы. «А, значит, я ошибся — думал, ты мужчина». Поговорили, смотрим, парень плакать перестал, только зубы стиснул, со лба пот холодный каплет.

Еще был у нас в санчасти интересный человек, — продолжала Шура, — военфельдшер Цоль Циммерман. Тощий, в чем только душа держалась. Всегда невозмутимый и спокойный. Пусть небеса разверзаются, а он знай себе сыворотки вводит, шины накладывает, противошоковой жидкостью поит, что-то под нос мурлычет. Вот это выдержка!

Шура Свиридова гордилась тем, что и траншеи, и окопы на обоих берегах Невской Дубровки были открыты ее односельчанами. Здесь, в окопах, осенью сорок первого она была контужена и ранена в кисть руки, зажившую грубыми рубцами.

...Случилось Луке Олейнику вместе с санитарями проходить поселок Колтуши и деревню Мяглово холодным вечером. Ребята устали. Поразмыслил заботливый Лука и попросился до утра на постой в один из домов, будто знал, что стучался в дверь своей судьбы. Олейника и его товарищей впустила пожилая женщина. Вскоре они как убитые спали на полу. Чуть посветлело — ушли. Но после побывки наведывался сюда Лука, приметив в доме стройную девушку с ласковыми серыми глазами. В августе сорок второго ее, эту девушку, Шуру Свиридову, мобилизовали, и через несколько дней в землянке санчасти полка на берегу Невской Дубровки боевые товарищи поздравили Луку и Шуру и пожелали им счастья. Этот брак и поныне крепок и нерушим, как нерушимы солдатская дружба и верность.

Днем Нева пустынна. Ни одна лодка не скользит по ее глади. А когда темнеет и густой туман поднимается над водой, с левого берега на правый направляются лодки и плоты с ранеными. Люди на берегу Невской Дубровки ожидают раненых с плацдарма, чутко прислушиваются к звукам, доносящимся с реки. Заслыша всплеск весел, слабый скрип уключин, стоны, медики полков идут

в воду, навстречу своим товарищам. Они подхватывают лодки, подтаскивают их к берегу, уносят раненых в землянки батальонов и полков, к бумкомбинату, увозят в медсанбат. Берег Невской Дубровки жестоко обстреливается. Это та же передовая, только отделенная рекой, холодной и серой, как осеннее небо над ней.

Медицинские сестры из 329-го полка Шура Волнухина, Шура Галушина, Катя Карпова, Клавдия Первова пришли в Невскую Дубровку вместе с отрядом моряков.

Заботы молодых сестер в санчасти оказались разнообразнее, чем в Кронштадте. Мыли, чистили, носили раненых, делали им несложные перевязки, уколы, отвозили в медсанбат... Вечерами сидели в траншее, вырытой недалеко от берега, в паузах между разрывами снарядов и мин чутко вслушивались, не донесутся ли скрип уключин, удары весел, слабые стоны, всматривались в чернеющую реку. Что сегодня принесет им невяская волна, кого доставит на правый берег?

Недавно с девчатами произошел такой случай. Повар санчасти послал сержантов Волнухину и Галушину по воду к колодцу. Прошло после этого немало времени, а ни воды, ни двух Шурок нет. Повар с волнением поглядывал то на небо, то в сторону ГЭС, прислушивался к близким разрывам. «Беда! Пропали девчонки», — сказал себе старший сержант. Но только он собрался отправиться на поиски, как девчонки наконец появились — перепачканные в глине и с неполными ведрами в руках. Оказывается, им пришлось долго лежать в канаве, пока обстреливалась поляна, в конце которой был колодец. Улучив минутное затишье, обе Шуры бросились к колодцу, зачерпнули воду и опрометью кинулись назад, расплескав из ведер воду. Вдогонку им взвыла мина. Опять пришлось пережидать...

Раны войны всегда инфицированные, грязные. Каждая первичная обработка раны, какой бы простой она ни была, — всегда операция, и исход ее нельзя полностью предрешить. Тут многое зависит от знания, воли, опытности полкового врача.

Вот вернулся с плацдарма старшина санчасти 329-го полка Иван Рыбка. Уж прошло не менее десяти часов с момента ранения многих доставленных им бойцов. Никак не удавалось сразу перевезти их через реку. Врачи медсанчасти А. Страшинин и В. Шиллов забыли, когда последний раз выбирались из душной, пропахшей лекарствами землянки на свежий воздух. Ранения одно тяжелее другого: повреждены сосуды на раздробленном предплечье у

старшины, ранено легкое у сержанта. Озабочены врачи: как бы у сапера с огнестрельным ранением бедра не развилась газовая гангрена. Скорей их в медсанбат.

В один из таких дней глухой удар потряс землянку санчасти, упал со стола и разбился фонарь.

Страшинин очнулся и выполз из землянки через образовавшуюся щель, военфельдшера Михаила Алексашина сильно ранило в ногу, Шилова контузило, оглушило.

Превозмогая отчаянную усталость, Страшинин бросился на помощь пострадавшим. Он был только чуть бледнее обычного, когда обрабатывал ногу раненому Алексашину.

— Не горюй, Мишка! — несколько раз автоматически повторял Страшинин, очищая грязные раны. Он уложил ногу в шину и твердо произнес: — Срастутся кости, Мишка, срастутся — поверь мне.

А храбрый Мишка, бесчисленное число раз смотревший в лицо смерти, горько плакал. Видно, и у храбрецов бывает нервная разрядка.

Совершенно оглох военврач Василий Шилов. Он нервно подергивал пшеничный короткий ус и хлопал себя по уху, но тщетно. Сильно болела голова. Ничего он не слышал, даже собственных слов, сказанных Страшинину громко.

— Ни в какой медсанбат или госпиталь не поеду. Все пройдет, надо работать.

Еще один день подходил к концу. Наступала длинная, тревожная ночь. Еще много солдат в окровавленных шинелях и ватниках переправятся на правый берег. И все они пройдут через руки мужественных, сильных и добрых людей в белых халатах, забрызганных своей и чужой кровью...

Тылы дивизии и прибрежный район связывала лишь одна шоссе-дорога. Она шла мимо чернеющего леса, терялась за поворотом. Противник пристрелял ее, и то возле нее, а то и прямо на ней разрывались вражеские снаряды, поднимая столбы дыма и огня. Этой «дорогой смерти», как прозвали ее фронтовики, пользовались, когда обстановка требовала срочно доставить раненых в медсанбат. Обычно же раненых везли в обход, по ручейку, бравшему свое начало у деревни Плинтовки. Дно его истоптали солдатские сапоги и изъездили колеса машин. По камням со скрежетом протаскивали лодочки-волокуши и санки. От него шла размытая в колдобинах дорога. Путь по ней был много дальше, трудней, но надежней.

От Невы медсанбат располагался в полутора-двух ки-

лометрах. Ни один снаряд не разорвался на его территории. Видимо, прав был начсандив Павел Григорьевич Евсеев, когда посчитал более безопасным поставить медсанбат сразу за полками, а не в десяти километрах от берега.

Раненые с левого берега поступали сюда в тяжелом состоянии. У врачей — недолгие минуты, чтобы оценить их состояние и принять разумное решение.

Хирургической деятельностью медсанбата по-прежнему руководил Л. Е. Рухман. Восхищенно отзывается о нем высокий, с годами несколько погрузневший, с казацкими пышными усами врач В. И. Копылов:

— Лев Ефимович — чудесный человечище, остроумный, живой, отличный товарищ, великолепный хирург. Память феноменальная. Он все и всех помнит. Даты, факты, имена. Работать с ним — одно удовольствие.

В госпитальном отделении медсанбата, в его шоковых палатах, работала невысокая худенькая девушка — медицинская сестра Леля Полякова. Как ловко она умела «без промаха» попасть иглой в едва видимую жилку вены! Как и в Колпине, ее постоянной помощницей была санитарка Настя Тихонова, с довоенных лет служившая в этой дивизии. Ласковая, душевная, она была незаменима в уходе за тяжелооболъными.

Это ей оставшийся в неизвестности поэт из раненых посвятил бесхитростные строки:

Вост кругом ненастье,
Снегом все занесло.
Но если в палате Настя,
Значит — больным тепло.

В те дни дивизионная газета «За родину» напечатала такое письмо:

«Три месяца назад я лежал на операционном столе. Операцию мне делал военврач Рухман. Замечательный специалист-хирург, он буквально вырвал меня из рук смерти. Исключительную заботу и внимание проявили ко мне военврач Штромвассер, медицинская сестра Леля Полякова, сандружинница Настя Тихонова. Они находились около меня днем и ночью...

Краснофлотец А. Курбатов».

Да, дружно и самоотверженно работал коллектив медсанбата.

А на Невском плацдарме продолжались бои. Поддерживаемые огнем артиллерии с правого берега, советские воины отстояли Невский «пяточок». Когда основные си-

лы дивизии были эвакуированы с плацдарма, на левом берегу оставалась одна рота. Ею командовал капитан Бритиков. Рота отразила много вражеских контратак. Весь ее личный состав, в том числе и старший военфельдшер Александр Рвачев, удостоился боевых наград.

70-й стрелковой дивизии, отличившейся в этих и многих других боях за Ленинград, было присвоено звание 45-й гвардейской.

Прорыв

К январю сорок третьего года Ленфронт еще не накопил сил для полного разгрома вражеских войск под Ленинградом; вместе с Волховским фронтом он готовил операцию по прорыву блокады. По плану этой операции, получившей кодированное название «Искра», 67-й армии Ленфронта, созданной на базе Невской оперативной группы, предстояло пробиться навстречу войскам 2-й ударной армии Волховского фронта и соединиться в районе Рабочего поселка № 5.

На только что замерзших озерах и Неве, вдали от места предполагаемого прорыва, скрытно тренировались войска и вместе с ними военные медики — проводили учебные броски по льду Невы или Коркинского озера с его крутыми берегами. С каждым днем убыстрялся темп форсирования ледяной преграды. Ставилась задача за несколько минут пробежать 500—600 метров неровной ледовой поверхности с ее торосами и снежными сугробами, одним духом взлететь на обледенелые берега и атаковать противника...

Готовилась и медицинская служба армии под руководством начсанарма полковника А. А. Асатуряна и санитарного управления Ленинградского фронта. Действовать предстояло в условиях суровой зимы... Было решено максимально приблизить к берегу полковые санчасти, выдвинуть вперед посты санитарного транспорта.

Пополнили запасы перевязочного материала в ротах и батальонах, в медсанбаты завезли ампулы с донорской кровью — бесценным даром женщин блокированного Ленинграда. Опытные фельдшера и санитарные инструкторы, такие, как Владимир Дуда, Евгений Корнеев, Дмитрий Сысоев, Леонид Виноградов и Василий Овсянников, учили молодежь оказывать неотложную медицинскую помощь раненым в сложной боевой обстановке.

В конце декабря и в первые дни нового, сорок третьего года в подразделениях прошли медицинские осмотры. Они показали, что физическое состояние войск значительно

улучшилось. Принесло свои плоды повышенное внимание медиков к выполнению санитарных требований и питанию воинов.

В 270-м полку 136-й дивизии по совету старшего врача А. Н. Зотова и командира медицинской роты А. В. Медведева в подразделениях были заготовлены ягоды калины и рябины. Врачи первыми ели эти терпкие мороженые ягоды, которые, как они объяснили, повышают свертываемость крови, что очень важно при ранениях.

Полковые медпункты первого эшелона, растянувшегося примерно на 13 километров, были максимально приближены к берегу, от которого их отделяло не более 200—300 метров. Медики подготовили для приема раненых землянки и палатки, укрытые в редком мелколесье около Морозовки.

В каждой части имелась хорошо обученная группа санитаров и инструкторов для обслуживания постов санитарного транспорта. В их задачу входило собирать раненых в специальные гнезда-укрытия и затем доставлять на автомашинах в медпункты. В дивизиях первого эшелона — 268-й, 45-й гвардейской, 136-й, 86-й — были разработаны подробнейшие инструкции для старших полковых врачей, каждый из которых был готов немедленно выдвинуть ближе к боевым порядкам передовой отряд с врачом, а по мере развития тактического успеха перейти на левый берег всей санчастью.

Начальника санитарного отдела 67-й армии молодого энергичного военврача первого ранга А. А. Асатуряна больше всего тревожило отсутствие хороших дорог на правобережье: ведь раненых предстояло возможно быстрее доставить в медсанбаты и госпитали армии. И он объехал все медсанбаты дивизий первого эшелона, побывал в полковых медпунктах Невской Дубровки и Морозовки, определил точные маршруты движения санитарного транспорта. Начсандивы, командиры медсанбатов, врачи, фельдшера, санинструкторы работали в те дни особенно напористо, с какой-то приподнятой взволнованностью, понимая, что являются участниками исторических событий.

В ночь на 12 января 1943 года было не до сна. Зачитан приказ Военного совета фронта, дивизии скрытно заняли исходные позиции для наступления. Бодрствовали и медики в полках и медсанбатах. Уже под утро старшие полковые врачи А. Н. Зотов, Г. П. Коруноглу, П. А. Гульяев, Л. А. Колесов, Н. Б. Кругликов,

В. И. Мещеряков доложили своим начсандивам: вверенные им медицинские службы готовы принять раненых.

12 января, когда мощная артиллерийская подготовка подошла к концу и тысячи орудий и минометов уже обрушили на левый, занятый фашистами берег Невы огненный смерч невиданной силы, ринулись вперед батальоны 136-й дивизии. В морозном воздухе широко разлилась мелодия «Интернационала». Она подняла в едином порыве все войска и бросила их вперед, на врага. Перед ними высился знакомый и в то же время незнакомый берег, закованный в снег и ледяную броню...

С ротой автоматчиков перебежал Неву санинструктор 134-го гвардейского полка старшина 45-й гвардейской дивизии Николай Петрухин и вместе с бойцами взобрался на обледенелый берег. Вдруг он увидел, как сполз на снег политрук Иконников. Петрухин бросился к нему и закрыл большую рану на животе политрука повязкой...

Вместе с батальонами и ротами мчались по льду и другие военные медики. Одни из них сразу проскочили Неву и стали действовать на территории, отбитой у врага. Другие задержались на льду, чтоб подобрать и перевязать раненых.

Гитлеровцы вскоре после начала нашей атаки стали обстреливать Неву и правый берег. На льду появились глубокие трещины. В одну из них под вечер провалился командир взвода санитаров-носильщиков 134-го гвардейского полка военфельдшер Лука Олейник. Если бы не старший врач полка Леонид Бережной, остался бы Лука подо льдом. Промокший, в обледенелом на ветру полушубке пришел фельдшер в свою санчасть, в район бумкомбината...

Как только батальоны 342-го полка форсировали реку и завладели прибрежной полосой, туда направился медицинский отряд санчасти во главе с врачом А. Г. Белевским. В его состав вошли старший военфельдшер Иван Сергеев, санинструкторы Алексей Ракитский, Михаил Бернштейн, Алексей Кисляков, санитары Кузьма Дубовский, Иван Тимофеев. Отряду пришлось вначале потрудиться на льду — накладывать жгуты и повязки бойцам и передавать раненых дежурным из своей санчасти. Посты санитарного транспорта были выдвинуты всеми полками вначале к правому, а затем и к левому берегу Невы.

Как только позволила обстановка, полковые санчасти перешли через Неву в полном составе.

Вначале на правом берегу, а потом и на левобережье при полковых медпунктах и медсанбатах были организо-

ваны питательные пункты. Заботу о питании раненых взяли на себя сандружинницы и медсестры. В котлах полевых кухонь всегда были каша, борщ из концентратов, горячий чай. Нередко рядом рвались мины и снаряды, но как только затихал обстрел, новоиспеченные молодые поварихи возвращались к прерванной работе. Всех раненых (за исключением раненных в живот) сытно кормили, согревали и, тепло укутав, отправляли в тыл.

270-й полк 136-й дивизии, которым командовал полковник Федоров, в первый день прошел с боями около трех километров. Выдвинутый вперед старшим врачом полка А. А. Зотовым медицинский отряд во главе с командиром санитарной роты А. В. Медведевым расположился в отбитых у гитлеровцев блиндажах, метрах в трехстах от берега Невы. Постоянный минометный и артиллерийский обстрел осложнял действия отряда, но близость к наступающим помогала быстрее оказывать помощь раненым.

Бой постепенно удалялся от Невы, и санитарам все труднее становилось доставлять раненых к переправе.

Позже и на левом берегу Невы появились санитарные машины, но в первые дни боев пришлось немало поразмыслить над тем, как быстрее переправлять раненых на правый берег. Так появился санный поезд, в который впрягли трофейных лошадей. «Конструкторами» такого санного конного поезда были смекалистые старшины 270-го полка Василий Овчинников и Григорий Шевченко. Толстыми веревками они прочно связали несколько саней-розвальней, впрягли в них двух лошадей и повезли раненых через реку. С той поры их санный поезд курсировал непрерывно. Подобные поезда появились затем и в других частях.

Борьба за каждого раненого, за его спасение началась на передовой, нередко в тяжелейших условиях боя. Затем она продолжалась в полковых медпунктах, в медсанбатах и госпиталях, где медикам тоже приходилось весьма нелегко. Правда, там не было постоянного вражеского огня, но от врачей и сестер требовалось предельное напряжение сил.

В первый же день наступления в медсанбат 268-й дивизии доставили группу раненых из 347-го полка. Они пролежали на льду около двух часов под сильным артиллерийско-минометным огнем. Санитарам было к ним не подступиться. Когда же удалось наконец подавить вражеские огневые точки, раненых вызволили и увезли в Невскую Дубровку и далее в Манушкино, где располагался

медсанбат. Все они, естественно, были переохлаждены, а многие почти не подавали признаков жизни.

Врачи медсанбата М. В. Орлова, Н. И. Ильина, Н. И. Горячева, И. С. Хоменко, Д. И. Банщиков сделали все, чтобы вывести этих раненых из тяжелейшего шока. В специально оборудованных палатах их растирали снегом, вливали им противошоковую жидкость, делали переливание крови, согревали горячим чаем, химическими грелками.

Как же радовались врачи и сестры, когда раненые (одни раньше, другие позже) наконец оживали! Вначале у них появлялись боль и беспокойство. Постепенно и пульс, и дыхание становились яснее. Теперь можно было браться за первичную обработку ран. В каком объеме проводить операцию и делать ли ее в медсанбате или в госпитале — это решал в каждом отдельном случае старший хирург медсанбата Иван Степанович Хоменко. Правда, среди этих раненых оказались и такие, кого спасти не удалось...

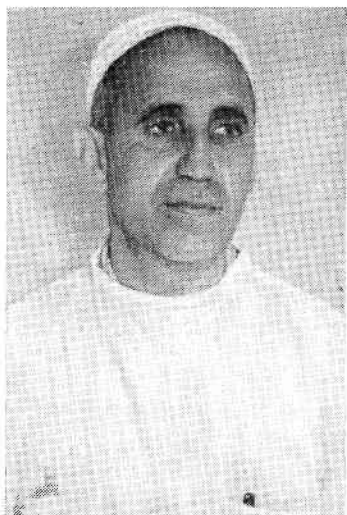
Полевой хирургический госпиталь 2237, который в декабре 1942 года ушел из нашей армии в 67-ю, принимал непосредственное участие в оказании помощи раненым в боях по прорыву блокады. В песчаном карьере Мяглово, среди редкого леса, был развернут палаточный городок и пищеблок. Персонал поселился в пустующих землянках.

Раненые стали поступать сюда уже через несколько часов после начала сражения. Сперва здесь выдерживался шестнадцатичасовой график дежурств, а когда к приемно-сортировочному отделению одна за другой стали подходить санитарные машины, график стал круглосуточным: об отдыхе нечего было и думать.

Санитарный отдел 55-й армии направил в госпиталь своих лучших хирургов — Б. Н. Аксенова, Н. Н. Александрова, Л. Л. Либова. Они напряженно трудились вместе с врачами госпиталя Н. Н. Гололобовой, М. К. Грекисом, П. Н. Кургановским, Б. М. Ярошецкой и другими. В разгар работы приехал главный хирург фронта П. А. Куприянов. Он обошел все отделения, долго не покидал операционной, консультируя врачей, проводивших сложную первичную обработку ран при комбинированных огнестрельных повреждениях крупных суставов, грудной клетки, живота.

Над головами врачей покачивались электрические лампочки: под окнами палаток постукивали электродвигки. Задувал ветер. Стыли в валенках ноги. От железных

Старший хирург медсанбата 63-й гвардейской дивизии подполковник медицинской службы А. П. Алесковский.

печурок шло приятное тепло, но на расстоянии нескольких метров от них было уже холодно. Зима протискивалась в холщовый тамбур операционных клубами белого пара.

— Делаете все, что можете. И даже сверх того! — похвалил Куприянов врачей госпиталя.— Спасибо вам. Боевые действия развиваются успешно, и это всем нам придает новые силы.

Говорят, что у победителей раны заживают быстрее. Участники боев по прорыву блокады, попадая в медсанбаты и госпитали, знали об успешном наступлении своих подразделений и частей. Это радовало, заставляло мужаться, стойко переносить физические страдания и заметно улучшало общее самочувствие. Да и врачи, сестры, санитары работали поистине самозабвенно. Позади были шестнадцать месяцев блокады и порожденных ею мук и страданий. Впереди, в нескольких километрах за разбуженной Невой, воплощалась в жизнь мечта о победе. В таких условиях невозможно было думать об усталости. Медики мысленно были с теми, кто шел последние километры до Большой земли.

Доброе, правдивое слово о хирургах войны написал в те дни ленинградский поэт-ханковец Михаил Дудин. Его стихотворение «Военный врач», посвященное старшему хирургу медсанбата 63-й гвардейской дивизии гвардии подполковнику А. П. Алесковскому, напечатала фронто-

вая газета «На страже Родины», и оно нашло благодарный отклик в сердцах всех военных врачей.

Я знаю, не легка ты,
Профессия военного врача.
Всю ночь гремели тяжкие раскаты
И оплывала тонкая свеча.
Мела метель, ходили тени шатко.
Глухие тропы ветер заносил.
И хлопала походная палатка,
Как птица, крыльями из парусин.
А раненых несли,
Они стонали.
Здесь нужно было дело —
Не слова.
И руки обнаженные мелькали,
И молча наклонялась голова.
Врач чувствовал его сердцебиение
И взглядом говорил ему:
«Держись!»
Всю жизнь свою и все свое умение
Он отдавал, его спасая жизнь.
Был жар палящ, морозный воздух резок.
От острой боли перекошен рот.
Сквозь бред и стон он слышал напоследок:
«Ну, ничего: до свадьбы заживет!»
Врач знал их всех.
Он всех считал своими.
Он каждого запомнил так,
Как будто б шел в дыму и громе с ними
Сквозь две войны и шестьдесят атак.

Медсанчасти полков всех дивизий в полном составе перешли на левый берег. В Марьино и у подножия горы Преображенской, неподалеку от железнодорожного полотна, в покалеченном войной лесу встали серые, пробитые осколками палатки, близкие и дорогие сердцу каждого военного медика.

...Ежедневно доставляла раненых в свой медпункт и девятнадцатилетняя санинструктор 330-го полка старшина Ольга Будникова. Храбрая девушка восвала на Невском «пяточке» еще осенью сорок первого; после ранения лечилась во фронтовом госпитале, а затем вернулась в свой полк.

12 января Будникова вместе с батальоном бежала через торосистую Неву. Только в тот день она вынесла из-под огня тридцать двух раненых с их оружием и сама переправила на правый берег в свою санчасть. К вечеру у нее распухли отмороженные пальцы рук; но из последних сил укладывала она раненых на повозку и везла их по Неве в Морозовку. Так продолжалось несколько суток, почти без сна и отдыха, в траншеях, в блиндажах, в окопах, под открытым небом на ледяном морозе.

16 января вблизи освобожденного Шлиссельбурга она спасла еще одиннадцать раненых, укрыв их в бывшей немецкой землянке. Переждав обстрел, саниструктор направилась за помощью к командиру батальона капитану Г. Е. Проценко. Но только попала на КП, как в дом, где он размещался, угодил снаряд, и Ольгу ранило в ноги и голову, контузило. Она чудом осталась жива. Товарищи переправили ее через Неву тем же путем, каким она сама недавно перевозила раненых, доставили в медсанбат, а оттуда — во фронтовой сортировочный госпиталь № 2222 при больнице имени Мечникова. Измученная долгой дорогой и потерей крови, Ольга, прежде чем спросить о себе, поинтересовалась у принимавшего ее врача: прорвана ли блокада?

— Прорвана, милая, поздравляю!

— Спасибо! — только и могла промолвить Ольга и тут же почувствовала, как смертельно устала, как трудно говорить, поднимать отяжелевшие веки, как хочется спать, пить...

В то время как в центре и на левом фланге армии успешно развивалось наступление, на правом фланге продвижение исчислялось несколькими сотнями метров. Героические действия батальонов 45-й гвардейской дивизии паталкивались на сильнейший огонь из 8-й ГЭС.

Много позже бывший командующий 67-й армией генерал М. П. Духанов, вспоминая те дни, писал: «Передовые подразделения 45-й гвардейской занимали исходное положение на «пяточке», находясь от противника на расстоянии броска гранаты. Передний край противника был слабо подавлен несмотря на то, что дивизия имела 153 орудия на километр фронта. 45-я была вынуждена больше обороняться, чем наступать, и являлась своеобразной точкой опоры для наступления, развивающегося на левом крыле армии».

Противник сконцентрировал сильный огонь по плацдарму. Снаряды разрывались на всей его площади. Оказывать медицинскую помощь раненым в таких условиях было настоящим подвигом. Каждый шаг санитаря, несущего раненого, находился под наблюдением вражеских глаз.

Медики на «пяточке» несли немало потерь. Осколками разорвавшейся мины тяжело ранило в грудь военфельдшера 131-го гвардейского полка Александра Петрова.

К нему подбежал его друг Лука Олейник. Наложил поверх пропитавшейся кровью гимнастерки большую повязку и оттащил Петрова в землянку. Пока бегал за санками, землянку разбило. Окровавленными, негнуцимися на морозе пальцами Олейник и военфельдшер Николай Виноградов стали ее раскапывать. Им удалось вскоре извлечь оттуда Петрова и, уложив его на санки, бегом перевезти через Неву.

В медсанбате Петров пришел в сознание. Ему перелили кровь, удалили разбитое легкое, отправили во фронтовой госпиталь. Через некоторое время Александр Петров вернулся в свой гвардейский полк, к своим боевым друзьям-товарищам.

Вечером 15 января на плацдарм пришел военврач А. И. Страшинин — ему хотелось скорей перевести санчасть на левый берег.

— Посмотри сюда, видишь траншею? Автоматчика видишь? — прокричал ему на ухо командир полка полковник М. И. Заалишвили.

— Вижу, — не очень уверенно ответил Страшинин.

— Раз видишь, значит, понимаешь — близко гитлеровцы. Разве место здесь врачебному пункту?

И полковник подтолкнул Страшинина и пришедших с ним фельдшеров в укрытие.

Почти безвыездно на плацдарме находился П. А. Гультьев со старшим военфельдшером Александром Бусыликовым и санитарным инструктором Василием Фокиным. Они все делали, чтобы не задерживать раненых на плацдарме и побыстрее переправлять через Неву в санчасть полка.

Морозным звездным вечером шли начсандив Евсеев с Гультьевым на плацдарм. Невдалеке от берега разорвался снаряд. Гультьева швырнуло в сторону, свалило на землю. «Убило!» — крикнул старшина Новиков, побежав за носилками. К счастью, врача не убило, а контузило и раздробило правую стопу...

В те дни на плацдарме погибла санинструктор 134-го гвардейского полка Машенька Романова. Ее подружка санинструктор Надежда Ракитская пережила Романову лишь на полгода и погибла осенью в боях за Синявино.

Наступление поддерживали огнем своих батарей и минометные полки, в которых служили — в 134-м — военфельдшером Евгения Мандрыкина, в 175-м — санинструктором Валентина Чибор, обе активные участницы боев на колпинской земле. Темноглазой красивой Мандрыкиной не повезло — в один из первых же дней боев по про-

рыву блокады, когда она перевязывала раненого, ее швырнуло на землю взрывной волной и ранило в грудь. Нижние ребра вблизи сердца были повреждены осколками. В тяжелом состоянии военфельдшера доставили прямо во фронтовой госпиталь.

А Валентина Чибор все восемь дней находилась на передовой, продвигаясь вперед вместе с минометными батареями своего полка. Трудно, конечно, ей приходилось в боях — давало о себе знать тяжелое ранение под Путиловом: ведь только недавно вернулась она из госпиталя. Но охваченная, как и все, наступательным порывом, она забывала о себе и о своих недомоганиях. Как всегда, Чибор действовала смело, бесстрашно. Шестьсот метров ледяного покрова Невы она преодолела на одном дыхании... Мучительно болело ослабленное ранениями сердце. Но потом она не думала о своем сердце, не до того ей было. Она спешила от одного раненого к другому, перевязывала, укрывала в больших воронках от артиллерийских снарядов.

18 января сорок третьего года на митинге в своей части, в отвоеванном от врага Шлиссельбурге, Валентина Чибор вместе со своими однополчанами радовалась соединению ленинградцев и волховчан, смеялась и плакала от счастья, подбрасывая вверх старую шапку с оторванным ухом. В одержанной победе была и ее пролитая кровь, муки и страдания.

Великое счастье первыми соединиться с передовыми частями 2-й ударной армии Волховского фронта, прорвать блокаду Ленинграда выпало на 136-ю дивизию и 123-ю стрелковую бригаду 67-й армии. Но героями этих сражений были все, кто воевал на левобережье и кто дрался за каждую пядь земли, начиная с первых дней войны, кто воевал под Лугой и Выборгом, на Красном Гангуте и под Колпином, кто плыл по Тосне-реке и Неве, сражался на невских «пяточках».

Прорыв блокады был бы невозможен без полной отдачи сил теми, кто создавал оружие победы в осажденном Ленинграде и на Большой земле.

Плечом к плечу с воинами всегда шли медики, готовые помочь раненому даже ценою собственной жизни.

В сентябре есть такой день, когда в Невскую Дубровку съезжаются ветераны Невского плацдарма. В благоустроенном, заново рожденном поселке высится Дом культуры. В нем уже много лет существует скромный музей Невского «пяточка» с ценнейшими документами и фотографиями. И за каждым письмом, вырезкой из газе-

ты — неповторимая человеческая жизнь, сложная многогранная судьба.

Ветераны чтут павших. Кладут цветы на дорогие могилы. Часами стоят на высоком невском берегу и долго смотрят вдаль, на изрезанный холмистый левый берег у Московской Дубровки, у Арбузова, на обелиск в деревне Липки и монумент у шоссе, ведущего к городу Кировску, поставленные в память ожесточенных сражений.

В Красном Бору

С большого расстояния многое видится ярче. Никогда не перестанут люди преклоняться перед подвигом военных строителей, всего за восемнадцать дней проложивших железную дорогу Шлиссельбург — Волховстрой по болотистому берегу Ладоги с мостами через Неву и Низию.

Но единственная железная дорога, связавшая Ленинград с Большой землей, еще много месяцев оставалась под прицельным обстрелом врага. Фашистские батареи засыпали снарядами и мосты, и железнодорожную колею, и мчавшиеся по «коридору» поезда.

Едва завершился прорыв блокады, началась подготовка к новой операции, на этот раз на участке 55-й армии. Бой же на левобережье, то затухая, то разгораясь, продолжались все лето. Только в середине сентября наши войска овладели наконец Синявинскими высотами.

Красноборская операция на участке 55-й армии была лишь частью общей задачи, поставленной Ставкой Верховного Главнокомандования Ленинградскому и Волховскому фронтам: воспрепятствовать гитлеровцам восстановить блокаду.

Удары 55-й армии на Красный Бор — Ивановское — станцию Тосно и войск Волховского фронта из района Макарьевская Пустынь — Смердыня — Кородыня в направлении Шапки — Любань должны были привести к окружению и уничтожению мгинско-синявинской группировки противника. События, увы, развивались не так, как было задумано, и не все удалось выполнить...

Санитарный отдел нашей армии во всех деталях продумал план медицинского обеспечения Красноборской операции, хотя времени для этого было в обрез. Подготовка началась в ночь на 4 февраля, когда Военный совет поставил начсанарму и его заместителю по политчасти

конкретные задачи. Доложить о полной готовности санитарного отдела было приказано через 5 суток.

Подполковник А. А. Новиков с помощниками капитаном Д. Курковым и старшим лейтенантом И. Жабиным занялись математическими расчетами: прогнозированием людских потерь, на основе которых и строился план санитарного обеспечения операции.

Организация помощи раненым — всегда творческий процесс и не может быть шаблонной. Если в декабре сорок первого дистрофия, переохлаждение, тяжелая физическая нагрузка валили с ног бойцов, а острая нехватка горючего для санитарного транспорта заставила пойти на чрезвычайное приближение медсанбатов и полевых госпиталей к передовой, то обстановка в феврале сорок третьего складывалась совсем по-иному. Блокада Ленинграда была прорвана, значительно улучшилось снабжение, из военных госпиталей в свои части возвращалось окрепшее пополнение. Материальная база наших госпиталей пополнилась бельем, транспортом, продуктами питания. Для санитарной службы были практически сняты все лимиты на бензин. К имевшимся шестидесяти машинам ГАЗ-АА, приспособленным для перевозки раненых, добавились автобусы.

В этих условиях отпала необходимость приближать медико-санитарные батальоны к переднему краю. Стройная система эвакуации раненых из районов боев позволяла держать медсанбаты воюющих дивизий в полусвернутом состоянии, в постоянной готовности к движению вперед.

Но справится ли автомобильный санитарный транспорт с вывозом всех раненых из Красного Бора и окружающих его сел и деревень по мере отдаления фронта? Чтобы не было перебоев в быстрейшей перевозке раненых, в распоряжение санитарного отдела передали мотовоз и вагоны с полным оборудованием, а также несколько платформ.

Полки и батальоны были основательно пополнены фельдшерами.

Долгие военные месяцы совместной работы в труднейших условиях сплотили медиков армии, превратили недавних выпускников институтов в знающих врачей, вооруженных навыками военно-полевой хирургии. Неизмеримо возросла медицинская зрелость фельдшеров, медсестер, санинструкторов, санитаров. Все они готовы были в новых боях оказывать полноценную помощь раненым на всем пути от ротного участка до эвакогоспиталя.

На исходе пятых суток план санитарного отдела был утвержден Военным советом армии и санитарным управлением фронта. Он стал законом не только для военных медиков, но и для командиров частей, участников операции.

Эвакогоспитали, передав своих пациентов для долечивания во фронтовые учреждения, несколько дней потратили на подготовку помещений и всего необходимого для приема пострадавших. Больше всего хлопот выпало на долю хирургических бригад. Медицинские сестры нарезали и уложили в стопки тысячи больших и маленьких салфеток, марлевых шариков и повязок, проверили системы для переливания крови. Стерильный материал готовился особенно тщательно: его автоклавировали при одной-полутора атмосферах в течение сорока минут.

Через руки работниц банно-прачечных отрядов прошли многие тонны белья. К началу боевых действий все медицинские учреждения имели все необходимое для большой работы. Палаты госпиталей блестели чистотой.

Наши эвакоприемники развернули в школьных помещениях стационары на несколько тысяч мест. Полевые госпитали передвинулись ближе к медсанбатам, поставив свои палатки в Усть-Ижоре, Понтонной, на правом берегу Невы, возле речки Оккервиль, и в окрестностях Колпина, чтобы в случае нужды взять к себе раненых из медсанбатов, которые двинутся вслед за войсками.

Рядом с хирургическими полевыми госпиталями встали терапевтические. В просторных палатках, устланных хвойными ветками, опытные военные терапевты готовы были выхаживать прооперированных раненых. Разъехались по эвакогоспиталям и медсанбатам наши замечательные организаторы военно-полевой хирургии, в войска были переданы лекарства и медицинские аппараты — все необходимое, что переслала воюющему Ленинграду страна.

Не были опущены в плане санитарного отдела и эпидемиологические проблемы. Предусматривалась тщательная проверка колодцев и других водоемчиков на отвоеванной территории. Это относилось также и к землянкам, к уцелевшим домам. Правдивую санитарную картину мог создать только санэпидотряд. Его мужественные врачи Т. И. Борисов, З. М. Васильева, И. И. Даальберг, Н. Н. Полякова и военные фельдшеры В. Эглов, И. Курбатов, А. Минько и другие готовились вступить с передовыми частями в освобождаемые районы, чтобы самим все рассмотреть, разузнать — нет ли среди населения ост-

рых заразных болезней, исследовать всю питьевую воду.

Перед началом боев в санитарном отделе было особенно многолюдно. Сюда приходили медики бригад и дивизий, отдельных полков за указаниями и материалами. Вот уверенным шагом входят гвардейцы 63-й, герои прорыва блокады — начсандив и командир медсанбата подполковники Н. А. Федин и Р. Р. Романов. Медицинская служба отважно потрудилась на обоих берегах Невы в январе сорок третьего, приобрела опыт в условиях наступления. Медики-гвардейцы доложили план санитарного обеспечения боевых действий на участке своей дивизии. Ее медсанбат развернулся неподалеку от въезда в Колпино.

Начсандив-72 майор К. П. Алексеев всегда вносил оживление в строгий стиль работы нашего отдела. Деловой, жизнерадостный, с известной долей лукавства, он, не мытьем, так катаньем, всегда «выцыганивал» все, что ему требовалось. На этот раз ему не пришлось выпрашивать — санотдел имел куда больше возможностей и тщательно укомплектовывал медсанбаты всех полков фельдшерами, санитарными инструкторами и санитарями. Но с начальником медснабжения интендантом третьего ранга М. Миндлиным Алексееву все же пришлось повоевать. Он положил перед ним длинные листы требования на медимущество и спирт. Миндлин падел очки, просмотрел заявку и сказал, что количество спирта завышено в ней в несколько раз.

— Скажите, пожалуйста, — сердито проворчал наш старый Миндлин, и у него нервно задергалось веко — след тяжелой контузии. — Где это видано, чтобы столько спирта отпускать одной дивизии?

Алексеев пошел с жалобой к начсанарму, а в нашу комнату в это время вошел фельдшер-статистик Иван Жабин и протянул Миндлину письмо. Тот торопливо взял треугольник, раскрыл его и углубился в чтение. Мы знали, что в эти минуты для него не существовало ничего, кроме письма от единственного сына.

— Как сынок? — участливо спросил наш замполит полковник Павлинов. — Как ему летается?

— Пишет, что все хорошо. Он где-то на Западном фронте, истребитель... — Теперь Миндлина можно было брать голыми руками. — Ну хорошо, так где же Алексеев? Пожалуй, можно прибавить 72-й дивизии еще граммов триста спирта...

Пришел в санотдел и Денис Иванович Банщиков. 268-я дивизия снова влилась в состав нашей армии. Банщиков выглядел очень утомленным, постаревшим. Его

беспокоили головные боли. Нелегкими оказались для него дни борьбы за прорыв блокады.

Он присел возле меня, и мы вспомнили знакомых — живых и тех, кого недавно потеряли. Помолчали.

Начальник санитарного отдела армии полковник Гофман собрал в своем кабинете всех работников отдела. Шел серьезный разговор о роли каждого из нас в предстоящей операции. Предварил этот разговор заместитель начальника по политчасти полковник Павлинов. Пришел начальник тыла полковник Е. И. Цуканов, вручил каждому офицерские погоны, поздравил с новыми званиями. Теперь нас, полковников, подполковников, майоров, капитанов, отличает от командиров других родов войск лишь наша медицинская эмблема — чаша с обвивающим ее мудрым змеем...

10 февраля части 63-й гвардейской дивизии под командованием Героя Советского Союза гвардии генерал-майора Н. П. Симоняка при поддержке артиллерии и танков внезапным ударом прорвали оборону врага, освободили Красный Бор, а вечером заняли станцию Поповку Октябрьской железной дороги. Придя в себя от неожиданного удара, гитлеровцы стали подтягивать резервы и яростно контратаковать советские войска. Из Пушкина, Красного Села, Тосна вражеские батареи день и ночь били по Красному Бору, Феклистову и когда-то живописным поселкам Чернышеву, Мышкину, Красной Мызе, Степановке.

Со своими подразделениями в Красный Бор вышли медики рот, батальонов, полков. Там же сразу появился и наш армейский токсиколог майор Г. М. Муравьев с большим отрядом санитарных инструкторов и санитаров из 120 человек.

— Пораженных ОВ, к счастью, не предвидится, — сказал накануне Муравьев на совещании у начальника отдела. — Я, ста-ало быть, свободен и прошу направить меня в Красный Бор представителем санитарного отдела.

Начсанарм утвердил его своим «уполномоченным» для связи с полковыми медсанчастями и помощи в эвакуации раненых.

В тяжелейших условиях приходилось работать нашим медикам в Красном Бору. Вот отрывок из воспоминаний командира санитарной роты 190-го гвардейского полка гвардии капитана А. В. Медведева.

«Наш полк к концу первой декады февраля был зна-

чительно пополнен. За сутки до начала операции дивизионный врач полковник Н. А. Федин уточнил с медицинским персоналом пути эвакуации раненых и снабдил нас всем необходимым для работы. Поначалу мы развернули небольшую палатку для санчасти на берегу речушки, на полдороге между Колпином и Красным Бором, на голой местности, иссеченной траншеями и воронками. Полк скрытно занял исходные позиции. На рассвете 10 февраля артиллерия и авиация нанесли массированные удары по переднему краю противника. Когда пехота пошла в атаку, возле нашей палатки начали сосредоточиваться танки. Их высмотрел фашистский разведчик и сбросил бомбу. Палатку сорвало с кольев, людей и имущество разметало, нескольких человек контузило и ранило. На следующий день мы вошли в Красный Бор, заняв под санчасть подвал на юго-западной его окраине. Здесь мы оставались до конца операции.

Очень быстро войска захватили железнодорожную насыпь и вышли к поселку Мышкино. Бои усилились. Противник подтянул резервы, ожесточенно обстреливал всю местность. Нас отделяло от переднего края 7—8 километров. Пришлось медсанчасти выдвинуть вперед медицинский отряд. По предложению старшего врача Анатолия Николаевича Зотова палатки были поставлены в лощине между поселком Мышкино и железнодорожной насыпью у самых артиллерийских позиций, среди неброского, какого-то серенького кустарника. Но над нами господствовала высота, которую удерживал противник, и вся лощина интенсивно простреливалась. От передовых батальонных пунктов нас отделяло только 300 метров. Это было рискованно, но жизнь требовала, чтобы медицинская помощь была максимально приближена к переднему краю.

В ночь на третьи сутки боевых действий в Красном Бору мы полностью отработали пути эвакуации раненых и наладили дело. Однажды ранним утром к нам пришли дивизионный врач подполковник Федин и командир медсанбата подполковник Макаров. Они видели работу санитаров, доставивших раненых из батальонных медицинских пунктов. На их глазах протекала наша напряженная боевая жизнь. «Чем вам помочь, чем облегчить работу?» — спросил начсандив. Мы попросили где-нибудь рядышком поставить дежурную санитарную машину из медсанбата и прислать собачьи упряжки.

На следующий день у наших палаток остановились упряжки с проводниками. Дворняги смотрели на нас до-

верчиво и тихо поскуливали. Мы накормили собак, и они повезли на передовую боеприпасы, а оттуда доставили раненых. Собачьи упряжки нам очень помогли. Они старательно обходили участок обстрела, умело маскировались за складками местности. Там, где не мог проползти санитар или проводник, проходили собаки с волокушей. Иногда мы использовали собак для розыска раненых на нейтральной полосе.

17 февраля на участке обороны 3-го стрелкового батальона противнику удалось внезапной контратакой потеснить наши боевые порядки. Санитарные инструкторы Дряхлов и Ситченко вместе с ранеными оказались фактически на передовой. Я был в это время недалеко от батальонного медпункта. Слышу, кричит военфельдшер старший лейтенант Женья Корнеев: «Ребята, фашисты!» Санитары Александр Дроздов, Владимир Должиков, Ахмет Самратов огнем из автоматов и гранатами заставили фашистов отойти. Тяжело ранило военфельдшера Корнеева. Грудь его была в крови. Рука беспомощно висела вдоль тела.

Неохотно уходил в медсанбат военфельдшер Корнеев. Вместе с батальоном он воевал на Ханко, под Усть-Тосном, на левом берегу Невы. И комбат гвардии капитан Харитон Ефименко, и Корнеев, и Дроздов, и Должиков, и Ахмет Самратов, и я, в те далекие дни врач срочной службы, были большими друзьями.

Через несколько часов третий батальон, с приданной ротой резерва, восстановил положение на своем участке. Все раненые были доставлены в батальонную, а оттуда в полковую санчасть, и лишь двое оставались лежать на нейтральной полосе. Собачьи упряжки, как на грех, куда-то ушли. Тогда наш любимец, весельчак и великий умелец Александр Дроздов (до войны московский литограф) натянул на голову каску, развязал поясные ремни и пополз вперед, привычно перебрасывая тренированное тело. Полз, полз. Сколько еще осталось? Метров сто пятьдесят. Наконец дополз до пригорка, скатился за него и видит: совсем близко лежит раненый. Дроздова по приказу Ефименко прикрыли огнем, и он благополучно вытащил на плащ-палатке раненого. Потом пополз за вторым.

— Вот и все! — громко сказал Дроздов. Он вытер маскхалатом разгоряченное мокрое лицо, сбросил каску, провел одеревенелым языком по сухим губам и глотнул из фляги. Он даже не успел утолить жажду, когда упавшая рядом мина сразила и его, и тех, кого он с таким ри-

ском спасал. Похоронили мы Александра Дроздова на братском кладбище в Красном Бору».

В двадцатых числах февраля в полуразрушенной Степановке появились врачи и сестры 131-го гвардейского полка 45-й гвардейской дивизии и заняли под санчасть два небольших деревянных дома. В одном организовали перевязочную, в ней оказывали самую неотложную помощь, в другом раненые отдыхали, питались, ждали санитарный транспорт. Как и Красный Бор, Степановка интенсивно обстреливалась. Плотность вражеского огня была чрезвычайно высока. Под обломками домов погибали раненые, столь дорогой ценой доставленные сюда санитарами.

Сбылась мечта младшего врача полка капитана Петра Петровича Барабанова. Он пришел в родную Степановку. Только встреча с земляками не принесла ему радости. Когда из лесов стали выходить изможденные земляки, он узнал, что его родные погибли...

Санитарный отдел пристально следил за тем, чтобы в медсанчастях не накапливались раненые: держать их в Поповке, Степановке или Красном Бору было неразумно — они могли стать жертвой вражеских обстрелов.

Семь суток работала в Степановке медсанчасть 131-го гвардейского полка. В памяти сохранился один особенно трудный день. Только успели отправить на санитарных машинах 50 человек, как в дом попал снаряд. Осколками были убиты несколько оставшихся раненых и санитар Зайцев, тяжело ранило санитаря Майорова. Он подозвал санитарку Шуру Свиридову и попросил ее написать жене в Сибирь, что погиб за Ленинград...

На смену медсанчасти 131-го гвардейского полка в Степановку пришли медики 942-го полка и поставили палатки в мелколесье. Палатки протапливались только печами, и раненых, и персонал мучил холод, а еще пуще — непрекращающиеся обстрелы. С восходом солнца старший врач полка Л. Кувардин обходил палатки и строго следил, чтобы во всех печках-временках и полевой кухне был загашен огонь. Но острее, чем голод и усталость, медиков терзала тревога за раненых, и отважные санитарные шоферы подводили свои пробитые осколками машины чуть ли не к самой передовой, чтобы скорей вывезти людей из обстреливаемой зоны.

Уже позднее я не раз задумывалась — за что же люди назвали этот поселок «красным»? Не за красоту ли рощ и дубрав? А может, прозорливо догадывались о той обильной крови, что прольется на этой земле?

...Мы ехали по настильной дороге из Колпина в Красный Бор. По ней то гуще, то реже велся вражеский огонь. Но по иному пути туда нельзя было попасть, и, невзирая на обстрел, шли туда машины и днем и ночью. Рядом с водителем Черновым подремывал предельно спокойный, уравновешенный полковник Павлинов.

Перепаханная воронками равнина с низкорослым кустарником выглядела неприятной и безрадостной. Это впечатление усиливали лежавшие по сторонам от настила разбитые машины.

Километрах в пяти от Красного Бора движение машин замедлилось. Оказалось, что снарядом разбило настил, и транспорт пошел в объезд.

Но вот мы уже и в Красном Бору. Водитель развернул «эмку», загнал ее за развалины. Однако не успели мы пройти и десятка шагов, как вражеские снаряды стали разрываться на нашем участке. Укрылись в канавке. В нескольких метрах от нее взлетали вверх комья мерзлой земли. Когда обстрел прекратился, мы вылезли из канавы, отряхнули с шинелей землю, перемешанную с осколками, и, посчитав, что получили красноборское крещение, разошлись по полковым медсанчастям.

Красный Бор и его окрестности были буквально нафаршированы медицинскими учреждениями. Что ни подвал или просторная землянка, то медсанчасть. На тропках и тропинках множество санитаров, ведущих или несущих раненых.

Первым в Красном Бору я встретила начсандива-72 Алексеева. Он неодобрительно покачал головой, завидя меня.

— Торопитесь на тот свет!

Когда обстрел возобновился, Алексеев потянул меня в землянку, где я увидела знакомого по институту врача капитана Валерия Губкина и поняла, что попала в сапчасть 14-го стрелкового полка. Здесь было тепло, чисто. И раненых — только горстка. Тщательно забинтованные, накормленные, они ожидали санитарных машин.

Вскоре мы вышли из землянки. За поваленным деревом молодая женщина с погонами капитана медицинской службы и острыми чертами худощавого лица вполне по-мужски распекала ездового, медленно и неловко запрягавшего тощую лошаденку. Взяв у него вожжи, она привычно и ловко запрягла лошадь, усадила в повозку несколько раненых и повезла их за Колпино, в медсанбат.

— Зоя Ивановна Маштакова — командир медицинской роты, — представил мне эту женщину Губкин. — Храбрей-

ший человек, великая умница. Я ведь большую часть времени провожу в батальонах, а она фактически руководит всей лечебной работой санчасти.

Когда я прощалась с Губкиным, он мечтательно сказал:

— Как только разобьем фашистов, обязательно вернусь в институт, поступлю в аспирантуру. А ты?

Улыбка сделала его моложе, и он опять стал похож на студента-старшекурсника, которого я так хорошо знала.

Но Валерию не пришлось сдавать аспирантских экзаменов, он не вернулся в институт — кровь его впитала красноборская земля. На пути из стрелкового батальона в полковую санчасть его смертельно ранило, и он умер, так и не выходя из тяжелого шока.

Проводить меня к нашему армейскому токсикологу Г. М. Муравьеву — уполномоченному санитарного отдела — вызвался помпотех санитарной роты И. Ф. Завищевский, наизусть знавший все тропки и дороги, проложенные к медицинским учреждениям.

Обходя развалины и воронки, мы подошли к дороге. По ней медленно шла серовато-зеленая санитарная машина с пробойнами в кузове. Мелкие осколки оставили свой след и на ветровом стекле шоферской кабины. Машина остановилась за грудой камней. Из кабины легко соскочил на землю старший хирург медсанбата 291-й дивизии майор А. А. Сомов — этаким русским богатырем с пытливыми светло-голубыми глазами. В санитарном отделе его хорошо знали как искусного хирурга, достойного ученика А. В. Вишневского. Сомов умел с блеском разобраться в сложном ранении черепа и внутренних органов, сам делал труднейшие операции и учил хирургическому мастерству своих коллег. Велик и непререкаем был авторитет Сомова в дивизии.

В день нашей встречи в Красном Бору Александр Андреевич Сомов, оставив медсанбат, ехал в полковые медпункты, чтобы помочь врачам. За рулем его машины, как обычно, находился полюбившийся ему водитель, носивший редкое имя Касьян.

Я хорошо знала Касьяна Макарова, частенько заезжавшего в санитарный отдел. В противоположность тургеневскому Касьяну, медсанбатовский Касьян был красив, молод, статен и всеми любим за добрый характер и большое мужество. Он привык к своему санитарному автомобилю, на котором вместе с санитаром Захаром Михайловым спас множество раненых еще в районе Белоострова.

С той поры другой машины не признавал. Сколько осколков досталось ей, а она все еще была на ходу. Касьян Макаров очень этим гордился.

Показывая на Макарова, сейчас дремавшего за рулем, Сомов рассказал, что Касьян ежедневно не менее двух раз доставляет раненых из Красного Бора в медсанбат, в район речушки Оккервиль. Я попросила Сомова срочно представить водителя Касьяна Макарова к награде.

Муравьева я нашла в прокуренной землянке, вход в которую как бы прикрывал подбитый танк с порванными гусеницами. Шел к концу уже десятый день бессменной и напряженной работы Муравьева в Красном Бору. На его помятом лице голубыми пуговками светились глаза, окаймленные воспаленными веками. Прокуренные пальцы скручивали очередную сигарку из эрзац-табака.

Он очень обрадовался, что я привезла пополнение фельдшеров и санинструкторов. Поблагодарил за небольшую продуктовую посылочку и свежие газеты, письма. Взяв у меня продаттестаты, повел пополнение «подхартиться» в соседнюю роту. Мы договорились встретиться в его же землянке около шести часов вечера.

Я поднялась по ступенькам и вышла на воздух. Мимо проехала походная солдатская кухня с прицепом. В воздухе запахло супом. Хорошо бы поесть супа, он очень вкусен, когда его хлебаешь где-нибудь на краю воронки из котелка! Но кухня с прицепом, роняя по пути драгоценные капли, уже скрылась за поворотом дороги.

Из-за деревьев показались санитарные машины. Их привел подполковник В. А. Буков. Он возвращался в Колпино, оставив за себя врача-эвакуатора капитана Н. М. Давидовского.

Шел пятый час, когда я решила вернуться к Муравьеву за последней сводкой о количестве раненых, прошедших через медпункты. Но что это? Танк стоял на месте, а самой землянки уже не существовало. Из ямы торчали железные прутья разбитой кровати, валялись обрывки бумаги. Потрясенная, я стояла над этой ямой, пока меня не столкнул в воронку танкист, услышав вой летящей мины.

Расстроенная, я медленно пошла к сборному пункту санитарных машин. Издали увидела помпотеха Завищевского и полковника Павлинова. Иван Васильевич что-то рассказывал, жестикулируя и улыбаясь.

«Не знает ничего о Муравьеве», — подумала я и тут вдруг услышала знакомый муравьевский голос:

— Ста-ало быть, вы берете двадцать восемь лежащих. Вот на них документы и докладная для начсанарма.

Я бросилась к Муравьеву. Увидев меня, он хитровато усмехнулся и пригладил прокуренными коричневыми пальцами короткие светлые усики.

— Видали ямочку? Возвращаюсь домой, смотрю: была землянка под накатом, а есть я-яма... Значит, не судьба.

Хорошо, что не судьба. Я обняла Григория Михайловича и взяла от него пакет в санитарный отдел.

Они не считали себя героями...

Когда я вернулась к себе, мои помощницы Тося и Леля уже спали. Лишь трудолюбивый Стамер, отхлебывая из стакана крепчайший чай, продолжал работать. Села за работу и я: надо подготовить наградные листы на первую группу медиков, отличившихся в красноборской операции. Из присланных, зачастую пространных, расплывчатых характеристик составить краткие, четкие описания подвигов. Завтра эти документы будут доложены Военному совету армии. Среди наградных листов есть и лист на вновь раненную Валентину Чибор.

Это случилось 22 февраля на земле когда-то стоявшего в садах, а в войну лежавшего в развалинах местечка Поркузи. Батарея 175-го минометного полка с боями продвинулась вперед и к середине дня заняла безымянную высотку. Валя весь день была на передовой. Под вечер внезапный удар повалил ее на почерневшую землю, и помутившимся сознанием Валентина поняла, что на этот раз ранена очень тяжело.

Десять километров несли однополчане обессилевшую Чибор на носилках. Через проникающее осколочное ранение грудной клетки в плевральную полость вошел воздух. Ей нечем было дышать. В медсанбате оказали неотложную помощь и с кислородной подушкой в санитарной железнодорожной летучке отправили во фронтową госпиталь. Очнулась Валентина в поезде, когда ей делали укол. Под утро поезд подошел к Александро-Невской лавре. Дежурный врач наклонился над ней и неосторожно пробормотал: «Экзитирует» (умирает).

— Не хочу экзитировать! — довольно громко и ясно сказала Валя и снова потеряла сознание. Очнулась в большой палате, где было много женщин, и она не сразу поняла, что находится в госпитале уже после операции.

Через несколько дней, 8 марта 1943 года, Валентина Чибор была награждена второй государственной наградой — орденом Красной Звезды. На прикроватный столик легла коробочка с орденом, а по соседству с ней, рядом с тонкими нежными листочками вербы и березы, — две желтые и одна красная нашивки. Не много ли нашивок для одной женщины?

Когда дни стали длиннее и на город медленно наплыла белая ночь, однажды вечером в женскую палату вошел пожилой генерал в сопровождении начальника госпиталя. Он приветливо поздоровался со всеми и подошел к кровати Валентины Чибор. Она посмотрела на генерала, наклонила голову и здоровой рукой поправила сползавшее одеяло. Не зная пришедшего в лицо, она смутно угадывала, что от этого серьезного генерала зависит, как сложится ее дальнейшая судьба. Генерал сел на табурет, провел пальцами по короткой щеточке усов, задумчиво посмотрел на нашивки Чибор по ранению и на боевые ордена, лежавшие на прикроватном столике.

— Слышал о вас, товарищ Чибор, о ваших боевых подвигах. И стихи о вас читал. Как вы себя чувствуете?

— Грешно жаловаться, товарищ генерал.— Валя глотнула воздух, почувствовала, как гулко застучало сердце.— Пожалуйста, не демобилизовывайте меня. Скоро окончательно поправлюсь, очень хочу вернуться в свой минометный полк...

От остро возникшей боли в груди у нее перехватило дыхание, она закашлялась.

Генерал повернулся к начальнику госпиталя, и табурет под ним заскрипел. Затем вновь внимательно посмотрел на Чибор.

— Не волнуйтесь! — успокоил он раненую.— Выздоровливайте окончательно и возвращайтесь к себе в полк, если, конечно, врачи не будут возражать. А за службу большое спасибо.

Пожелав всем раненым женщинам скорейшего выздоровления, командующий фронтом Л. А. Говоров вышел из палаты.

Спустя некоторое время Валентина Чибор, счастливая и радостная, вернулась в полк. Ее тепло встретили однополчане. Поздравил с выздоровлением и командир полка, твердо добавив при этом:

— Работай в санчасти, и больше никаких передовых. На тебе скоро живого места не останется...

Тогда-то я снова где-то под Колпином встретила Валю Чибор.

...Я открываю свою любимую тетрадь. Она вся испещрена. В ней много записей о Красном Боре. Нередко за несколькими буквами, фамилией, номером части, незатейливым рисунком — целая повесть о жизни человека, которого я знала.

Из тетради выпал газетный листок. Это «Защитник Родины» — газета 63-й гвардейской дивизии — за 20 февраля 1943 года. Читаю: «В последний час. Наши войска заняли Любошин, Марефу, Обоянь».

Боевые успехи на участке нашей армии в феврале были куда скромнее...

Читаю дальше короткие газетные строки. Тамара Леонтьева, Валя Савельева, санинструктор А. Казаков, командир взвода санитаров-носильщиков Берг, повозочный И. Цветков вынесли группу раненых, оказали им помощь и были награждены на поле боя медалями «За отвагу».

Ценою собственной жизни потушила пожар в землянке и спасла жизнь раненым рядовая Таня Терехова.

Не забыт газетой и уважаемый в дивизии коллектив медсанбата. Военный журналист А. Ленин рассказал, как старший хирург гвардии подполковник А. П. Алесковский с помощниками боролся за жизнь старшины второй статьи Усанова, раненного в грудь:

«На соседнем столе уже новый больной. Он ждет помощи. Так от стола к столу, совершая повседневный подвиг, идут эти люди, чей благородный труд достоин признания и восхищения».

Порывистый ветер распахнул форточку под тяжелой шторой. Заколебались язычки пламени в фонарях. Перед глазами на белой стене, за склоненной головой Стамера, мне видятся руины Красного Бора, знакомые и незнакомые лица. Вот Машенька Дубровская — сандружинница первого батальона 190-го гвардейского полка. Ростом она невелика, глаза озорные, дерзкие, умные. Дубровская упростила разрешить ей поработать с собачьими упряжками. Несколько раз проносила на них к самой передовой, откуда вывозила раненых... Но чаще всего приходилось руками упорно тащить плащ-палатку или волокушу с ранеными на батальонный медицинский пункт. Случалось, и плакала Машенька от слабости, но своих раненых никому не передоверяла.

Старший лейтенант Пирятинский, в прошлом работник милиции, в бою за деревню Мишкино потерял руку. Мария перетянула его плечо жгутом, наложила на кровоточащую культю большую повязку, несколько раз под-

бинтовывала, добавляя вату. Повязка все краснела, а старший лейтенант все белел, но покинуть роту наотрез отказался. И счастлива была Мария, когда на огневой позиции появился офицер А. К. Баранов, принял командование, и мужественный Пирятинский согласился пойти в санчасть.

— Если бы еще здесь оставался, — сказала Машенька Баранову, — то изшел бы кровью.

Вспомнилась мне санинструктор 192-го гвардейского полка Валентина Савельева. Война подошла к ее родной Луге в августе сорок первого, и с тех пор она связала свою судьбу с армией. Строгая к себе, самоотверженная, добрая, она заслужила уважение и любовь однополчан.

Как-то группа автоматчиков (вместе с ними находилась и санинструктор Савельева) залегла под огнем. Лежать — значило подвергаться смертельному риску. Надо вырваться из зоны обстрела. Это понимала Валентина. А как поднять людей, как заставить их оторваться от земли и смело броситься вперед? Собравшись с духом, она вскочила и, обернувшись к залегшей цепи, отчаянно закричала:

— Поднимайтесь, ребята, вперед! Иначе погибнем!

За юной девушкой бросились вперед солдаты с повязками, которые она наложила им своими руками и в тот день, и накануне. Бросились прокопченные в дыму, почерневшие в сражениях бойцы... Раненые не покинули свою роту, а остались в боевых порядках.

И Валя Иванова, и Мария Железняк, и Валя Савельева, и Оля Шуляева, и другие девушки-медички — участницы этих и многих других боев не считали свои поступки героическими. Они не задумывались над тем, вспомнят ли их имена потомки. Сопричастность к великому делу разгрома врага, угрожавшего чести и независимости Родины, делала их нравственно сильными и потому счастливыми. Это счастье они завещали будущим поколениям.

Кашменский и другие

Уходили из Красного Бора одни боевые части, приходили другие, и медики занимали освободившиеся подвалы и блиндажи, ставили в развалинах потемневшие палатки... Бои тут приняли затяжной характер. Наши войска не имели тогда необходимых сил и средств, чтобы выполнить главную задачу — отрезать мгинско-синявинскую группировку. Но они надолго приковали к небольшой ос-

вобожденной территории резервы гитлеровцев, постепенно перемалывая их.

Весна в тот год была ранней и дружной. Уже в конце февраля снег на дорогах растаял и земля превращалась в месиво; путь, который ранее занимал два-три часа, теперь растягивался до восьми-десяти часов.

Тогда-то санитарный отдел и создал временную внештатную армейскую конно-санитарную роту из пятнадцати повозок. Повозки пробирались по непроезжим дорогам к местам наибольшего сосредоточения раненых и доставляли их в полковые медпункты, привозили в Колпино.

Если в начале операции все еще сохранялся принцип военной медицины «эвакуация на себя», что на практике означало: полковая санчасть вывозит раненых из батальонов, а медсанбат забирает раненых из полков к себе, то позже обстановка потребовала несколько нарушить этот проверенный жизнью принцип. Армейский санитарный транспорт высылался непосредственно в район боевых действий и нередко вывозил раненых из полковых медсанчастей в эвакуационники и в специализированные госпитали, в обход санитарных батальонов.

Наряду с эвакуацией раненых машинами и повозками решено было подвезти в район Красного Бора по специальной ветке от Поповки мотовоз с несколькими вагонами. Но первая попытка закончилась неудачно. Услышав движение поезда, противник обстрелял его из тяжелых минометов. На следующую ночь поезд прокрался тихо; раненые поджидали его в специальных укрытиях. Капитан Давидовский и помощник Новикова капитан Курков быстро организовали погрузку. Санитарный поезд, минуя эвакуационники армии, доставил раненых в сортировочный госпиталь к Александро-Невской лавре.

Однако основным видом транспортировки все же оставались автомобили. И каждый, кто видел, как по непролазной грязи, по разбитым снарядами дорогам, под обстрелом упорно вели санитарные машины военные шоферы, всегда с благодарностью вспомнят и по справедливости оценят их ратный труд.

Между батальонами и полковыми медпунктами курсировали собачьи упряжки с ездовыми. Они доставляли на передовую боеприпасы, а из рот и батальонных медпунктов увозили раненых. Их было двадцать семь, беспородных собак, объединенных в три взвода: в каждом — девять упряжек. Каждую из них сопровождал ездовой. Случалось, что собаки погибали. Пока ездовой отстегивал

погибшую, остальные сбивались в кучу и тихо скулили. Бывало, что ранило или убивало ездового. Тогда собаки сами подвозили раненых в санчасть и тихим лаем давали знать о себе. Выбегут из подвала или блиндажа люди и видят: стоят собачьи упряжки, а на носилках или на волокуше лежат раненые.

Только за одну красноборскую операцию на собачьих упряжках было вывезено с передовой и доставлено в медицинские пункты 768 пострадавших бойцов.

Боевые действия в районе Красного Бора, начавшись в феврале, продолжались с перерывами до 22 марта. Наши войска отвоевали территорию в 70 квадратных километров, которую вражеские батареи продолжали постоянно утюжить огнем.

Из Красного Бора и его окрестностей ушли уже многие, кто сражался здесь в первые дни. Не видно гвардейцев. По пути в другую армию к нам заехал попрощаться начсандив 268-й подполковник Д. И. Банщикова. В санитарный отдел явились с докладами начсандивы 13-й и 189-й дивизий майоры Княжский и Сомов. Медики полков этих дивизий заняли пустующие землянки в Красном Бору.

Просматривая оставленные в санитарном отделе списки личного состава медицинской службы 189-й дивизии, я увидела знакомую фамилию — Кашменский. Знала этого храбрейшего человека, бывшего старшего врача 247-го артпульбата, сражавшегося осенью сорок первого под Пушкином. Как он тогда боролся за каждое место для раненых пулеметчиков в любой машине, которая следовала через Египетские ворота в Ленинград! А сам ушел из Пушкина одним из последних.

Капитан Ю. Н. Кашменский занял в Красном Бору освобожденные какой-то санитарной частью два просторных подвала. В коробке сгоревшего дома «спрятал» небольшую серую медицинскую палатку.

Части 189-й дивизии не сумели далеко пробиться, но от них шло много раненых. Побывав в санчасти 891-го полка этой дивизии, я сама в этом убедилась. Удивилась, видя, как долго они сидят и лежат на полу и на носилках в ожидании санитарных машин.

Я пошла за разъяснениями к уполномоченному начсанарма Г. М. Гольдину. Санитарный транспорт, как оказалось, вышел из эвакуоприемника рано утром, но почему-то задержался в пути.

Кашменский сидел на опрокинутом ящике у стола, накрытого белой простыней. На его бледном, чисто выбри-

Старший врач 891-го стрелкового полка 189-й стрелковой дивизии военврач 3-го ранга Ю. Н. Кашменский.

том лице блестели капельки пота. Сняв с правой руки перчатку, он просматривал и подписывал медицинские справки о раненых. Увидев меня, Кашменский педовольно проворчал:

— Черт знает, что делается! И о чем только думает санитарное начальство? В двух подвалах раненые, и нет ни одной санитарной машины.

— Скоро должны подойти, — успокоила я его. — Они уже давно вышли из эвакуоприемника.

В это время в подвал спустились санитары, доставившие двух раненых: старшего сержанта с огнестрельным ранением мягких тканей плеча и младшего лейтенанта, раненного в грудь. Сильное кровотечение и одышка делали состояние второго тяжелым. Кашменский быстро подбинтовал грудь младшего лейтенанта специальной повязкой с прорезиненной тканью, а сестра Васильева ввела в вену предплечья хлористый кальций.

Едва увели раненых, как к санчасти подошли санитарные машины, и эвакуатор эвакуоприемника старший лейтенант Михаил Егоров доложил, что из-за повреждения артогнем деревянных настилов санитарный транспорт задержали в Колпинне.

Через короткое время всех, кого надо было увезти, увезли, и врачи А. Балицкий и А. Бонфильд тут же за столами, положив головы на руки, мгновенно уснули, а санитарные инструкторы старшины Петр Асафьев, Васи-

лий Сараяв и Василий Родин опять собрались в батальоны за новыми ранеными.

Подходили к концу третьи сутки напряженнейшей работы санчасти, когда в землянку вошел незнакомый военный с генеральскими лампасами. Походил по помещению, посмотрел на раненых, на врачей, не поднимавших глаз от операционных столов. На его замечание о некоем беспорядке в санчасти Кашменский, оправдываясь, довольно резко ответил, что ни он, ни его товарищи не помнят, когда отдыхали в последний раз, и вряд ли могут сказать, какое сейчас время суток. Генерал ничего не ответил, круто повернулся и поднялся по ступенькам вверх.

Вечером Кашменского вызвал командир дивизии. С тяжелым чувством шел старший врач на КП, в район Поповки, ожидая разноса. Он понимал, что держащаяся с незнакомым генералом не совсем так, как положено. Наверное, надо было ему найти какие-то другие слова...

Рядом с козловым полковником П. А. Потаповым Кашменский увидел генерала, утром побывавшего в санчасти. Генерал поднялся навстречу, пожал руку, поблагодарил за службу и вынул в его гимнастерку ордена Красной Звезды, предложив представить к наградам лучших людей санчасти... Надо ли говорить, что Кашменский с особым рвением выполнял этот приказ.

...Я слушала Кашменского, и на память пришел его рассказ о том, как он стал медиком.

В тридцатые годы, закончив десятилетку при Академии художеств, Кашменский ухитрился успешно сдать экзамены в четыре института одновременно: в технологический, коммунального хозяйства, арктический и медицинский!

— Поступай в любой из них, — серьезно сказал отец. — Только не в медицинский. При твоей рассеянности и легкомыслии это опасно.

— О, решено! — отвечает Юра. — Иду в медицинский. Много позже старший библиограф Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина Николай Кашменский из всех врачей признавал только своего сына.

Вскоре 189-я дивизия тоже ушла из нашей армии. Перед отъездом к нам в санитарный отдел заехал начальник Евлений Петрович Сомов. Как всегда, увлеченно, с мажором юмором рассказывал он о своих товарищах.

— В боевой обстановке, — говорил он, — человек как на ладони. Сразу ясно, кто он, можно ли на него полагаться. Вот полковые врачи Юра Кашменский и Миша

Оглоблин. Оба мужественные, жизнерадостные, отличные военные врачи. Оглоблин в Красном Бору контузило, и его отвезли во фронтовой госпиталь. Но он там не задержался и, умолчав о головокружениях, упросил выписать его. Примчался в свой полк, теперь руководит объединенной санчастью двух полков. Кашменский — редкой храбрости и души человек. Больше чем кто-либо другой он знает работу каждого фельдшера или санитарного инструктора, кому надо помочь, кого выручить. Врачи, подобные Кашменскому, Оглоблину, Тайцу, — люди высокого накала.

Сам Сомов тоже был из таких людей. Он не покидал Красного Бора во время боевых действий. За медсанбат, расположенный в Усть-Ижоре, был спокоен. Комбат майор Гельман и старший хирург Н. П. Золотухин, знал он, обеспечат полноценную помощь раненым.

Полковые медпункты в Красном Бору Сомов обходил днем и ночью. Он всегда был в курсе их дел и в трудные минуты помогал им. То, что начсандив разделял со всеми медиками полков трудности и опасности боевой обстановки, подбадривало людей, давало им новые силы.

Товарищ Валя

На земле Красного Бора храбро воевали батареи 690-го истребительного противотанкового полка. Они появлялись то под Чернышевом, то под Поповкой, то под Поркузи, огнем своих пушек поддерживали наступление наших подразделений.

Широкой известностью в полку пользовалась санитарный инструктор одной из батарей, в прошлом выпускница Индустриального института, талаптливым инженер-механик Валентина Пальчевская. Весной сорок второго ее, сандружинницу фронтового госпиталя, направили наконец после ее долгих просьб в действующую армию. В феврале сорок третьего она со своей батареей пришла в Красный Бор. Тогда-то и состоялось наше знакомство. Старший сержант медицинской службы, высокая девушка в прохудившихся кирзовых сапогах и шинели в дырочках от минных осколков, удивила меня отличным знанием кратчайших тропок и дорожек ко всем медицинским учреждениям Красного Бора.

Батарея, в которой служила Пальчевская, почти всегда была прямой наводкой. Сколько мужества, стойкости требовалось при этом! И Валентина все время была среди своих боевых друзей. Она перебегала от одного орудия к другому, помогала батареям, подносила снаряды, пе-

Санинструктор батареи противотанкового артиллерийского полка В. В. Пальчевская (Иванова).

ревязывала раненых. В часы, свободные от боя, строчила коротенькие письма от имени раненых однополчан.

В одном из боев, когда у орудия остались в живых лишь командир взвода Петр Валахов и самый «маленький» на батарее Коля Виноградов, к ним пришла Пальчевская. Еще один разрыв снаряда — и всю тройку засыпало мерзлой землей. Их откопали шедшие следом пехотинцы 13-й дивизии. Потерявшего сознание, контуженного Валахова санинструктор, собрав последние силы, оттащила в укрытие, затем проводила в госпиталь. Валентина, страдая от шума в ушах и нестерпимого гула в голове, вернулась к своим батарейцам в Красный Бор.

В одну из почей, когда беспорядочно и тревожно взлетали осветительные ракеты над передним краем, в просторном блиндаже, где отдыхали артиллеристы, распахнулась дверь. Пальчевская осторожно спускалась по ступенькам, держа в руках большой самовар.

— Подъем! Чай будем пить, — услышали бойцы знакомый голос Валентины.

— Вот так Валя! — в восхищении развел руками пожилой боец Тупкиц, причмокнув от удовольствия. — Совсем наш самовар — вятский.

Пили чай из самовара и были счастливы. Много ли надо бойцу на передовой, чтобы почувствовать себя счастливым. И эту радость, пусть минутную, принес добрый человек — Валя, общая любимица.

А под утро ее вызвали во второй расчет к раненым. Она идет узкой дорогой, прислушиваясь и вглядываясь. Ночью трудно ориентироваться даже в знакомых местах. Кое-где постреливают с деревьев замаскированные «ку-кушки» — окраина поселка еще у гитлеровцев. Внезапно доносится приглушенная чужая речь. Валя замирает у дерева — рука потянулась к «лимонке». Девушка поняла, что в темноте спутала дорогу.

Голоса отдаляются и затихают. Валя медленно отползает назад, возвращается на тропу, то и дело проваливаясь в воронки, выходит наконец к расчету.

— Как ты добралась? — с удивлением спрашивают ее.

— Пустяки, — отвечает Валя. — Что, серьезно ранен Осипов?

Только перевязав и отправив бойца, девушка стаскивает прохудившиеся сапоги. Но просушить их все равно нигде...

В девятом часу утра багряное солнце медленно поднялось над горизонтом. Начинаясь новый фронтный день. Валентина отправилась за пополнением в штаб полка. Ее обязанности ежедневно расширяются. Этому, наверное, способствуют и ее открытый, общительный характер, живой ум и знания, вызывающие уважение у артиллеристов, — как-никак инженер!

Когда Валя отлучилась из батареи, повар затопил походную кухню. Легкий дымок пробил себе дорогу между деревьями и чуть поднялся над поредевшим лесом. Сразу же ухнул тяжелый снаряд — «засекли». Разрыв — и вместо землянки глубокая яма. Долго сокрушались подбежавшие бойцы, откопав в яме санитарную сумку, сплюснутый самовар. И сообщили в штаб: при прямом попадании погибла санинструктор Пальчевская...

А Валя в это время спокойно шла, не подозревая о случившемся. Внезапно начался минометный обстрел. Она залегла за бугорок. Осмотрелась. В нескольких шагах от нее лежали раненые бойцы. Немцы методично бросали мины туда, где шла тропа и где теперь зияли черные ямы. Валя посмотрела на часы — засекала время. Стреляли каждые пять минут. Нужно уложиться. Сняла шапку, шинель, ремень, потуже заколола тяжелые косы и рванулась вперед.

Только пять минут... Резким движением сильных натренированных рук Вали подхватила одного раненого. Это был боец 1-го дивизиона Латыпов. Перетащив его за кочку, девушка упала ничком в мягкую, перемешанную со снегом землю. За поваленным забором разорва-

лась мина, взлетели комья земли и осколки. Валя вновь бросилась к бойцам и вернулась еще с одним раненым.

Вскоре спасенные ею воины были доставлены в полковую санчасть. Валя же продолжала свой путь. На батарею она вернулась с пополнением. Радость товарищей при виде ее, живой и невредимой, трудно передать.

— Суждено тебе долго жить, товарищ Валя, — сказал ей тихо Тупкин. — Вот только... самовар жаль. Мало им попользовались.

Через несколько дней стаял снежный покров, обнажив почерневшую, исковерканную снарядами и бомбами землю. Дороги расползлись, превратились в густое месиво, в котором беспомощно буксовали машины.

27 февраля получили приказ взять Саблино.

В ту ночь танкетки вывели батарею вправо от Московского шоссе и оставили ее прямо в открытом поле. За этим насквозь простреливаемым клочком земли, за опушкой леса были враги. Противник открыл по батарее ураганный огонь.

Валентина — единственный медик на этом поле боя — оттаскивала раненых в ямы и воронки. Девушку оглушило, она плохо слышала, движения ее были автоматическими. А кругом падали товарищи. Перевязывая кого-то, Валя почувствовала, что ей в сапог будто налили кипятку. Это была ее кровь — рядом разорвалась воздушная мина «малютка». Валя туго затянула ногу бинтом.

Налетели самолеты. На батарею посыпались бомбы. Валя потеряла счет времени. После каждого налета она погружалась в кратковременный сон, привалившись к земле в какой-нибудь из ям, чтобы, заслышав шум мотора и свист падающих бомб, снова ползать по полю, спасая товарищей. Так прошел этот запомнившийся на всю жизнь день. К ночи оставшиеся в живых с горьким чувством утраты хоронили павших.

Много было еще боев в районе Красного Бора. Не раз участвовала в них батарея и ее бессменный санинструктор товарищ Валя. Она спасла немало бойцов из бригады морской пехоты. Среди них был командир взвода разведчиков. Тяжело раненный в бедро, он пролежал в снегу трое суток. Когда Валя обнаружила его, он попросил пить. И котелок красновато-зеленой воды из воронки, принесенный Валею, чуть не стоил ей жизни: пуля, просвистев над ухом, скользнула по каске. С трудом отодрав примерзший к земле дубленый полушубок командира, девушка оттащила разведчика к санитарному фургону.

Наступила весна. В марте немцы стали обстреливать

Сандружинница 13-й стрелковой дивизии Мария Гендлина. Погибла в Красном Бору в марте 1943 года.

Красный Бор из тяжелой артиллерии и шестиствольных минометов. Не стало бора, не стало берез и сосен. Дороги развезло окончательно. Бойцы страдали от простуды, одолевала сырость. К людям, спавшим в землянках на ящиках, под утро подбиралась вода. Согревать пищу было негде. Ее доставляли в термосах, нередко ценою жизни.

В конце марта бои в районе Красного Бора затихли. А в мае санинструктор Пальчевская была отозвана на свой завод «Русский дизель».

Работая инженером, она еще долго в мыслях оставалась среди своих товарищей в траншеях, в медсанбате 13-й стрелковой дивизии, где служила ее подруга черноокая Марийка. Марийка до войны была учительницей. Девушки встретились в армии, подружились.

По предложению Валентины завод взял шефство над дивизией. Седьмого ноября инженер Пальчевская приехала вместе с рабочими в Красный Бор. Ей были знакомы каждая тропинка, каждый бугорок.

Осенний день. Ветер разгоняет рваные тучи, мокрыми хлопьями идет снег. Над головами пролетают мины. Валя встревожена: где-то на пути к Коллину задержались самодеятельные артисты из медсанбата. С ними ее подруга...

Вскоре выяснилось: Марийка Гендлина убита осколком мины...

В жизни Пальчевской было все: и большое счастье, и большое горе, и так они переплелись, что отделить одно от другого невозможно.

Нередко, когда приходилось трудно, Валя вспоминала окопы и землянки Красного Бора, залитые талой водой, и своих товарищей, живых и павших. И тогда ее беды и невзгоды казались ей мелкими, будничными, преодолимыми.

...Мы встретились в Ленинградском Доме офицеров на торжественном собрании, посвященном двадцатилетию снятия блокады.

В памяти ожили события тех дней, и, как наяву, предстали перед нами Красный Бор и люди, которых теперь нет среди нас: военфельдшер Леша Никифоров, медицинские сестры Марийка Гендлина и Таня Гаджа, командир взвода батареи Артем Чурилов, командир взвода разведчиков-саперов Саша Турыгин и многие-многие другие.

Жизнь отпустила ей еще два десятилетия. Она провела их в неистовом горении. Ее интересовали и научные проблемы, и изобретательство, и преподавательская деятельность в Институте точной механики и оптики. Любила встречаться с друзьями — ветеранами войны, помогать им.

И еще. Она очень любила сына, дочь, внуков.

А это не такой уж малый след, оставленный женщиной на земле.

...Красный Бор, Красный Бор! Еще не сложены о тебе песни, не воспеты подвиги живых и павших за тебя.

Батистовый платочек

Она приходила поутру к своим подопечным в белоснежном, наглухо застегнутом халате и накрахмаленном колпачке, с неизменным кружевным платочком в нагрудном кармане. От всей ее стройной фигуры, красивого женского лица, карих глаз и ослепительно белозубой улыбки веяло чем-то очень домашним. У нее небольшие смуглые сильные руки, чувствительные пальцы, и ни один мускул лица не дрожал, глаза смотрели внешне бесстрастно, когда сердце сжималось от чужой боли...

Раненые любили своего врача и радовались ее приходу. И мало кто знал, как тяжело ей было жить и работать, какие душевные муки она испытывала, как стара-

лась силой воли преодолеть развивающийся тяжкий недуг. Невезучая Александра Степановна Сивак! Обязательно попадет под бомбежку или артиллерийский обстрел. Или ее ранит, или чаще — контузит. Ей только тридцать пять лет. Мозг сверлят мысли, одна горше другой. Она гонит их прочь, но кровяное давление, о котором она беспокоится, не слушает ее приказа. Это плохо. Нужно «комиссоваться», как уговаривают друзья и строго требует начальство. Однако уехать на Большую землю теперь, после всего пережитого в Ленинграде, оставить своих товарищей, друзей? Сивак понимает, что не уедет, попросту не сможет уехать. Она знает, как важно настроить себя на рабочую волну, увлечься любимым делом, — тогда не чувствуешь болезни. Так внушала себе женщина, но душу тревожили сомнения.

— Вы думаете, это пройдет? — спрашивала врач с мучительной тоской у своего коллеги.

— Все постепенно пройдет, Александра Степановна, сгладится, но нужно время, какой-то срок после контузии. Придется пить снотворное, бром, стараться забыть, не вспоминать... — Старый врач пристально посмотрел в ее блестящие большие глаза и, отвернувшись, закашлялся.

— Вы правы, я сделаю все, что в моих силах...

Она подошла к раскрытому окну. Порывистый ветер раскачивал деревья, гнал низкие тучи. После теплого грозового дождя оделся зеленой листвой, помолодел старый сад. Над Невой кричали чайки. Шла ленинградская весна 1943 года.

Кто хоть раз в жизни, в тяжкие военные годы, видел огнестрельные раны лица, тот никогда их не забудет. Мысль об уродующих лицо рубцах и разбитых надеждах удручала даже очень сильных людей. Раненных в лицо окружали очень разные люди. Молодые и пожилые, мужчины и женщины, но равнодушных к их физическим и нравственным страданиям не было.

Я хорошо помню свою предпоследнюю встречу с А. С. Сивак весной сорок третьего.

Трудная операция близилась к концу. После тщательной хирургической обработки обширной раны ротовой полости доставленному из Красного Бора пулеметчику врач создала опору для поврежденной осколками челюсти, закрепив под ней металлическую шпилку. Раненого, еще спящего под наркозом, сестры А. Роосон и А. Щур повезли на каталке в палату.

Старший специалист стоматологической группы усиления 55-й армии майор медицинской службы А. С. Сивак.

Сивак сняла маску с лица и провела ею по влажному лбу и набрякшим векам. Заметно было, как в последнее время спала она с лица, как залегли под глазами глубокие тени.

Недалеко от госпиталя тяжело ударил снаряд, раскатился эхом по саду. Александра Степановна отпрянула от окна и, побледнев, опустилась в кресло-качалку. Некоторое время она сидела молча, закрыв глаза, охватив руками голову.

«Надо еще раз попытаться уговорить Сивак уехать из Ленинграда», — подумала я. Будто прочитав мои мысли, врач сказала:

— Я никуда не уеду. Минутная слабость. Боль в голове и в сердце. Это все последняя контузия...

Сивак решительно встала, оправила примятый халат, вытерла холодный пот со лба батистовым платочком и прошла в палаты. Она обходила раненых одного за другим, внимательно и настороженно вглядываясь в их лица, поправляя повязки. Они были ей дороги, близки, как творение ее рук, как плод многих бессонных ночей и дней, когда для рассуждений не оставалось времени и всякое промедление для раненого было смерти подобно. У крайней кровати она задержалась. Молодой парень с забинтованным лицом что-то бормотал, всхлипывая, комкал смуглыми небольшими руками солдатское одеяло.

— Что с тобой? Тебе больно?

Он отрицательно покачал головой.

— Не тужи, парень, не расстраивайся. Я написала твоим родным о ранении. Потерши немного, и ты получишь письмо. Оно обязательно будет хорошим, добрым. Тебя не забыли. Разве может быть иначе? — Она села на край кровати и поправила ему повязку. — Челюсть срастется. Все пройдет, заживет. Вот контузия, да еще не одна, много хуже, тяжелее, — добавила она тише.

— Верно вы говорите, товарищ воезврач, — отозвался с дальней койки раненый. Широкий, еще не окрепший рубец перекашивал лицо и кривил рот иронической усмешкой. — Вот у нас в селе такой случай был... — И пошел разговор о любви и верности, который вспыхивал всякий раз, когда для этого возникал малейший повод. Врач, надавливая пальцем назойливо польсирующую вену на виске, вышла из палаты.

...В третьем часу ночи по лестницам госпиталя шагал через ступеньки высокий майор с окладистой седеющей бородой. Это был старший специалист группы усиления хирург И. А. Антекарь.

— Я пришел вас сменить пораньше, Александра Степановна.

— Но ведь сейчас два часа ночи, — удивилась Сивак.

— Что за беда. Не спится старику. Я поработаю, а вы отдохните. Усните крепко, спокойно. Я заговорил все снаряды, ни один сюда не прилетит, — хитро улыбался старый врач, поглаживая бороду и щуря карий глаз. Сивак благодарно сжала его руку и ушла к себе, легла на узкую кровать у печки, прикрывшись шинелью.

На смену ночи приходит раннее майское утро. Светлеет на востоке небо. В комнату проник солнечный луч, прилег зайчиком на стеклышко ее часов, перебрался на смоляные блестящие волосы, задержался на алой эмали ордена и нашивках за ранения. Тихо стучит метроном.

Три часа пополудни 2 мая 1943 года. В этот веселый праздничный день обстрел осажденного города показался особенно жестоким.

...В большой армейский госпиталь, принимавший раненых в школе у завода «Большевик», Первомай пришел ранним утром. Накануне в компате комиссара госпиталя допоздна затянулось совещание. Все судили и рядили, как лучше распределить посылки, полученные со всех концов страны для раненых.

— Что тут мудрить? Все посылки вскрывайте и подряд одаривайте. Вручайте письма, фотографии, особенно будьте внимательны к тем из раненых, у кого погибли родные, кому никто не пишет, — посоветовал замначсанарма полковник И. В. Павлинов.

Днем Первого мая врачи и политработники тепло поздравили раненых, роздали посылки. После раннего ужина собрались на праздничный концерт.

И вот наступил второй день Первомая. Внезапно в праздничную передачу включился тревожный стук метронома.

— Внимание, внимание, район подвергается артиллерийскому обстрелу!

Последние слова заглушили взрывы на проспекте Обуховской Обороны. Снаряд разорвался на улице, попал в здание больницы завода имени В. И. Ленина, где работал полевой хирургический госпиталь.

Раненые на улице. Раненые и убитые в госпитале. Вражеская батарея расширяет зону обстрела и переносит его на массивное здание школы, где работает госпиталь для легкораненых. Взрывной волной рвет часть крыши, стекла, рамы. Из палат, стуча костылями и палками, выходят раненые. Со столов слетает посуда.

На третий этаж взбежал начальник госпиталя майор И. В. Шерemet:

— Всем вниз, немедленно уходите в бомбоубежище. Госпиталь в квадрате обстрела. Унесите лежачих!

Начальник приемного покоя капитан Нина Леничева понеслась по этажам.

— Быстрее, быстрее спускайтесь в подвал, там безопасно, — уговаривала она.

В одной из операционных, расположенных на третьем этаже, только что закончилась операция. Хирург А. Г. Мусин послал сестру в бомбоубежище, но сам туда не торопился. В операционную вбежал Борис Аксенов — хирург из группы усиления.

— Мы тебя ищем, ты жив? А что это у тебя?

— Осколок, Боренька, и даже горяченький. Весит грамм двести. — Мусин покачал головой и положил теплый осколок в карман халата. — Отделались легко, осколок стекло пробил и на стол упал, а что же касается подвала, то кто его знает, где тебя найдет такая штукавина. Ты же знаешь, я — фаталист! Вот в гражданскую войну, помню, был такой случай...

Аксенов прорычал что-то и за рукав потащил «фаталиста» в коридор.

Обстрел района продолжался. Опустели верхние этажи. Весенний свежий ветер хозяйничал в палатах и коридорах, крутил обрывки бинтов и ватные шарики, играл цветными флажками. В подвале много раненых. В нескольких хорошо оборудованных перевязочных и операционных работают хирургические бригады. В небольшом помещении принимает раненных в лицо Александра Степановна Сивак.

Раненые поступают непрерывно. Их несут и ведут с улицы и из соседнего госпиталя, попавшего в беду.

Грохнул где-то близко снаряд. Сивак тихо охнула, присела на край стула, зажмурила глаза. Мучительно заныл затылок, будто перевернулось сердце. «Никто не должен заметить, никто. Сейчас же работать. Немедленно работать». Она беззвучно шевелит губами, приказывая себе успокоиться. Решительно встала, прикрыла взмокшее лицо марлевой маской и подошла к столику с инструментами.

— Внимание, внимание, артиллерийский обстрел продолжается!

В подвал внесли молодого паренька, подобранного на улице. У него рассечена губа, в горле клокочет. Его положили на стол, сняли куртку, ботинки. К нему подошла Александра Степановна. На ее бледном лице крупные капли пота. На виске жарко пульсирует предательская венка.

Внезапно сильный удар и грохот потрясли подвал. Вздрыбился пол, воздух наполнился терпким дымом и гарью. Тревожно закачалась и замигала операционная лампа. Потом новый грохот — и гнетущая тишина и мрак.

— Спокойно, товарищи! Всем оставаться на местах! Сейчас будет свет! — Голос начальника госпиталя был властен и спокоен.

Слабо, вполнакала, загорелась лампочка. Ее тусклый свет выхватил из висевшей пыльной завесы расколотый пол, распростертую на нем женщину в белом халате. Возле нее лежал кружевной батистовый платочек...

Через несколько дней госпитали сменили адреса. Многих раненых выписали для долечивания в батальон выздоравливающих, отправили в запасной полк. Оттуда они снова ушли в войска, готовые к новым битвам и сражениям. Были написаны и отправлены сто одно скорбное извещение о гибели солдат в разные концы страны. Только в них не было сказано, что погиб солдат не на поле боя, а при артиллерийском обстреле госпиталя на проспекте Обуховской Обороны.

Вернулась к работе челюстно-лицевой хирург Сивак, едва оправившись после тяжелой контузии.

Пришло теплое ленинградское лето. Новые задачи вставали перед войсками Ленинградского фронта. Близились дни полного освобождения Ленинграда, его пригородов, высот, откуда вражеские батареи посылали смерть на город.

Телесные раны заживают быстрее. Иногда остается лишь тонкий линейный рубец. Душевные раны сохраняются всю жизнь, они лишь чуть-чуть затягиваются, и каждое прикосновение к ним болезненно, оно рождает множество мучительных воспоминаний.

Миновали десятилетия. Память удержала первомайский концерт 1943 года, блестящие глаза солдат, мягкий южный говор задумчивой Сивак, подвал, наполненный человеческими страданиями, и стройную большеглазую девушку — врача Нину Леничеву, погибшую вместе с ранеными...

После войны я разыскала Александру Степановну Сивак. Контузии и развившаяся гипертоническая болезнь не прошли бесследно. Темные глаза ее потускнели. Счастье трудиться в послевоенном мире растаяло для нее, как мираж. Лишь пальцы остались прежними. Тонкими, нервными. Пальцы складывали и расправляли тонкий батистовый платочек...

Незаметно подошла осень сорок третьего. Она осталась в памяти долгими дождями. Наша 55-я армия, выполнив задачу по защите юго-западных рубежей Ленинграда, сливалась с 67-й.

До глубокой ночи не прекращалась напряженная хлопотливая работа в нашем санитарном отделе. Готовясь к сдаче дел, мы обобщали всю проделанную работу. Это заставило нас еще раз вернуться к ушедшим годам, анализируя как достижения, так и промахи и ошибки в организации медицинской службы армии. Тщательно просеивался коллективный опыт в лечении и заживлении ран, все лучшее, полезное отражалось в отчетах.

Не обойдены были, естественно, в отчетах и кадры. Это они, врачи, фельдшера, медсестры и санитары, имевшие вначале весьма поверхностное представление о медсанбате или о специфике санитарной работы в войсках, взяли на себя всю тяжесть заботы о раненых и больных воинах. И добились многого. Они приобрели ни с чем не сравнимый ценный военный опыт, самоотверженно работали и всегда, даже в самое трудное блокадное время, упорно занимались. Сейчас может показаться невероятным, но за время существования 55-й армии в госпиталях и медсанбатах было проведено множество учебных сборов медиков. Армия подготовила сотни санитаров, санитарных инструкторов, медицинских сестер. Научно-практические врачебные конференции хирургов, терапевтов, инфекционистов и эпидемиологов, войсковых врачей, шесть сборников научных трудов — вот лишь некоторые вехи многогранной деятельности санитарного отдела армии.

Университеты войны были крепким орешком, и не каждому было по зубам его разгрызть. Но тот, кто их прошел, кто выносил раненых с поля боя, кто оперировал или переливал кровь в трудных фронтовых условиях, кто превращал безжизненные здания школ в благоустроенные госпитали, кто голодал, холодал, болел жестокой

Санинструктор 63-й гвардейской дивизии А. С. Дроздов. Погиб в Красном Бору, спасая раненого, в феврале 1943 года.

дистрофией и писал при этом научные работы при свете фитилька,— тот почувствовал себя настоящим военным медиком, всегда готовым бороться за жизнь вверенных ему раненых.

В те дни, перед уходом из нашей армии на другие участки фронта, в санотделе побывали многие начсандивы, комбаты, начальники лечебных учреждений. Кое-кто из них начинал службу в армии войсковым врачом. Теперь уходили из армии майоры, подполковники с боевыми наградами Родины.

...Подошел ноябрьский вечер 1943 года, когда, сдав последние дела в санитарный отдел фронта, мы вернулись в опустевший штаб армии. Было грустно, будто потеряли что-то дорогое, большое. Наш дружный коллектив распался. Одни получили назначение в 67-ю или 42-ю армию, другие, находясь в резерве, ждали решения своей участи. М. А. Могучего откомандировали в санитарное управление Красной Армии, откуда его направили возглавлять санитарную службу Войска Польского.

В те дождливые дни я написала первые в своей жизни очерки о тех, с кем мне пришлось встречаться на дорогах войны. Отдала дань дням и ночам Колпина, Кларисе Чернявской, Клавушке Орловой.

Вынула из ящика письменного стола фотографии, собранные за три года, переписку военных лет, помеченную штампом военной цензуры, свои дневниковые записи,

рисунок разбитого колпинского медсанбата, уложила все в папку, перевязала широким бинтом и дала себе слово вернуться к этим материалам после войны, если, конечно, останусь жива.

Я вернулась к этой заветной папке много лет спустя, хотя не переставала о ней думать и всегда возить ее с собой. Я часто доставала ее, тонкую, успевшую пожелтеть от времени, и поглаживала, как это делал старый Лучаев, вручая мне штатно-должностные списки медиков 268-й дивизии. Мне было трудно и нестерпимо больно развернуть ее, ибо это значило смотреть в живые глаза ушедших, вновь пережить все, опять пройти дорогами-тропинками войны.

Не решалась я начать писать о друзьях-товарищах военных лет. Но тут помогли и подтолкнули меня фронтовики. Они многим дополнили отрывочные записи военных лет, а главное, заставили преодолеть робость, взяться за перо, чтоб попытаться рассказать о рядовых и сержантах, лейтенантах и капитанах, майорах и подполковниках медицинской службы.

...Но все это было потом, а пока еще шла война. Она ежечасно напоминала о себе вражеским обстрелом города. Однако все мы чувствовали, что время работает на нас и стремительно приближаются новые битвы за полное освобождение Ленинграда от вражеской блокады.

После Нового года я получила назначение во фронтовой госпиталь № 1014, принимавший раненых на Мойке, в корпусах Педагогического института имени Герцена. Развернутый в сентябре сорок первого, управляемый умелой рукой и железной волей его начальника полковника Н. Н. Шаталова, заместителем которого по административной части я и была назначена, коллектив госпиталя действовал удивительно слаженно и четко. Старшим хирургом госпиталя был полковник П. Н. Острогорский, в прошлом преподаватель анатомии в Первом медицинском институте. Мы, студенты, знали: непросто сдать зачет Острогорскому, зубрежка не выручит, надо глубоко понимать анатомию — основу всех медицинских наук. Острогорский оказался не только прекрасным теоретиком, но и замечательным практиком-хирургом, дарование которого особенно проявилось в годы войны.

Работала в госпитале также Н. А. Церингер, до войны преподаватель хирургии Военно-фельдшерского училища имени Щорса. Она сама оперировала многих тяжелораненых и оказывала помощь еще пяти хирургическим отделениям, в которых трудились молодые врачи К. Д. Шам-

Командир операционно-перевязочного взвода медсанбата 13-й стрелковой дивизии майор медицинской службы М. А. Шкляревский.

раева, А. Г. Непмасова, А. И. Ренькова, А. Г. Чернявский и другие.

На ночных дежурствах я слушала рассказы сестер и нянечек о том, как многочисленные лаборатории и аудитории старинного здания стали похожи на медицинские палаты. Как восемнадцать раз на территории госпиталя разрывались вражеские снаряды, как провожали на Большую землю обессиленных, изголодавшихся раненых, нуждавшихся в длительном лечении и полноценном питании.

Я слушала, запоминала, представляя, как ползком или на костылях пробираются раненые через заснеженный сад к проходу в ограде. Тех, кто не смог идти, несут на плащ-палатках, везут на санках тоже ослабленные и больные сотрудники госпиталя.

На лица раненых надеты ватно-марлевые маски с прорезями для глаз и рта. Поверх гипсовых повязок натянуты утепленные нарукавники, сапоги. Путь на Большую землю этой группы раненых труден и опасен. Он начинался от трамвайной остановки у Казанского собора, вел к Ржевке, а оттуда — по автомобильной дороге до Осиновца и далее по льду Ладожского озера к Кобоне. Тихо позванивая, отходили трамвайные поезда от улицы Плеханова, увозя сотни раненых, заполнивших скамейки и все проходы. Острый свет карманных фонариков выхватывал лишь белые маски, скрывавшие худые, изможден-

ные лица. В вагонах за насквозь промерзшими стеклами было так же холодно, как и на открытом воздухе.

Проводив последний трамвай, врачи и сестры, уставшие и продрогшие, вернулись в госпиталь. Никто не знал, как сложится дальнейшая судьба тех, кого они оперировали, лечили и теперь проводили. Хватит ли у них сил перенести тяжелое путешествие? В памяти людей навечно осталась эта ночь и белые «призраки», заполнившие трамваи, предупреждающие короткие звонки вагоновожатых, опустевшая трамвайная остановка на углу Плеханова и Невского.

Еще одна памятная история из жизни этого фронтowego госпиталя, услышанная мною в те дни.

Летним днем сорок второго врачи госпиталя обратились к начальнику за разрешением вынести раненых из палат, расположенных в первом этаже северной части корпуса, в сад, на солнышко. Шаталов хмуро слушал, смотрел исподлобья, постукивал по столу огрызком карандаша. Лицо начальника госпиталя, обычно спавшего лишь урывками, да и то в предутренние часы, было бледным и одутловатым. На настойчивые просьбы начальников отделений он отвечал категорическим отказом.

— А если обстрел начнется, что мы будем делать? Мы даже не успеем всех унести,— объяснял он.

— Так уж и начнется обстрел,— твердили дружно Покровская, Церингер, Шамраева.— Сегодня так тихо, будто и войны нет. Давайте рискнем?

Действительно, день был теплым, и с утра ни один снаряд не разорвался на улицах Ленинграда. Шаталов побряхтел, поерзал на широком стуле и неохотно уступил.

Раненых в тяжелых гипсовых повязках и в шинах понесли на плащ-палатках врачи и сестры и всех уложили на траву. Впервые за много месяцев люди увидели яркую сочную зелень, их тела коснулись теплые лучи, принеся им пусть мгновенную, но острую радость. Но Шаталов оказался прав. Не прошло и часа, как начался интенсивный обстрел района. Поначалу снаряды ложились на площади у Казанского собора, потом все ближе к высокой чугунной решетке, отделявшей улицу Плеханова от сада, который в старину называли «Мамкиным». (В нем в конце прошлого века женщины-кормилицы гуляли с сиротами — воспитанниками бывших Николаевского и Александровского институтов.) Только энергичные действия врачей да старшей сестры госпиталя Ефросиньи Денисовны Назаровой спасли раненых. Увлекая за

собой санитарок, они бросились в сад и успели унести последнего раненого незадолго до того, как между деревьями разорвался первый снаряд.

В госпитале работало много искусных хирургов. Но среди них, как я вскоре убедилась, особенно выделялась врач Наталья Александровна Церингер — высокая женщина со спокойными зеленовато-серыми глазами и ямочками на щеках. Ей были присущи исключительный такт и самообладание. Она ровно держалась со всеми сестрами, нянечками, больными. Красивая, статная, сильная, совершенно лишенная кокетства и в то же время очень женственная, она оперировала наиболее тяжелых раненых. Ее постоянно можно было встретить то в одном, то в другом отделении большого госпиталя.

Каждая операция внутренних органов — это несколько часов напряженного труда, огромного расхода энергии и физических сил.

Как ни опытен врач, он часто испытывает потребность посоветоваться со своими коллегами. Так было и в тот вечер, когда Н. А. Церингер заканчивала сложную операцию. Ранение грудной клетки было сквозным, множественным. Она наложила с десятков швов на поврежденное легкое, остановила кровотечение и готовилась завершить операцию, как что-то остановило ее. Церингер попросила Острогорского посмотреть рану. Коллега обратил ее внимание на едва заметное кровоизлияние в диафрагме, порекомендовав сделать небольшой разрез там, где чуть заметно краснело небольшое кровавое пятнышко. Подсказка Острогорского помогла. В том месте, на которое он указал, небольшой осколок проник через грудобрюшную преграду, поранив верхнюю часть желудка, и вызвал кровотечение...

Каждый такой случай не проходит для врача бесследно, напоминая о себе в сходной ситуации.

Незадолго до начала боевых действий по окончательному разгрому врага под Ленинградом Шаталов развернул бурную деятельность. В госпитале, который насчитывал 2000 коек, были дополнительно развернуты еще 3000.

Огромные палаты — бывшие аудитории и кабинеты — стали похожи на корабельные каюты. Нижний этаж займут раненые в ноги, верхний — легкораненые.

Рано утром 15 января 1944 года нарастающий интенсивный гул нашей артиллерии, от которого содрогались

уделевшие стекла, ни у кого не оставил сомнений в том, что пробил решающий долгожданный час.

Просторное помещение приемного отделения быстро заполнялось. Начальник отделения Иванова и начмед Покровская сортировали раненых, выделяя тех, кому в первую очередь необходима операция. Поведение раненых изумляло: почти не слышно было стонов и жалоб. Военные находились еще во власти незабываемых впечатлений от мощных и точных ударов нашей артиллерии, крушившей неприступные вражеские укрепления. Каждый из тех, кто теперь лежал на нарах и топчанах, еще утром сражался с врагами, и кровь его пролилась на затоптанный посеревиший снег. Даже тяжелораненые громко переговаривались, рассказывали, как врывались во вражеские траншеи, как бежали вперед, уничтожая засевших гитлеровцев, пока не падали, сраженные пулей или осколком. В солдатских «сводках» мелькали знакомые названия поселков и станций.

Когда начало пригревать весеннее солнышко, пришел приказ о моем откомандировании в Первую ударную армию.

И вот я снова на фронтовых дорогах, ведущих в Эстонию и Латвию. Еду с коллективом полевого госпиталя, который мне поручено возглавлять.

По узким дорогам непрерывным потоком движется транспорт. Среди машин различного назначения, артиллерии и танков вкраплены небольшие санитарные машины. Иногда дорогу закупоривает «пробка», и тогда мы долго «загораем» возле своих машин. «Пробки» объединяют фронтовиков, иногда происходят неожиданные встречи со старыми друзьями. Так, услышав от танкиста, что впереди на нескольких машинах стоит ленинградский полевой госпиталь, я, пройдя с полкилометра, увидела Анатолия Петровича Кондратьева. Весеннее солнце обветрило его обычно бледное лицо, за выпуклыми стеклами очков, как и раньше, молодо поблескивали глаза. В руках у Кондратьева пачка «Беломора», заменившего блокадные «козьи ножки». Под Нарвой и Псковом хирурги госпиталя № 630 работали с большим напряжением, вместе с хирургами группы усиления принимая раненных в грудь, в живот. Теперь госпиталь Кондратьева держит путь на Ригу, куда следуем и мы.

...Наступил сорок пятый. Весна на Рижское взморье приходит раньше, чем в Ленинград. Уже в середине апреля зацвел ландыш и покрыл белым душистым ковром холмы, долины. Его нежный запах, заполнив все, проникал в помещения.

В ясный, теплый солнечный день, когда всюду было белым-бело от лепестков ландыша, когда начала распускаться дивной красоты сирень, неожиданно прозвучали первые салюты Победы.

Лес, холмы, залив, река наполнились ликующими возгласами, пальбой в воздух из пистолетов и автоматов... Смеясь и плача, люди обнимались, дав на мгновение волю долго сдерживаемым чувствам, поздравляли друг друга с Победой, долгожданным, таким выстраданным Миром...

Стремительно неслись послевоенные дни, проходили быстро и годы. Все меньше и меньше оставалось на земле ветеранов-фронтовиков, моих родных боевых друзей. Поэтому, наверное, так дорога каждая встреча с ними, когда за дружеской беседой не замечаешь, как заря сменяет долгую ночь.

Много радости доставила встреча в пятидесятых годах с бывшим командиром медсанбата 168-й дивизии Зинаидой Алексеевной Каневниной. Годы не изменили ее характер, не снизили жизнерадостность, сохранили ясную память. С чувством глубокой благодарности и любви она называла многих, с кем работала с первых дней формирования дивизии.

Вспоминается торжественное собрание в Военно-медицинском музее, посвященное 20-й годовщине освобождения Ленинграда от блокады. Выступает бывший главный хирург Ленинградского фронта, всеми уважаемый и любимый профессор Петр Андреевич Куприянов. Он благодарит своих коллег профессоров, представителей различных хирургических школ, с первых дней войны с чувством глубокой ответственности принявших единую в Красной Армии доктрину военно-полевой хирургии. Суровы были условия Ленинграда и для работы хирургов. Но они все превозмогли. Делали сложнейшие операции, создали госпитали, которым было суждено дойти до Берлина.

Вернувшись с войны, хирурги не сразу втянулись в когда-то привычный, знакомый до мелочей распорядок работы.

...Плановые операции, операционные дни, нормированный рабочий день. Эти слова звучали для них теперь

странно. Они навсегда сохранили военную привычку — жить и трудиться самозабвенно, в полную силу, без скидок на возраст и болезни. Хирурги хорошо защищали свою Родину, и она одарила их благодарностью. Как память о прошлом, что неотделима от настоящего, как дань фронтовой дружбе, что превыше всего, хранят они боевые ордена и медали, выгоревшие на солнце гимнастерки и пилотки с алой пятиконечной звездой.

В январские дни 1964 года в Доме офицеров, где в дни блокады делегаты фронтовой медицинской конференции обогревались собственным дыханием, тепло, уютно, много цветов.

Среди множества военных вижу женщину в гражданском костюме, на ее плечи накинута бордовая шаль. Это «товарищ Валя» из истребительного противотанкового полка, медицинская сестра старший сержант — доцент Института точной механики и оптики В. В. Иванова (Пальчевская). Валентина пришла в Дом офицеров в надежде встретить однополчан.

Мы вспомнили Красный Бор, боевых друзей, ее подругу Машеньку Гендлину. Валя мне сказала:

— Если бы всюду, где пролилась кровь наших воинов, могли зацвести маки, то вся земля вокруг Ленинграда заалела бы яркими цветами.

Разбрелись по стране израненные в боях санитарки и санинструкторы, не щадившие себя, чтобы спасти раненых.

В Москве, в Доме дружбы, долгие годы заведовала библиотечным коллектором Софья Соловьева (Полякова), участница осенних боев на Невском «пяточке». В Ленинграде живут и трудятся боевые друзья Л. Л. Либов и Б. Н. Аксенов, Настенька Тихонова, Мария Корниенко, Лариса Хабазова, Антонина Яковлева, Ольга Будникова, Мария Сысоева (Дубровская), Екатерина Константинова и многие другие бывшие солдаты медицинской службы. Бывшая санитарка, а потом разведчица 13-й стрелковой дивизии Татьяна Никитенко после трех ранений закончила университет, работала судьей.

Любимая медсанбатовцами 85-й дивизии медсестра Шурочка — Александра Зиновьева — за доблестный труд была награждена орденом Ленина.

Несколько раз приезжал на встречу фронтовиков из Перми гвардии подполковник А. В. Медведев, из Кемерово — бывший начальник эвакуационного медсанбата 168-й дивизии врач В. Столяров, из Эстонии — бывший начсан 268-й дивизии Д. И. Банщиков.

В Харьковском институте травматологии и ортопедии много лет работала моя помощница по санитарному отделу, бывший военфельдшер Наталья Савенко (Валюгина) — ныне кандидат медицинских наук, ортопед-физиотерапевт. Как большую реликвию хранит Наташа склеенную ее руками патефонную пластинку, когда-то плясавшую на патефонном диске, будившую на рассвете голодных сапотдельцев.

И кто его знает, чего он вздыхает,
Чего он вздыхает, чего он вздыхает...

Сменившие ее в санотделе «девочки» живут в Ленинграде. Исполнилась мечта Лели Васильевой — она много лет работала акушеркой, а Тося Молоткова (Кузнецова) — в лечебном секторе Главного управления здравоохранения.

Доброй славой пользуется Объединенная больница № 20 с ее многопрофильными отделениями и специальными лабораториями. Этой больницей руководит бывшая старшая операционная сестра медсанбата 43-й дивизии и групп усиления ОРМУ-41 Полина Тихоновна Качалова (Кузьмина). Полина выполнила наказ своего учителя М. К. Грекиса и закончила медицинский институт. Теперь она умело растит молодых сестер и врачей, расширяет, строит, совершенствует клиническую больницу.

После долгого перерыва побывала в Ленинграде и Валентина Чибор. Я навестила ее в урологической клинике, где она проходила курс лечения единственной почки.

Мы встретились как старые добрые друзья и до самого отбоя просидели у окна, вспоминая грозные ленинградские блокадные дни и ночи. В Ленинграде стоял теплый вечер, и над Фонтанкой-рекой носились белокрылые чайки.

Наступил час расставания.

— Знаете, — сказала Валя и провела пухлой рукой по кудрявым с проседью волосам. — Когда я шла по Невскому, мне казалось, что в потоке людей обязательно есть кто-то, кого я спасла в годы войны, и эта мысль меня согревала, помогала забывать о болезнях.

Чибор на ранения удивительно «везло». На Нарвском плацдарме в сорок четвертом ей пришлось удалить одно легкое. Это было ее четвертым ранением. Казалось бы, всё — записывайся в инвалиды! Но Чибор была бы не Чибор, если бы смирилась с инвалидностью, когда еще шла война. Ведь слово себе дала — встретить Победу на вражеской земле. А свое слово эта женщина бросать на

ветер не любила. Она выписалась досрочно и улетела догонять войну на 1-й Украинский фронт.

Она служила на аэродроме, вылетала за ранеными в Партизанский край, в район Тридуба. За иллюминаторами мелькали разноцветные трассирующие пули. Самолет совершал вираж, а женщина с одним легким, тяжело дыша, ловила воздух, но прекратить свою опасную работу не соглашалась.

На аэродроме ее ранило в последний — пятый раз. Новая сложная операция. Раненую тогда почку через несколько лет удалили, но войну Валентина все же закончила на земле поверженного врага, как поклялась тогда, в сорок первом.

Не забыть встречи с фельдшером Александром Шараповым — заведующим сельским врачебным участком на Смоленщине. Шарапов долго молча перебирал фотографии военных лет и, вдоволь наглядевшись на товарищей — гвардейцев 45-й, нехотя откладывал снимки в сторону. Но с одним из них никак не мог расстаться. Все поглаживал прокуренными пальцами лихо заломленную кубанку на голове молодого чубастого фельдшера.

И декабрьский мороз, разукрасивший стекла, и фотографии друзей его боевой молодости — Сергея Крылова и санинструктора Василия Пояркова — растревожили память. С ними, молодыми ребятами, Шарапов — кадровый военфельдшер — коротал суровые колпинские дни и ночи и таскал раненых из противотанковых рвов, вылавливал их в Неве. Вернейшего товарища, фельдшера Сергея Крылова, потерял на Тосне-реке, потом его самого ранило. Под Синявином погиб Василий Поярков.

Шарапов зажмурился. Провел жесткой худой ладонью по влажному лбу, облизнул обветренные губы, внезапно ощутив на них горький привкус соли.

— Не верю, что с годами стирается память, — сказал мне Шарапов глуховатым голосом застарелого курильщика, кроша побелевшими пальцами папиросу. — Смотря какая. Разве их забудешь...

В 1971 году на встречу фронтовиков 56-й стрелковой дивизии прилетел бывший начальник артиллерии 213-го полка капитан С. К. Хачатуров, и его сразу тесным кольцом окружили однополчане.

— Неужели Хачатуров не признает меня? — сказала мне тихо Валентина Ульянова. — Конечно, тридцать лет — срок немалый.

Узнал ее Сергей Каспарович. Узнал по доброй, мягкой улыбке, темным точечкам на схваченном первом ве-

сенним солнцем лице. Узнал, обнял и говорить от волнения долго не мог.

Поезд медленно отошел от перрона Витебского вокзала в Пушкин. За окнами проносились корпуса новых кварталов быстро растущего города на низких купчинских землях. Как было не вспомнить раннюю осень сорок первого, деревянную станцию Купчино, похожую на придорожную корчму, чахлые кустарники, воронки от снарядов, бомбежку. Наш поезд тогда не дошел до Пушкина, и мы с Новиковым шли пешком через совхозный поселок Шушары. Горели дома, по дороге торопливо шли беженцы, толкали тележки с вещами.

...За окнами проплывает платформа станции Шушары. Там, где бушевал огонь войны, теперь вырос красивый поселок, застроенный современными домами.

В вагоне шумно, весело. Бывший шофер медсанбата Юрий Бродель затянул «Тальяночку», и ему подпевают все пассажиры.

Вот и город моей юности, вечно молодой, цветущий город-парк Пушкин, восставший из руин!

Пушкин водружен на свою любимую скамейку. Он говорит нам, пришедшим к нему с цветами:

Все те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.

На обратном пути прохожу мимо больницы имени Семашко. На ее территории выросли новые корпуса. До войны больницу возглавлял известный организатор здравоохранения М. И. Смирнов, давший мне путевку в медицинский институт. Сюда я приходила 17 сентября сорок первого, и ветер кружил в опустевшем рентгеновском кабинете обрывки пленок и шафрановые листья.

В нашем старом доме на Васильевском острове давно нет тех, кто жил и трудился в дни войны во имя грядущей Победы, кто считал дрожжевой суп декабря сорок первого высшим лакомством. В белые ночи из окон льется негромкая музыка, слышатся песни, не похожие на песни нашей юности. Каждому времени свойственны свои приметы, свои мелодии. Иногда прорывается что-то близкое, знакомое. То сосед перебирает струны гитары и поет песню про тесную печурку, огонь и гармонь...

Тогда замирает сердце. Вспоминаю, как, вернувшись с войны, баюкая сына, я пела ему колыбельную на мотив бессмертной «Землянки». С тех волнующих и суровых дней нашей жизни прошло несколько десятилетий, а мне все кажется, что это было вчера...

*Глава I***На подступах к Ленинграду**

Начало ратного пути	3
Формируемся	9
Ополченцы 2-й гвардейской	15
Встречи в парке	27
И снова автохирургический отряд	31
Отступление	39
На южных рубежах	49
Соседи справа	60

*Глава II***Блокадные будни**

Во втором эшелоне	78
Супруги Орловы	80
Хирург Приступов	83
Первая армейская конференция	87
Медики 56-й дивизии	94
Госпиталь № 630	99
Суп со стеариновой свечкой	111
Это было давно...	115

*Глава III***Дни и ночи Колпина**

Военфельдшера	122
Колпинские медсанбаты	124
Старшина Овчинников	142
В День Красной Армии	145
Весна	149
Фронтные подруги	155

Вторая армейская конференция	158
26 марта сорок второго	164
Последнее ЧП в медсанбате Александрова	167

Глава IV

Не забудьте, помните!

Клариса Чернявская	170
Из записей в старом блокноте	176
На Ивановском плацдарме	181
Канун сорок третьего	185
У переправы	188
Прорыв	: : 200
В Красном Бору	210
Они не считали себя героями	221
Кашменский и другие	224
Товарищ Валя	229
Батистовый платочек	234
Вместо эпилога	241

Людмила Петровна ДРОБИНСКАЯ
Пишите мне на медсанбат

Ведущий редактор *И. Г. Турундаевская*
Младший редактор *И. В. Петрова*
Художник *А. А. Кузьмин*
Художественный редактор *И. В. Зарубина*
Технический редактор *И. Г. Сидорова*
Корректор *Т. П. Гуренкова*

ИБ № 5196

Сдано в набор 04.07.89. Подписано к печати
15.12.89. М-18328. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага
тип. № 2. Гарн. об.-нов. Печать высокая. Усл.
печ. л. 13,44. Усл. кр.-отт. 13,86. Уч.-изд. л. 14,52.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 127. Цена 1 руб.

Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Типо-
графия им. Володарского Лениздата, 191023,
Ленинград, Фонтанка, 57.

Дробинская Л. П.
Д75 Пишите мне на медсанбат. — Л.: Лениздат,
1989, — 254 с., ил.

ISBN 5-289-00757-1

Автор книги — подполковник медицинской службы в отставке. С первых же дней Великой Отечественной войны она добровольно отправилась на фронт, служила в санитарном отделе 55-й армии, которая в годы блокады защищала Ленинград. Л. П. Дробинская рассказывает о своих боевых друзьях, о многих военных медиках, вместе с которыми она прошла суровыми фронтовыми дорогами.

Д $\frac{1305010000-031}{M171(03)-90}$ 69—90

63.3(2)722.78

Подполковник медицинской службы в отставке, кандидат медицинских наук Л. П. Дробинская в 1938 г. окончила 1-й Ленинградский медицинский институт им. академика И. П. Павлова.

В первые же дни Великой Отечественной войны, прервав учебу в аспирантуре, она добровольно идет на фронт и вскоре получает назначение в санитарный отдел 55-й армии, которая в годы фашистской блокады защищала подступы к Ленинграду. За ратный труд была награждена орденами Отечественной войны II степени и Красной Звезды, многими медалями, а также орденом Польской Народной Республики «Серебряный крест заслуги».